

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Социологический институт

Власть и элиты

Power and elites

Том 3

Санкт-Петербург
2016

УДК 32
ББК 66.0
В 58

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.В. Дука, к.пол.н., главный редактор
А.В. Быстрова, к.э.н.
В.В. Козловский, д.филос. н.
Д.Б. Тев, к.с. н.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.А. Ачкасов (С. -Петербург, Россия)
О.В. Гаман-Голутвина (Москва, Россия)
В.А. Гуторов (С. -Петербург, Россия)
А.А. Зоткин (Киев, Украина)
Н.Ю. Лапина (Москва, Россия)
В.Г. Ледяев (Москва, Россия)
О.Ю. Малинова (Москва, Россия)
В.П. Мохов (Пермь, Россия)
П.В. Панов (Пермь, Россия)
И. Панькув (Краков, Польша)
У. Хоффманн-Ланге (Бамберг, Германия)
А.Е. Чирикова (Москва, Россия)

EDITOR

A. Duka, Dr., St. Petersburg
EXECUTIVE BOARD
A. Bystrova, Dr., St. Petersburg
V. Kozlovskiy, Dr., Prof, St. Petersburg
D.Tev, Dr., St. Petersburg

EDITORIAL BOARD

V. Achkasov (St. Petersburg, Russia)
A. Chirikova (Moscow, Russia)
O. Gaman-Golutvina (Moscow, Russia)
V. Gutorov (St. Petersburg, Russia)
U. Hoffmann-Lange (Bamberg, Germany)
N. Lapina (Moscow, Russia)
V. Ledyayev (Moscow, Russia)
O. Malinova (Moscow, Russia)
V. Mohov (Perm, Russia)
I. Pańków (Warszawa, Poland)
P. Panov (Perm, Russia)
A. Zotkin (Kiev, Ukraine)

Власть и элиты / Гл. ред. А.В. Дука. Т. 3. СПб.: Интерсоцис, 2016. — 256 с.

Power and Elites / Ed. by A. Duka. Vol. 3. St. Petersburg: Intersotsis, 2016. — 256 p.

Альманах посвящен теоретическим и методологическим проблемам изучения власти и элит, вопросам эволюции и функционирования властных групп в России и других странах, трансформации российского общества, структур власти и практик групп доминирования. Особое внимание уделено сравнительным исследованиям элит, а также взаимовлиянию элитных групп и гражданского общества.

Издание представляет интерес для широкого круга обществоведов, исследующих проблемы власти и властных групп, преподавателей социологии, политологии и истории, а также политических практиков — экспертов, консультантов и действующих политиков.

Утверждено к печати Ученым советом
Социологического института РАН

СОДЕРЖАНИЕ

Дука А.В. Предисловие	5

Национальные элиты и лидерство

Соловьев А.И. Управленческий функционал политического лидера: формы системной организации	12
Лапина Н.Ю. Взаимодействие элитных групп во Франции	33

Вызовы власти

Магомедов А.К. «Лишние люди» России. Игорь Стрелков и герои Донбасса в контексте российского авторитаризма	73
Гольбрайх В.Б. Экологический активизм: новые формы политического участия.	98

Региональные властные группы

Даугавет А.Б., Дука А.В., Тев Д.Б. Региональные властные группы: основные социально-структурные характеристики и инновационный потенциал	121
Быстрова А.С. Формирование российской элиты Севастополя	187

Власть в городе

Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. Власть в моногороде	206
Пустовойт Ю.А. «Кто хозяин?»: формирование и развитие моделей власти в районах сибирского мегаполиса	235

Сведения об авторах	254
Contributors	255

CONTENTS

<i>A. Duka. Preface</i>	5

National Elites and Leadership

<i>A. Soloviev. Management functions of a political leader: forms of systemic organization</i>	12
<i>N. Lapina. The interaction of elite groups in France</i>	33

Challenging the Power

<i>A. Magomedov. Unnecessary People of “The Russian World”: Igor Strelkov and Heroes of Donbass in Context of Putin’s Authoritarianism</i>	73
<i>V. Golbraih. Environmental activism: new forms of political participation</i>	98

Regional Power Groups

<i>A. Daugavet, A. Duka, D. Tev. The regional power groups: main socio-structural characteristics and innovation potential</i>	121
<i>A. Bystrova. Formation of the Russian elite of Sevastopol</i>	204

Power in the City

<i>A. Chirikova, V. Ledyayev. Power in the mono-industrial company town</i>	206
<i>Y. Pustovoyt. “Who is the master?”: genesis and development of power models in various districts of Siberian megalopolis</i>	251

Сведения об авторах	254
Contributors	255

ПРЕДИСЛОВИЕ

Третий том Альманаха, как и предыдущие два, дает читателю разнообразные картины власти и властных отношений. Прежде всего, географически. Но одновременно и системно-политически. Помимо этого, читатель альманаха встретится с теоретическими построениями, нацеленными на возможность анализировать политическую и административную среды, а также с эмпирическими исследованиями. Кроме того, в этом томе авторы обращаются к разным политическим акторам: тем, кто принимает решения, и тем, кто пытается повлиять на этот процесс. И, как всегда, на страницах Альманаха встречаются разные идеологические позиции. Авторы непосредственно не дискутируют друг с другом, но отчетливо выражают свои, подчас очень расходящиеся, идейно-политические взгляды. Часть текстов содержит некоторые прогнозы, могущие показаться не вполне обоснованными. Но как заметил Василий Осипович Ключевский: «Нельзя мыслить без предположений и гаданий. Мысль невольно забегает вперед факта и в области будущего старается положить свои последние результаты» (Ключевский 1990: 290). Размышления участников Альманаха не являются в этом отношении исключением.

Открывает книгу статья *А.И. Соловьевы* об управленческом функционале политического лидера. Проблема лидерства становится всё более актуальной, что связано как с удачами, так и провалами лидеров как национального, так и локального уровня. В любом случае лидерство и лидеры рассматриваются в ракурсе их исключительности, хотя, не всегда это делается очевидно. Персонафикация политики и административной деятельности частично связана с потребностью в политической идентификации граждан, а также с идентификацией политики, которая стремится к некоей размытости и фактической безответствен-

ности. Масса экспертов, специалистов, помощников и просто клерков включается между инстанциями, принимающими решения, и населением. В этой ситуации лидер делает понятной власть и способствует ее легитимности. (Иногда и наоборот.) Но помимо (взаимо)отношения населения и власти существует также и проблема самой власти, ее институционального укрепления, повышения эффективности. Лидерству и лидеру в рамках властных структурно-функциональных отношений принадлежит выдающаяся роль. Именно управленческому функционалу политического лидера и посвящена статья автора. А.И. Соловьев предложил весьма интересную и креативную концепцию лидерской субсистемы. Представляется, что объяснительные и прогностические возможности этой конструкции большие. Однако, судить, конечно, нашим читателям.

Французский опыт элитных отношений достаточно далеко отстоит от нашего, отечественного. Опыт республиканизма и развитость публичности в противоположность российскому политическому бытованию издавна понуждали российских мыслителей как-то объяснить и понять это различие. В связи с этим Николай Яковлевич Данилевский в конце позапрошлого века достаточно четко разъяснял: «Диаметральную противоположность с Французским представляет в этом отношении Русский народ. Его политические воззрения, его политическая воля до того ясны, определены и цельны, что даже их нельзя назвать воззрениями, убеждениями и даже волей, потому, что понятие воли предполагает выбор, оценку pro и contra. Политические воззрения и убеждения, государственная воля Русского народа составляют непреложный политический инстинкт, настоящую политическую веру, в которой сам он не сомневается и относительно которой никто, сколько-нибудь знакомый с нашим народным духом, усомниться не может» (Данилевский 1890: 225). Спустя десятилетия эта особенность наших соотечественников стала фундаментом теоретических рассуждений об историческом наследии, зависимости российской политики от пройденного пути, колейности келейности нашей политики и политического устройства и проч. Тем самым определенная легитимация слабости демократии приобретает свое закономерное основание и имеет вид исторической обусловленности и естественности. В этом отношении исследование того, что происходит на другом конце Европы бесполезно. Н.Ю. Лапина уже который раз открывает нам прикровенные практики французской элиты. Автор анализирует то, что она называет «элитным

треугольником» — политики, интеллектуалы и журналисты. Взаимодействие внутри этого сообщества составляет важную сторону политической жизни Пятой республики. Напряженность отношений, стремление каждой стороны реализовать свои интересы, «определить» своё видение прошлого, настоящего и будущего страны — предмет изысканий исследователя. Особенно важно то, что Наталья Юрьевна опирается на интервью с представителями французского истеблишмента. Здесь внешнее наблюдение и анализ опирается на взгляд изнутри.

Современная история России весьма насыщена событиями и процессами, которые бросают вызов существующему авторитарному режиму. В одних случаях он носит элитный или субэлитный характер, в других — более широкий. В статье А.К. Магомедова рассматривается альтернативный политик (то есть, не входящий в российский истеблишмент) и альтернативная политическая программа для страны. Противопоставление сложившемуся олигархическому режиму «героев войны» вполне естественно для массового сознания. Это можно увидеть во всей недолгой истории новой России. Но в условиях жесткого контроля политических коммуникаций властные элиты достаточно успешно инструментализируют и патриотический порыв, и самих героев «Русского мира». Автор демонстрирует кремлевские практики по «одомашниванию» неукротимых харизматиков, бросивших вызов авторитету. Текст эмоционально насыщен, как и предыдущая статья автора во втором томе Альманаха. Собственно, данная статья является продолжением повествования А.К. Магомедова об «окопных героях».

Текст В.Б. Гольбрайха нацелен на изучение «диванных политиков». Слактивизм¹, несмотря на отстранение от реальных действий в социально-физическом политическом пространстве, не столь безопасен для существующего политического режима. Посредством сети распространяются онлайн-петиции, политическая информация, осуществляются флешмобы и массовые рассылки. И, что очень существенно — формируется общественное мнение интернет-аудитории. Но есть и опасность манипулирования участниками интернет-активности со стороны властных групп. Эти и другие стороны онлайн-участия обсуждаются автором. Эмпирически исследование В.Б. Гольбрайха основывается на

---

¹ Английский неологизм *slacktivism* происходит от *slack* — «лентяй» и *activism* — «активизм».

анализе петиций в социальной сети «В Контакте», а также изучении сетевых групп вокруг четырех экологических конфликтов. Выводы исследователя не совсем радуют. Вызов власти есть, новые формы активности возникают и расширяются, но для большинства участников дальше дивана их активность не идет.

Уже не в первый раз обращаются питерские социологи к проблеме инновационного потенциала российских региональных элит. В совместной статье А.Б. Даугавет, А.В. Дуки и Д.Б. Тева анализируется, насколько можно ожидать от отечественных властных групп на региональном уровне инновационной активности. Авторы используют структурно-биографический метод анализа. Исследуются административные и политические элиты десяти регионов. Вывод не оптимистичен, но и не нов. Принципиальное подтверждение прошлых результатов позволяет осторожно говорить об определенной устойчивой характеристике элитного сообщества. Более того, динамика эволюции структурных характеристик групп доминирования свидетельствует, что тенденции олигархизации и плутократизации усиливаются. С точки зрения институционализации и стабилизации элит можно утверждать, что эти социальные группы состоялись, но процесс еще не завершен в силу общей пока еще неустойчивости социетальной системы. С точки зрения положения населения и его возможности участвовать в формировании властных структур, перспективы достаточно пессимистичные.

Очень важную проблему становления элит на новых территориях Российской Федерации изучает А.С. Быстрова. Её статья — одна из первых в отечественной литературе на эту тему. Тема недостаточно теоретически разработана. В современном мире достаточно мало случаев смены суверенитета относительно большой территории. Переход под иную международную юрисдикцию необходимо связан с изменениями во властных группах, что концептуализируется не без сложностей. Автор анализирует состав трех правительств этого субъекта Федерации. Зафиксирована неустойчивость административных элит. Трудности формирования новых структур власти усугубляются, конечно, наследием украинского политико-административного прошлого и короткой скамейкой местного кадрового резерва. Большой удельный вес выходцев с «материка» порождает проблемы, связанные с адаптацией прибывших администраторов к реалиям иной культуры и сложившимся управленческим отношениям, а также трудностями имплементации

практик и норм российской бюрократической машины. В исследовании формирования новой северокавказской российской элиты сделаны первые шаги. Но эти шаги принципиальны. В статье зафиксированы важные изменения, которые будут интересны и читателям, и исследователям.

Тринадцать лет назад венгерский исследователь Тамаш Краус заметил: «Заимствование новейшей западной терминологии и техники консервации власти, адаптация президентской системы «американского» типа, — все это укрепляло мнение аналитиков и политиков, журналистов и представителей средств массовой информации, что политические и экономические явления, наблюдающиеся в России, могут изучаться по аналогии с западным развитием. Именно поэтому наступила пора разочарований и потери иллюзий» (Краус 1993: 78). Вопрос о применимости западных концепций при анализе российской действительности, действительно, не столь однозначен для ответа. Замечу лишь, что часть отечественных обществоведов не только положительно отвечает на него, но и практически подтверждает правоту своей позиции.

Статья *А.Е. Чириковой и В.В. Ледяева* вполне обосновано может рассматриваться как успешность рецепции теорий, рожденных в иных условиях. Власть в моногороде анализируется авторами дотошно и многосторонне. Показано, что градообразующие предприятия в городской политике непосредственно включены в локальный политический процесс. Важным, безусловно, является контекст существования и предприятия, и города. Взаимовлияние и взаимодействие — естественное состояние социально-политических отношений в такого рода поселениях. Руководство предприятий вынуждено принимать участие в политике. Город же и его администрация, представительная власть обречены заниматься проблемами градообразующих экономических структур. Отсюда и особенность политики в городе — специфичность правящих коалиций, распределение власти и ресурсов.

Проблема «хозяина» в городе поставлена в статье *Ю.А. Пустовойта*. Автор предполагает, что запрос на «хозяина» в России — долгосрочная тенденция. Исследуя властные группы в сибирских городах, Юрий Александрович продемонстрировал влияние на формирование городского политического режима таких факторов, как численность населения, политический статус, тип и масштаб расположенного на территории бизнеса. Ю.А. Пустовойт строит свою классификацию режимов на двух, как он полагает, основных характеристиках, или

«измерениях»: «монополия — полиархия» и «персонализм — безличность». Идея хорошая, позволяет сконструировать «идеальные» типы и найти соответствия с реальными практиками. Однако, скорее всего, эти дихотомии в действительности представляют собой континуумы, которые можно подвергнуть шкалированию. В этом случае возможно построить более тонкую и сложную классификацию режимов.

Книга в значительной степени привязана к времени написания. Возможно, ход политической и социальной истории кое-что опровергнет, скорректирует. Но от этого ценность труда коллег не станет меньшей.

Александр Дука

Литература

Данилевский Н.Я. Несколько слов по поводу конституционных вожделений нашей «либеральной прессы» // Данилевский Н.Я. Сборник политических и экономических статей. СПб.: Издание Н. Страхова, 1890. С. 220–230.

Ключевский В.О. Дневник 1867–1877 гг. // Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т.9. Материалы разных лет. М.: Мысль, 1990. С. 278–298.

Краус Т. О ельЦИНИЗМЕ // Ельцинщина. Будапешт: Венгерский институт русистики, 1993. С. 75–103.

PREFACE

A. Duka

References

Danilevskiy N.Ya. Neskol'ko slov po povodu konstitutsionnykh vozhdeleniy nashey "liberal'noy pressy" [Danilevskiy N.Ya. A few words about the constitutional desires of our "liberal media"], In: Danilevskiy N.Ya. *Sbornik politicheskikh i ekonomicheskikh statey* [Danilevskiy N.Ya. *Collection of political and economic articles*]. St. Petersburg: N. Strahov Publishing house, 1890, pp. 220–230. (In Russian)

Klyuchevskiy V.O. Dnevnik 1867–1877 [Diary 1867–1877], In: Klyuchevskiy V.O. *Sochineniya. V 9 t. T.9. Materialy raznykh let.* [Klyuchevskiy V.O. *Collected Works in 9 vols. Vol. 9.*]. Moscow: Mysl, 1990, pp. 278–298. (In Russian)

Krausz T. O el'TSYNIZME [About Yel'tsinism as cynicism], In: El'tsinshchina [Yel'tsin's messy time and dirty actions]. Budapest: Magyar Ruzsisztikai Intézet, 1993, pp. 75–103. (In Russian)

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ И ЛИДЕРСТВО

УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ ФУНКЦИОНАЛ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА: ФОРМЫ СИСТЕМНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

А.И. Соловьев

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2016.3.1>

Аннотация. В статье раскрываются факторы влияния политической и административной среды на управленческий функционал политического лидера. Обосновывается необходимость формирования особой политико-административной структуры, позволяющей лидеру компенсировать издержки своего позиционирования в административной среде и повысить эффективность своей управленческой миссии. В данном контексте выдвигается положение о «лидерской субсистеме», позволяющей лидеру устойчиво выполнять свои управленческие функции и реализовывать свою «я-концепцию». Освещается структура лидерской субсистемы, показываются особенности ее функционирования в современном российском обществе.

Ключевые слова: политическая элита, политический лидер, принятие государственных решений, управленческий функционал политического лидера, политические сети, лидерская субсистема, элитарное окружение лидера, президентская система правления.

История двух последних столетий наглядно показывает постоянное возрастание роли политического лидера, олицетворяющего в глазах населения наличие власти, направленность политического курса, ответственность правительства перед обществом и многие иные параметры, позволяющие гражданам идентифицировать свой политический статус. В то же время опыт свидетельствует, что лидер при осуществлении своей деятельности может делать акцент на различных составляющих своей миссии — сопротивлении врагам, расширении государственной территории, реформировании общества, просвеще-

нии населения и т.д. Но в итоге его деятельность, так или иначе, будет направлена либо на реализацию персональных (корпоративных), либо гражданских (общественных) и даже внешних (по отношению к национальному государству) интересах.

Реализация всех этих вариантов деятельности, в конечном счете, обусловлена четырьмя важнейшими детерминантами: его желаниями, обязанностями, способностями и возможностями [von Wright 1976]. Следуя принципам аналитической ADEPT-модели (раскрывающей особенности приспособления структур к особенностям среды),¹ можно увидеть, как при переходе в формат коллективных действий желания лидера преобразуются в цели, обязанности становятся (личными, корпоративными и статусными) обязательствами, способности аттестуют характер использования им разнообразных ресурсов, а возможности показывают его умение формировать и использовать в нужных целях организационные, межорганизационные и общественные коммуникации.

На вершинах государственной власти сочетание этих параметров предполагает наличие определенного комплекса институтов, поддерживающих выполнение лидером его функций. Однако даже наличие этой легальной опоры затрудняет, а в ряде случаев — и с формальной, и с содержательной точек зрения — препятствует исполнению лидером своей миссии. В самом общем плане это обусловлено конфликтами административных и политических компонентов его деловой среды, требующих использования противоречивых инструментов поддержки, а также разносторонних компетенций лидера, позволяющих ему опираться на иерархические и коммуникативные структуры.

Существенными причинами, ослабляющими возможности лидера по продвижению своих (даже легитимированных) целей, являются отрицательные эффекты диверсификации государственной власти, ярко проявляющиеся в дефектах административной иерархии, разрывах деловых коммуникаций между органами исполнительной и законодательной власти, конфликтах государственных и общественных начал в парламентских структурах, относительной автономии публичного дискурса и т.д. Значительно ослабляют управленческий потенциал

---

¹ Основана на модели сложных цепей А.А.Маркова, предназначенной для анализа внешних и внутренних источников сигналов, побуждающих отклонения при приспособлении структур к внешней среде в рамках дискретного времени и пространства [см.: Марков 1951]

лидера (возможности реализации его я-концепции) и ограничения, накладываемые существующим законодательством и административными регламентами, сужающими пространство реализации его стратегических и тактических замыслов. В то же время планируемые изменения этих нормативных условий занимают весьма длительный период и, как правило, не соответствуют динамике ни политических, ни экономических процессов.

К препятствиям планов лидера также относятся прежние обязательства государства, подвижность общественной поддержки и сторонников из элитарных кругов, дефицит его компетенций для решения ряда специальных вопросов, а также ряд иных факторов. Однако в целом все они свидетельствуют о сложности, а временами и о невозможности поддержания лидером баланса между административными и политическими инструментами управления, что неизбежно приводит к возникновению трудностей и рисков реализации им своего функционала. Наиболее часто это проявляется в оспаривании замыслов лидера нижестоящими структурами (опыт показывает, что порядка 40% решений лидера фактически не выполняется), возникновении административных барьеров для своевременной мобилизации ресурсов, ослаблении сопротивления внешнему давлению (оказываемому на органы государственной власти лобби-коалициями, международными организациями и проч.), подрыве политических коммуникаций с населением и т.д.

Одним словом, можно констатировать, что институализированные контакты государства и общества, создают для лидера ту деловую среду, которая постоянно воспроизводит конфликт между ее политическими и административными сегментами. Формально-юридические ответы на эти «угрозы» деловой среды снижают политическую маневренность лидера, сужают его управленческий функционал, мешая реализации полученного от населения мандата. В этом смысле наиболее заметным является ущерб для конструирующей, преобразующей деятельности (что особенно заметно при осуществлении крупных стратегических изменений, редко укладывающихся в стандартные сроки пребывания лидера на высших административных позициях). Неудивительно, что лидер зачастую попадает в ситуацию, когда ему нужно больше объяснять обществу, почему не делаются те или иные вещи, нежели осуществлять все эти преобразования.

Такая ситуация умножает растрачивание энергии лидера (иначе говоря — распыление силы власти) на консолидацию сторонников, про-

тивостояние тем силам, которые пытаются оспорить его статус и полномочия, снизить стабильность его положения. Таким образом, стоящая за этими сложностями угроза кризиса легитимности зачастую лишает лидера возможности осуществлять свои решения, находить релевантные ситуации и состоянию общества средства реализации поставленных целей.

Коротко говоря, недостаточность институциональной опоры, постоянное вертикальное и горизонтальное давление на его позиции, а также иные факторы, снижающие его функционал, обуславливают необходимость появления у лидера такого инструмента, который был бы способен снижать издержки структурного конфликта между политической и административной составляющими его деловой среды. Таким образом, в государстве возникает потребность в появлении структуры, позволяющей устойчиво соединять административный и политический (включая репутационный) капитал лидера, что, как минимум, снизило бы риски неисполнения решений, уменьшило отрицательные последствия дисбаланса его служебных компетенций и способностей и позволило бы — при помощи государственных инструментов — надежнее проектировать будущее.

В рамках государства «ответ» лидера на такую ситуацию может предполагать два варианта, один из которых ориентирован на перестройку уже имеющихся, либо создание новых институтов. Первый, заточенный на упорядочение политического процесса и коррекцию институционального дизайна «под лидера», предполагает использование легальных инструментов преобразования (включая трансформацию норм парламентских и партийных коммуникаций). Другие инструменты (опора на корпус «политических назначенцев», публичные и дискурсивные механизмы) обладают краткосрочным и принципиально обратимым характером. Второй вариант предполагает создание «параллельных» структур, которые впоследствии смогут поглотить неустраивающие лидера структуры [Jacobsson 1984: 84]. Однако все эти варианты, как правило, занимают достаточное длительное время (которым лидер зачастую не располагает), а их реализации сопутствует конкуренция различных элитарных группировок, способная истощить ресурсы и время лидера.

В то же время у лидера существует и иной, более оперативный и эффективный путь полноценной поддержки своего функционала. Тем более, что он органически связан с типичным для элиты способом

внутренней организации совместных действий, а также с веками утверждавшейся этикой правящего класса. Речь идет о сетевых принципах и внутренней организации элиты, и основных формах взаимодействия между ее различными сегментами. Именно сетевые коалиции элиты являются показателями и ее внутренней консолидации, и предметной направленности действий региональных, отраслевых или иных сегментов правящего класса, реализующих различные общественные проекты [Lummann, Knoke 2013; Kenis, Schneider 1991: 46–58 и др.]. Действуя внутри и поверх институтов и создавая при этом очаги влияния, во многих случаях превосходящие силу официальных органов власти, сети способствуют фактическому «перетеканию» государственной власти из формальных в неформальные центры принятия решений. Показательно при этом, что сетевые коммуникации не только способствуют концентрации влияния на различных социальных площадках, но и позволяют многим из членов этих коалиций уходить от персональной ответственности за принимаемые решения.

Так или иначе, но логика сетевого «распыления» государственной власти, в конечном счете, концентрирует силу влияния в ключевых «узлах» принятия решений, удаленных от управленческой периферии¹. Одним словом, именно сетевые коалиции создают в государстве, пусть и подвижный, но необходимый правящему классу эквилибриум политических сил, который позволяет поддерживать стабильность правящего режима и целевую направленность его действий.

Понятно, однако, что сетевая морфология государственной власти ориентирует лидера на создание такой сетевой ассоциации, которая позволила бы ему не только сохранить доминирующее положение в структуре правящего класса, но и эффективно реализовывать свой управленческий функционал, продвигать свою политическую волю. Причем, для российского государства такое требование имеет еще и дополнительный смысл, учитывая наличие сложившейся в стране системы администрирования, где «вместо безличностных объективированных политических отношений возникли персонализированные отношения...» [Игрицкий 2005: 39].

В то же время, учитывая специфику государственной среды (в рамках которой происходит переход от персональных к коллективным

---

¹ Концепция «узлового» решения описана в трудах специалистов в области юриспруденции [См.: Johnston, Sheraring 2003].

формам действия), следует понимать особенности групповой организации и сетевой консолидации элиты вокруг политического лидера (демонстрирующие особые формы сетевой рациональности, инструментальную ценность внутри элитарных коммуникаций, возникающие здесь когнитивные противоречия, внутрисетевые конфликты и т.д.).

Прежде всего, в данном аспекте следует отметить, неоднородность сетевой коалиции и отсутствие корреляции ее состава с социальным и политическим спектром, что обусловлено сугубо целевым характером данной ассоциации. Однако целевые основания элитарной взаимосвязи, подразумевающие наличие определенной системы управления и вовлечения в эту коалицию [Provan, Kenis 2007: 231] неразрывно связаны с наличием высшего статусного (формального) центра. Обладая таким ресурсом, лидер обменивает свое покровительство на стабилизацию местоположения своих «соратников», рассчитывая на усиление их инструментального использования в своих целях. Таким образом, статус лидера как «вершины» сети превращает его в генератора идей и стратегий, заинтересованного в соратниках, обеспечивающих имплементацию его решений, а также предлагающего в этих целях соответствующую кооперацию и контроль исполнения. Иначе говоря, если для лидера основной задачей организации сети является «поддержка ролевой структуры в групповом взаимодействии» [Селезнева 2015: 17], то для членов группы основным источником вступления в коалицию являются имплицитные установки на получение предполагаемых выгод.

Таким образом, формируя данную ассоциацию, лидер осуществляет с ее участниками разнообразные «административные» и «технические сделки» [Hood 2001: 13–23], направленные на использование их инструментального потенциала. Эти основания сетевых коммуникаций предполагают, с одной стороны, совершенствование (формальных и неформальных) механизмов торга и сделок, а, с другой, появление некоего синергетического эффекта от такого сетевого взаимодействия [Hay, Richards 2000].

Одним словом, статусное притяжение лидера становится не только решающим фактором консолидации этой сети и интеграции неформальных коммуникаций, так и препятствием для завершения «предпочтительного соединения» (*preferential attachment*), то есть, «выхода» из коалиции. Создание и укрепление (за счет координации и кооперации совместных действий) своей группировки лидер осуществляет

за счет компенсации их потерь (от вступления в эту коалицию), пытаюсь наделить их дополнительными ресурсами (особенно в случае рисков). Поэтому, если инструментальное соединение лидера с новыми членами будет успешным (с учетом его конкуренции с «вершинами» других элитарных сетей, активирующих иные имплицитные установки), то участники сети будут одновременно заинтересованы и в поддержке позиций лидера, и в привлечении необходимых управленческих ресурсов. Правда, надо иметь ввиду, что характер вовлечения в сеть (а, следовательно, и дальнейших совместно коллективных действий) может меняться от персональных (не исключающих «захват» государства) до общегражданских мотивов. И посему каждый новый «сетевой рекрут» рассматривает все эти цели через собственную нравственно-этическую оптику.

Однако поскольку даже в пространстве этой сети люди (по мнению У. Бека) сохраняют способность самостоятельно выбирать, с каким политическим пространством себя ассоциировать и в каких коалициях участвовать, то любые девиации и параллельные сетевые идентификации создают риски объединения вокруг лидера. Такие же последствия создают и т.н. «засланные казачки» и «кроты» из конкурирующих политических коалиций. В этом случае идентификационные эксперименты стимулирует разрастание неформальных отношений, которые способны разрушить целостность лидерского функционала. В силу этого лидер обязан подавлять влияние конкурирующих сетевых «феодалов», включая их «крепостных» в свою ассоциацию и тем самым так изменяя архитектуру сети, чтобы развернуть активность ее членов в сторону реализации своих проектов и целей.

Сказанное показывает, что главный признак отбора в лидерскую коалицию — это лояльность, а не компетенции претендентов. Только за счет внутренней солидарности с последователями лидер оказывается способным поставить заслон иным политическим идеям и проектам, оспаривающим его замыслы и подходы к решению общественным проблем. Однако угроза распада его коалиции носит постоянный характер в силу непрерывной «сетевой вербовки» и «пропаганды» со стороны конкурирующих группировок. И потому любое ослабление статусного положения лидера (например, его попадания в положение «хромой утки») интенсифицируют процессы сетевого распада и разложения, в силу чего иные политические идеи усиливают свое влияние на государственные проекты.

Такое положение демонстрирует, что в лидерской сети возможны эффекты постоянного перепозиционирования ее участников. Поэтому в этой «команде» всегда присутствуют риски перебежчиков, внутренних переворотов, скачков напряженности. Это заставляет лидера постоянно заботиться о целостности сетевой коалиции как условия реализации своего управленческого потенциала. Посему лидер должен постоянно предпринимать все меры контроля за своей «командой» (начиная от кадровых чисток и шантажа и вплоть до физического уничтожения тех, кто хочет покинуть корабль до времени, но кому, к примеру, хорошо известна конфиденциальная, не подлежащая огласке информация). Но в любом случае это означает, что эта группа постоянно сохраняет известный дефицит целостности и сплоченности. Тем более что слабость лидерской сети обусловлена неременной соревновательностью (за внимание лидера, «доступ к телу») и конкуренцией различных сегментов коалиции между собой.

Сказанное обращает внимание и еще на один момент: если из сети будут исключено даже минимальное количество ключевых игроков (например, особо преданных сторонников лидера), выполняющих координирующие функции внутри сетевого пространства и на его периферии, то этой ассоциации будет нанесен непоправимый ущерб, способный закончиться ее полным разложением¹.

Опыт показал, что образование неформальных сетевых коалиций вокруг политического лидера впоследствии, так или иначе, институализируется, не исключая и своих организационных форм. Иначе говоря, речь идет о доминирующей элитарной коалиции, обладающей прерогативами в принятии ключевых государственных решений и способной оказывать решающее влияние на формирование государственной политики (за счет контроля над важнейшими институтами государственной власти). Эта группировка является ничем иным, как

---

¹ Так, исследования террористических сетей показали, что удаление всего 12% узлов может снизить централизацию всей сети на 17–45% [Network Science 2011]. В рамках этого подхода ряд специалистов считает, что в политико-административных сетях в случае необходимости разрушения сети достаточно изолировать ее ключевых акторов от ближайшего окружения (среднего звена), при этом даже не воздействуя на периферию сетевого образования. Подобная схема приведет к потере ключевых связей (коммуникационных, информационных, ресурсных и т.д.) и, по сути, парализует деятельность сети в целом [Журавлева 2016].

центральным «узлом», центром принятия решений, фундаментом правящего режима.

В литературе такую группировку именовали по-разному: В. Малиновски писал о «связанной группе» в элитарной среде; Брюс Буено де Месquita говорил о «селекторате» (иерархической верхушке в системе управления, состоящей из ближайших «сателлитов» лидера), лояльность которых поддерживается через распределение ренты, привилегии в ведении бизнеса и проч., и которых лидер ценит за способность принести голоса на выборах или применять эффективные методы управления [Bueno de Mesquita, 2009, 2011]; О. Крыштановская предпочитала использовать термин «устойчивой конструкции» власти, которая «включает в себя этажи его [лидера — авт.] поддержки, уходящие далеко вниз» [Шаповал 2004]; Ю. Пивоваров применительно к российским реалиям, утверждал, что такая властная «головка» есть ничто иное, как современная версия «двора его Величества», «государева двора (Канцелярии, ЦК, Администрации)», то есть, того круга элит, который «обслуживает Власть, транслирует ее волю и решения «посредствующим властям» и «обществу» в целом [Пивоваров 2005: 111]. Показательно и то, что отечественный опыт дал прекрасные иллюстрации существования такой институализированной лидерской сети. Так, на протяжении всей советской истории эту «головку» власти (с разной степенью точности) именовали то «малым совнаркомом» при Ленине, то «малым политбюро» при Брежневе, то «семьей» при Ельцине, то «коллективным путине» и т.д.¹

Ядро таких сетевых коалиций могли составлять представители разных слоев (статусные фигуры, родственники, представители силовых структур и проч.)². Однако очевидно, что их местоположение в системе

---

¹ Правда, в отличие от узкого состава «малого политбюро», состоявшего из 4–6 чел, «семья» Ельцина или «коллективный путин» подразумевают выделение элитарных группировок, состоящих из полутора-двух тысяч политиков, чиновников, бизнесменов и доверенных лиц, контролирующих разработку государственных стратегий и основные потоки распределения общественных ресурсов.

² В рамках такого подхода О.Крыштановская даже выдвинула положение о сложившейся в стране «милитократии», то есть той форме элитарного правления, которая сформировалась в результате резкого возвышения властных статусов силовиков при президенте Путине. В частности, она писала, что «Путин создал «устойчивую конструкцию» власти, которая «включает в себя этажи его поддержки, уходящие далеко вниз». Причем, главным условием

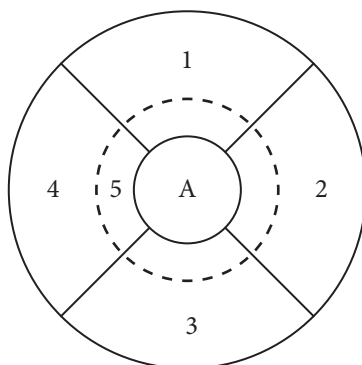

Рис. 1. Лидерская субсистема

A — политический лидер

1 — ближнее окружение

2 — дальнее окружение

3 — административное окружение

4 — специфическое окружение

5 — доверенные лица

власти обладает системным характером. Это дает основание говорить о данной сетевой коалиции как об определенной структуре власти или — лидерской субсистеме.

Учитывая дефицит информации о содержании такой ассоциации, можно предположить, что в ее состав входят пять основных сегментов: ближнее, дальнее, административное и специфическое окружения лидера, а также круг доверенных лиц (рис. 1).

В «ближнее окружение» лидера входят лица (помощники; советники; избранные эксперты; специалисты, занятые документооборотом и организацией рабочего дня лидера; допущенные к принятию решений представители наиболее ресурсно оснащенных групп), чьими

крепости такой конструкции стала «диверсификация агентов влияния Кремля» и «рассаживание» на все этажи власти представителей силовых структур, их «рассеивание» по всему политическому пространству (в том числе под видом «координационных советов» «по безопасности или экономическим вопросам», выводящих ресурсы из-под контроля губернаторов), а также создание «группы чиновников», преданных лично Президенту. Одним словом, клановый характер власти сформировался на основе солидарности силовиков и особенно спецслужб [Крыштановская 2005; 2008].

задачами является создание благоприятной рабочей атмосферы для лидера; организация внутреннего дискурса для уточнения его указаний; координация действий ключевых политических игроков по принимаемым лидером решениям; трансляция его указаний на все этажи государственной власти; осуществление контроля за выполнением его распоряжений; умножение воли лидера за счет персональных усилий.

В целом такое образование служит задачам концентрации воли лидера и ее распространения на все (необходимые для решения конкретных задач) государственные и негосударственные структуры и институты власти и управления. За счет такой коалиции лидер получает возможность оказывать непрерывное политическое давление на все управленческие структуры, сохраняя прямой доступ своих представителей к исполнителям поставленных целей. Как правило, этот же круг контролирует «допуск к телу» тех или иных деловых партнеров, из него же лидер выбирает и те фигуры, которые используются для выполнения конфиденциальных заданий (например, для непубличных переговоров с зарубежными политиками).

В «дальнее окружение» входят ответственные исполнители воли лидера, задача которых состоит в неукоснительном воплощении принципов правящего режима и конкретных указаний на контролируемых ими (ведомственных, отраслевых, территориальных) площадках¹. По сути, это те «политические маячки», которые сигнализируют всем связанным с ними участникам деловых коммуникаций о принципах и содержании политического курса Центра [Lodge 2003]. Это те люди, которые призваны развернуть государственный корабль в заданное лидером политическое направление, минимизировать ограничения для последовательной реализации этой политики, устранить возможные задержки, искажения или блокировку этих решений, а также постараться придать контролируемым ими институтам необходимую гибкость и результативность.

Фигуры из дальнего окружения призваны также обеспечивать оперативное сотрудничество официальных и неофициальных структур

---

¹ В России к этому кругу лиц принадлежат назначенные Президентом губернаторы, главы территориальных администраций, министры, ключевые представители федерального парламента (территориальных законодательных органов), руководители госкомпаний и государственных масс медиа, а также другие крупные политические назначенцы.

в повседневном формате. С управленческой точки зрения, входящие в этот круг лица формируют вторичные нормы имплементации решений лидера, придают им легитимность (но если надо, обходя формальные правила и нормы), формируя, таким образом, особую систему согласованных действий, специфическую логику продвижения целей лидера. За счет активности дальнего окружения сближаются (внутри) институциональные и внеинституциональные практики и ценности, объединяющие сторонников курса лидера. Таким образом, этот круг формирует структуру неформальных устойчивых отношений, которые связывают государственные органы с экономическими и политическими [например, партийными] лидерами [Crozier, Thoenig 1976]. Соответственно происходит и взаимная политическая социализация чиновников, политиков, бизнесменов и даже вовлеченных в этот процесс международных фигур. Тем самым дальнее окружение создает фактическую политико-управленческую интеграцию государственных органов и гражданских структур.

Коротко говоря, данный круг лиц осуществляет комплексное взаимодействие между участниками реализации государственной политики (которые в противном случае способны воспринимать друг друга вполне антагонистически). В конечном счете, предлагаемые ими рамки взаимодействия координируют позиции и взгляды множественных партнеров, заставляя их делать то, что надо, как надо, когда надо и с кем.

Своим набором лиц обладает и «административное окружение» или тот круг фигур, которые занимают полуавтономные (в силу политической зависимости от Центра) позиции и с которыми лидеру приходится взаимодействовать в рамках, ограниченных (в силу утверждения конституционными нормами независимости госадминистрации от фигуры правителя) и принудительных (в силу непосредственной включенности бюрократии в разработку решений) коммуникаций. Формируя это сообщество, лидер стремится добиться политической лояльности администраторов, «принудить менеджеров управлять» в рамках предлагаемых им стратегий, направляя их дискреционные возможности в нужное политическое русло и тем самым приводя административную иерархию в соответствие со своей политической волей¹.

---

¹ В этом контексте обычно выделяют две модели административных служб, с которыми в основном и приходится иметь дело лидеру и среди представителей, которых оно формирует свое окружение: 1) относительно закрытые

В «административное окружение» входят ключевые госадминистраторы, с которыми лидер при всех обстоятельствах вынужден поддерживать деловые коммуникации (чиновники высшего уровня, а также те фигуры, которые занимают решающие позиции при планировании важнейших госпрограмм или координации стратегического курса правительства), а также «политические менеджеры» его администрации (которые координируют и курируют действия по реализации поручений лидера, организуют специальные мероприятия в целях поддержки конкретных указаний, формируют отношения с партнерами и т.д.). При этом менеджеры внутренней администрации лидера занимают явно доминирующее положение, поскольку именно они в значительной степени и конструируют реальное политическое пространство, составляя кадры, контролируя основные национальные масс медиа, профилируя деятельность государственных институтов, проектируя политическую среду для выполнения решений лидера и т.д.¹.

и не слишком чувствительные к предлагаемым политическим изменениям и предложениям; 2) более восприимчивые к переменам в управлении и предложениям лидера. В силу присущих им особенностей эти модели отличаются по уровню внутренней централизации и децентрализации (в рамках системы «общественной власти»), профессиональным характеристикам руководителей, наличию у последних заслуг и привилегий, обладанию покровительством в процессе служебного роста и т.д. [Peters, Pierre 2001; Rhodes, Weller 2001; McIntire Peters 2001].

При налаживании коммуникаций с ключевыми администраторами существенное значение имеет и характер госаппарата, то есть, либо его нейтральность к политическому курсу лидера (британская модель), либо лояльность (обеспечиваемая политическими назначениями, занимающими «командные высоты», или достигаемая за счет их партийного членства [Paige, Wright 1999: 65]).

¹ Как показано специалистами, правильное «понимание» подчиненными скрытых смыслов решений лидера может создать энергию, которая увеличивает производительность и взаимодействие, что имеет особое значение в период кризиса или возникновения угроз [Brunsson, Olsen 1993: 78]. Нередко такие фигуры действуют в русле четко не артикулированных принципов, ориентируясь лишь на свой опыт и знакомые им ценностные приоритеты лидера. К примеру, по информации М. Зыгаря, бывший в то время зам. главы кремлевской администрации В. Володин в ответ на принятый в США «акт Магницкого» (закрепивший санкционный список чиновников, «ответственных» за смерть этого юриста) без специального указания Президента и несмотря на возражения многих правительственных чиновников инициировал разработку поддержанного впо-

И, наконец, в «специфическое окружение» входят лица, которые окружают лидера либо в связи с осуществлением отдельных конкретных целей, либо в силу личных отношений. В частности, сюда могут входить представители различных профессиональных сообществ, с которыми обсуждаются отдельные аспекты решаемой проблемы (в данном случае не исключаются даже главы зарубежных государств, с которыми поддерживаются хорошие отношения), а также друзья, родственники, знаменитости, с которыми сложились относительно устойчивые и более или менее добрые отношения.

Каждый тип лидерского окружения может «делегировать» своих представителей и в так называемый «близкий круг», то есть, в ту область доверительных коммуникаций лидера, которая возникает на пересечении принятия государственных решений и личного пространства жизнедеятельности лидера¹. Чаще всего именно через этот канал осуществляется трансфер настроений и оценок лидера из зоны его личной жизни в сферу деловых коммуникаций.

Как можно видеть наличие такой подсистемы носит постоянный характер и не зависит от типа политической системы. И речь может идти только (в зависимости от «зрелости» или «зарождающегося» характера сети — П.Сабатье) о стиле и характере ее влияния на институты государства и содержание политического курса, конфигурацию власти, законодательство и правоприменение. Совокупность «окружений» лидера в каждую эпоху формирует некую политико-административную целостность, которая одновременно выстраивает и отношения этой узкой прослойки элиты с другими частями правящего класса, и с обществом, и с официальными органами управления. В то же время по мере усиления внутренней сплоченности эта подсистема институализирует свои отдельные коммуникации в виде неких структур управления, обладающих способностью профилировать деятельность органов государственной власти, применяя к ним различные меры поощрения или санкции за невыполнение поручений лидера.

следствии В.В.Путиным «закона Димы Яковлева», запрещающего усыновление иностранцами российских детей [Зыгарь 2015: 391].

¹ Хотя достоверных сведений о составе этой «приватной» группировки не имеется, по сообщениям некоторых СМИ, в нее у нынешнего президента входят Д. Медведев, С. Шойгу, С. Чemezov и И. Сечин. Некоторые аналитики расширяют группу за счет братьев Роттенбергов, В. Якунина и Ю. Ковальчука.

Таким образом, наличие такой структурной организации власти сводит вопрос о направленности государственной политики не к набору эффективных представительных механизмов или качеству институтов, а к позициям резко ограниченного круга лиц из окружения лидера. В этом смысле формирование политики государства зависит от применения лидерской субсистемой трех основных стратегий: агрегирования (последовательного учета интересов гражданских, корпоративных и иных игроков); корпоративного целеполагания (создание привилегий той или иной социально-экономической группе, отрасли или территории) или партикуляризации власти (устанавливающей приоритет частных и узко групповых интересов той или иной части общества или аппарата управления).

Повседневное функционирование такой структуры (в виде работы «кураторов» и «координаторов» сети, «вето-игроков» в законодательных структурах, «царей» (персонально назначаемых лидером управленцев, действующих на административных площадках в целях координации действий и реализации планов лидера) [Sollenberger, Rozell 2012] создает, по сути, непроходимую среду для оппонирующих позиций и блокирует неприемлемые лидеру решения тех или иных органов. В силу этого лидерская субсистема в большинстве своем не тяготеет к кооперации с обществом, которое не имеет возможности оказывать реальное воздействие на вырабатываемые цели и присутствует в планах лидера и его окружения в весьма условном плане. И даже в условиях демократии, когда лидер обращается к населению, это зачастую является не более чем символическим жестом, который должен продемонстрировать населению наличие «представительной» и «конкурентной политики».

В условиях президентской и особенно суперпрезидентской формы правления действуют факторы, повышающие автономность лидерской субсистемы и, как следствие, расширяющие альтернативность политического проектирования. В конечном счете, возможности этой структуры по преодолению мешающих общественному развитию административных барьеров, мобилизации ресурсов и усилению консолидации общества в целях его ускоренного развития начинают соперничать с замыслами властей, пытающихся использовать свое положение в корпоративных и партикулярных интересах.

Многие отрицательные последствия автономизации лидерской субсистемы демонстрирует сегодня и современное российское обще-

ство, точнее — сложившаяся здесь модель «ручного управления». Характерные для нее сетевые принципы самоорганизации и политического влияния правящей элиты насаждают в административных структурах многоликие формы клиентелизма и фаворитизма, ведут к резкому снижению качества государственных (особенно судебных) институтов, разрастанию системной коррупции, сокращению возможностей гражданского участия и контроля. А закрытый характер принятия государственных решений превратил гражданское общество в «бесполезную общественность», чье мнение перестало иметь какое-либо значение для формирования государственной политики. В конечном счете, итогом такого стиля правления является сохранение основ сырьевой экономики, которая противостоит стратегии всеобъемлющего осовременивания общественной системы и повышения уровня благосостояния населения. Так что, единственными бенефициариями такой системы правления оказываются аффилированные с властью бизнес-корпорации и высшие чиновники, живущие в своем дистанцированном от общества форбс-пространстве.

И хотя — в силу широкого распространения патерналистских и иных форм традиционалистской политической культуры населения — издержки такого стиля функционирования лидерской субсистемы невысоки, тем не менее, даже для обывателей очевидно нарастание рисков упущенных возможностей. В этих условиях угрозы целостности лидерской субсистемы или изменения политического курса сегодня могут исходить лишь из внутренних взаимоотношений различных сегментов окружения лидера. В силу низкой гражданской активности населения, скорее всего, именно активность «маргинальных» сегментов лидерского окружения сможет послужить источником политических обновлений. К примеру, даже начало последнего срока лидера на посту президента может вылиться в поиски амбициозными и молодыми представителями из окружения лидера новой команды, позволившей бы им заступить на место прежних «победителей».

Литература и источники

Журавлева Т.А. Управление сетями. Автореферат диссертации на соискание уч. степени кандидата полит. наук. М.: МГУ, 2016.

Зыгарь М. Вся кремлевская рать. Краткая история современной России. М.: Интеллектуальная литература, 2015.

Игрицкий Ю. Власть, политический процесс и публичная политика в России // Политическая наука. 2005. № 1. С. 5–69.

Шаповал С. В России сколачивается властная пирамида советского типа: Интервью с О. Крыштановской // Независимая газета. 31.08.2004. http://www.ng.ru/ideas/2004-08-31/1_pyramid.html (доступно 10.09.2005).

Крыштановская О. Анатомия российской элиты, М.: Захаров, 2005.

Крыштановская О. От милитократии к меритократии // Русский журнал. 2008. №5. С. 59–69.

Марков А.А. Избранные труды: Теория чисел. Теория вероятностей / Под ред. проф. Ю.В. Линника. М.: Изд-во Академии наук, 1951.

Пивоваров Ю. О некоторых «истоках» и «смыслах» русской публичной политики // Политическая наука. 2005. № 1. С. 105–170.

Селезнева Е.В. Лидерство. М.: Юрайт, 2015.

Brunsson, N.; Olsen, I. *The Reforming Organization*. London: Routledge, 1993.

Bueno de Mesquita, B. *The Dictator's Handbook: Why Bad Behavior is Almost Always Good Politics*. New York: PublicAffairs, 2011.

Bueno de Mesquita, B. *Predictioneer's Game: Using the Logic of Brazen Self-Interest to See and Shape the Future*. New York: Random House, 2009.

Crozier, M.; Thoenig, J. The regulation of complex organized systems, *Administrative Science Quarterly*, 1976, 2 (4), pp. 547–570.

Hay, C.; Richards, D. The Tangled Web of Westminster and Whitehall: The Discourse, Strategy and Practice of Networking within the British Core Executive, *Public Administration*, 2000, 76 (2), pp. 1–28.

Hood, K. K. Public service transactions and reforms, In: *Politicians, Bureaucrats and Administrative reform*, ed. by B. G. Peters and J. Pierre. London: Routledge, 2001.

Jacobson, B. *Hur styrs forvaltningen?* Lund: Studentlitteratur, 1984.

Johnston, L.; Sheraring, C. *Governing Security: Exploration in Policing and Justice*. London. Routledge, 2003.

Kenis, P.; Schneider, V. Policy Networks and Policy Analysis: Scrutinizing a New Analytical Toolbox, In: *Policy Networks. Empirical Evidence and Theoretical Considerations*, ed. by Bernd Marin, Renate Mayntz. Frankfurt am Main: Campus Verlag; Boulder, Colo.: Westview Press, 1991, pp. 46–58.

Lodge, M. Administrative Patterns and National Politics, In: *Handbook of public administration*, ed. by B. Guy Peters and Jon Pierre. London: Sage Publications, 2003, pp. 451–464.

Lummann, E.O.; Knoke, D. *The Organizational State, Social Choice in National Policy Domains*. Madison, Wisconsin: University of Wisconsin Press, 2013.

McIntire Peters, K. Money Pit, *Government Executive*, 2001, April 15, pp. 16–20. Network Science: Robustness Cascades, 2011, March 23.

Paige, S. E.; Wright, V. *Bureaucratic elites in Western European countries: a comparative analysis of the official leadership*. Oxford: University press Oxford, 1999.

Peters, B.; Pierre, J. *Politicians, Bureaucrats and Administrative reform*. London, Routledge, 2001.

Provan, K.; Kenis, P. Modes of Network Governance: Structure, Management, and Effectiveness, *Journal of Public Administration Research and Theory*, 2007, 18 (4), p. 229–252.

Rhodes, R.A.W.; Weller, P. (eds.), *The Changing world of tops. Tangerines or jacks?* Buckingham: Open University press, 2001.

Sollenberger, M.A.; Rozell, M.J. *The president's czars. Undermining congress and the constitution*. Lawrence, Kansas: University Press of Kansas, 2012.

Thoenig, J.C. Public sector organizations, In: *Handbook of Organizational Behavior*, ed. by A. Sorge and M. Warner. London: Thomson Business Press, 1996, vol. 5, pp. 421–432.

von Wright, G.H. Determinism and the study of man, In: *Essays and Explanation and Understanding*, ed. by J. Manninen and R. Tuomela. Dordrecht: Deidel, 1976, pp. 415–435.

NATIONAL ELITES AND LEADERSHIP

MANAGEMENT FUNCTIONS OF A POLITICAL LEADER: FORMS OF SYSTEMIC ORGANIZATION

A. Solovyev

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2016.3.1>

Abstract. *The subject matter of the article deals with the factors of influence of political and administrative environment on the administrative functions of a political leader. The author provides grounds for and explains the necessity of forming a special political-administrative structure that allows a leader to compensate for the costs of his/her positioning in the administrative environment and enhance the efficiency of his/her managerial mission. In this regard, the concept of “leadership subsystem” is of great importance. It allows a leader to carry out functions and to implement his/her “I-concept”. The article also covers the description of leadership subsystem structure and provides overview of how such subsystem functions in modern Russian society.*

Keywords: *political elite, political leader, government decision-making, management functions of political leader, political networks, leadership subsystem, the elite entourage of the leader, the presidential system of government.*

References

- Brunsson, N.; Olsen, I. *The Reforming Organization*. London: Routledge, 1993.
- Bueno de Mesquita, B. *Predictioneer's Game: Using the Logic of Brazen Self-Interest to See and Shape the Future*. New York: Random House, 2009.
- Bueno de Mesquita, B. *The Dictator's Handbook: Why Bad Behavior is Almost Always Good Politics*. New York: PublicAffairs, 2011.
- Crozier, M.; Thoenig, J. The regulation of complex organized systems, *Administrative Science Quarterly*, 1976, 2 (4), pp. 547–570.
- Hay, C.; Richards, D. The Tangled Web of Westminster and Whitehall: The Discourse, Strategy and Practice of Networking within the British Core Executive, *Public Administration*, 2000, 76 (2), pp. 1–28.
- Hood, K. K. Public service transactions and reforms, In: *Politicians, Bureaucrats and Administrative reform*, ed. by B. G. Peters and J. Pierre. London: Routledge, 2001.
- Igrickij YU. Vlast', politicheskij process i publichnaya politika v Rossii [*The government, the political process and public policy in Russia*], *Politicheskaya nauka*, 2005, 1, pp. 5–69. (In Russian)

Jacobbson, B. *Hur styrs förvaltningen?* Lund: Studentlitteratur, 1984.

Johnston, L.; Sheraring, C. *Governing Security: Exploration in Policing and Justice*. London. Routledge, 2003.

Kenis, P.; Schneider, V. Policy Networks and Policy Analysis: Scrutinizing a New Analytical Toolbox, In: *Policy Networks. Empirical Evidence and Theoretical Considerations*, ed. by Bernd Marin, Renate Mayntz. Frankfurt am Main: Campus Verlag; Boulder, Colo.: Westview Press, 1991, pp. 46–58.

Kryshtanovskaya O. Anatomiya Rossijskoj ehliny [*Anatomy of the Russian elite*], M.: Zaharov, 2005. (In Russian)

Kryshtanovskaya O. Ot militokratii k meritokratii [*From militocracy to meritocracy*], *Russkij zhurnal*, 2008, 5, pp. 59–69.

Lodge, M. Administrative Patterns and National Politics, In: *Handbook of public administration*, ed. by B. Guy Peters and Jon Pierre. London: Sage Publications, 2003, pp. 451–464.

Lummann, E.O.; Knoke, D. *The Organizatoinal State, Social Choice in National Policy Domains*. Madison, Wisconsin: University of Wisconsin Press, 2013.

Markov A.A. Izbrannye trudy: Teoriya chisel. Teoriya veroyatnostej [*Selected works: Theory of numbers. Probability theory*], Pod red. prof. YU.V.Linnika.- M.: Izd-vo Akademii nauk, 1951. (In Russian)

McIntire Peters, K. Money Pit, *Government Executive*, 2001, April 15, pp. 16–20.

Network Science: Robustness Cascades, 2011, March 23.

Paige, S. E.; Wright, V. *Bureaucratic elites in Western European countries: a comparative analysis of the official leadership*. Oxford: University press Oxford, 1999.

Peters, B.; Pierre, J. *Politicians, Bureaucrats and Administrative reform*. London, Routledge, 2001.

Pivovarov YU. O nekotoryh «istokah» i «smyslah» russkoj publichnoj politiki [*Some “beginnings” and “meanings” of the Russian public policy*], *Politicheskaya nauka*, 2005, 1, pp. 105–170. (In Russian)

Provan, K.; Kenis, P. Modes of Network Governance: Structure, Management, and Effectiveness, *Journal of Public Administration Research and Theory*, 2007, 18 (4), p. 229–252.

Rhodes, R.A.W.; Weller, P. (eds.), *The Changing world of tops. Tangerines or jacks?* Buckingham: Open University press, 2001.

Selezneva E.V. Liderstvo [*Leadership*]. M.: YUrajt, 2015 — 428 s.

Shapoval S. V Rossii skolachivayetsya vlastnaya piramida sovetского tipa: Intervyu s O. Kryshtanovskoy [*A power pyramid of the Soviet type is being built in Russia: Interview with O. Kryshtanovskaya*], *Nezavisimaya gazeta*, 31.08.2004. http://www.ng.ru/ideas/2004-08-31/1_pyramid.html (available 10.09.2005). (In Russian)

Sollenberger, M.A.; Rozell, M.J. *The president’s czars. Undermining congress and the constitution*. Lawrence, Kansas: University Press of Kansas, 2012.

Thoenig, J.C. Public sector organizations, In: *Handbook of Organizational Behavior*, ed. by A. Sorge and M. Warner. London: Thomson Business Press, 1996, vol. 5, pp. 421–432.

von Wright, G.H. Determinism and the study of man, In: *Essays and Explanation and Understanding*, ed. by J. Manninen and R. Tuomela. Dordrecht: Deidel, 1976, pp. 415–435.

ZHuravleva T.A. Upravlenie setyami. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uch. stepeni kandidata polit. nauk, [*Network management. Abstract of dissertation of academic degree of candidate of political science*] M.: MGU, 2016. (In Russian)

Zygar' M. Vsyä kremlevskaya rat'. Kratkaya istoriya sovremennoj Rossii. [*All of the Kremlin's men. A brief history of modern Russia*] Moscow: Intellektual'naya literatura, 2015. (In Russian)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЭЛИТНЫХ ГРУПП ВО ФРАНЦИИ

Н.Ю. Лапина

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2016.3.2>

Аннотация. *Статья посвящена трансформации в годы Пятой республики во Франции отношений между политиками, интеллектуалами и журналистами. В коммуникационном обществе роли политических, информационных, интеллектуальных акторов меняются. Политики наряду с интеллектуалами и журналистами все чаще выполняют функцию коммуникаторов. Развитие коммуникации трансформирует политику и журналистику: властные отношения конструируются и осуществляются с помощью коммуникационных процессов. Все более прозрачными становятся границы между политической, коммуникационной, интеллектуальной деятельностью. В эпоху медиаполитики число акторов, действующих в информационном пространстве, возрастает. Коммуникационные роли осваивают судьи и следователи, что противоречит принципу тайны следствия. Отношения внутри элитного треугольника и за его пределами становятся все более напряженными. Нынешнюю ситуацию можно определить формулой «борьба всех против всех».*

Ключевые слова: *политики, интеллектуалы, журналисты, Пятая республика, Франция, коммуникационная революция, медиаполитика, коммуникация.*

Элиты — ведущие акторы политической, экономической, культурной жизни. В состав элиты входят представители различных социально-профессиональных групп — политики, государственные чиновники, представители крупного бизнеса, интеллектуалы, журналисты. Каждая элитная группа действует в особом пространстве, обладает специфическими ресурсами и влиянием. В статье анализируются взаимодействие во Франции трех элитных групп: политиков, интеллектуалов и журналистов.

Представители политической элиты занимают руководящие позиции в институтах власти, принимают ключевые решения в жизни страны и контролируют их исполнение. К интеллектуальной элите относятся лица, вносящие особый вклад в развитие науки, культуры, искусства. Люди творческих профессий — писатели, режиссеры, ученые действу-

ют в интеллектуальном пространстве и являются носителями знаний. Журналисты — профессиональные коммуникаторы. Они транслируют информацию об основных событиях общественно-политической жизни и комментируют ее. Все три элитные группы влияют на общественный дискурс, настроения и предпочтения граждан.

Во Франции исторически сложилось так, что интеллектуалы и журналисты активно участвуют в политической жизни. Великие писатели и историки прошлого — В. Гюго, Ф.-Р. де Шатобриан, А. де Ламартин, Ф. Гизо, А. Тьер были политиками. Журналисты заседали в парламентах Третьей и Четвертой республик. В свою очередь многие французские политики известны как писатели и журналисты. В современном обществе содержание деятельности социальных акторов меняется, каждый из них стремится расширить пространство собственного влияния.

Автора интересовало, как на протяжении истории Пятой республики трансформировались отношения между политикой, журналистикой и интеллектуальной деятельностью. Хотелось понять, как меняются социальные роли в эпоху медиаполитики. Коммуникация пронизывает все сферы общественной жизни, оказывает влияние на политику, формирование политических представлений. «Медиа, — пишет теоретик концепции сетевого информационного общества М. Кастельс, — не является четвертой властью. Они гораздо важнее: они являются пространством создания власти» (Кастельс 2016: 222). В XXI столетии политика делается с помощью камер, становится заложницей СМИ. Обращение к этой теме позволяет выявить, как в современной Франции конструируются механизмы политического влияния, выстраивается политическая коммуникация и создаются политические образы.

В статье взаимодействие между политиками, интеллектуалами и журналистами рассматривается в двух плоскостях: «извне» и «изнутри». В первой части анализируется история отношений внутри элитного треугольника, во второй на основе интервью прослеживается, как сами акторы оценивают взаимодействие с другими субъектами и реагируют на изменение собственных социальных ролей.

В работе над статьей использовались материалы двух эмпирических исследований, проведенных автором¹, в ходе которых методом полу-

---

¹ «Образ России во Франции в начале XXI века» и «Французские политические институты и акторы: традиции и современность». — Н.Л.

структурированного интервью были опрошены французские политики — нынешние и бывшие депутаты Национального собрания, сенаторы, мэры, министры, сотрудники партийных аппаратов, представители ведущих политических партий, эксперты, журналисты, ученые. Всего было записано и проанализировано 95 интервью продолжительностью 50 мин — 1,5 час. каждое. Выдержки из интервью приведены в тексте в кавычках и выделены курсивом.

Автор выражает глубокую благодарность Фонду дома наук о человеке (Париж), при поддержке которого исследование было осуществлено, и лично его президенту М. Вивьорке (M. Wiewiorka). Хочу выразить признательность моим друзьям — Од д'Аркур (Haude d'Harcourt) и Владимиру Мачабелли (Wladimir Matchabelli), без помощи которых это исследование не удалось бы осуществить.

ПОЛИТИКИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

На протяжении истории Пятой республики отношения между политиками, журналистами и интеллектуалами трансформировались в контексте изменения политического режима и растущей роли коммуникации в обществе. В истории этих отношений выделяются четыре периода: (1) формирование основ нового политического режима и контроль над СМИ (1958–1974); (2) начало модернизации политических институтов (1970-е годы); (3) демократизация политических институтов и развитие коммуникации (1980–1990-е годы); (4) изменение баланса ветвей власти и возрастание роли коммуникации в общественно-политической жизни страны (2000–2010-е годы). Каждый из этих периодов окрашен особенностями, характеризовавшими первых лиц государства с их стилем управления и взаимодействия с окружающим миром.

Первый период (1958–1974) связан с формированием основ политического режима Пятой республики. В эти годы в деятельности политической элиты преобладали охранительные тенденции: ей предстояло создать и укрепить новые политические институты. СМИ в этом контексте рассматривались как инструмент легитимации новых институтов власти. И не только: фильтрация информации позволяла власти удерживать контроль над политическими институтами и обществом. В 1950–1960-е годы власть с подозрительностью относилась к средствам массовой информации. «Наше радио, наше телевидение, это

чудовищно! Журналисты, продюсеры почти все враждебно настроены», — с раздражением замечал Ш. де Голль в беседе с министром информации А. Перфитом (Peurefitte 1994: 131).

Печатная пресса, отражающая позиции различных групп интересов, была свободной. В условиях политической демократии контролировать ее было сложно, но надзор осуществлялся. Елисейский дворец внимательно следил за печатными публикациями и в случае недовольства реагировал. Об одном из таких эпизодов рассказывает известный политический аналитик А. Дюамэль. Комментируя ситуацию накануне президентских выборов 1965 г., он, молодой журналист, в статье, опубликованной газетой «Le Monde», делал вывод, что голлизм утратил поддержку молодежи и простого народа. За публикацией последовал вызов к министру информации (Duhamel 2014:19).

В 1950-1960-е годы радиовещание и телевидение во Франции находились под жестким контролем. Монополистом в телевидении выступало государственное Французское агентство радио- и телевидения (Office de Radiodiffusion-Télévision française, ORTF). Власть не только контролировала телевидение, но и широко использовала новый информационный ресурс. Первое телевыступление Ш. де Голля состоялось в апреле 1958 г. Глава государства быстро освоил новый телевизионный формат и покорила аудиторию своими ораторскими способностями. Хлесткие словечки Ш. де Голля повторяла вся Франция. Его выступления пользовались такой популярностью, что в момент их трансляции кинотеатры пустели. В годы правления основателя Пятой республики телевидение превратилось в мощный механизм политического влияния.

Вертикаль власти, выстроенная де Голлем, была излишне жесткой и не учитывала произошедших в обществе перемен. Молодое поколение, не знавшее угрозы гражданской войны, поставило под сомнение легитимность жесткой власти. В 1968 г. основы политического консерватизма были потрясены массовым движением протеста. В 1969 г. основатель Пятой республики Ш. де Голль ушел в отставку. На этом посту его сменил Ж. Помпиду. В годы его президентства отношения власти и СМИ мало изменились. Запомнилось оскорбительное, с точки зрения журналистского сообщества, высказывание президента: тележурналисты — «это голос Франции», что диссонировало с их самосознанием и самопрезентацией как автономных и независимых акторов политического процесса. Однако не учитывать сдвигов, произошедших в обще-

стве, власть не могла. В 1969 г. в правительственных кругах был поднят вопрос об автономном статусе телевидения. Французское агентство радио- и телевидения было реформировано.

На втором этапе (1974–1981) политические элиты приступили к обновлению политических институтов Пятой Республики. В 1974 г. президентом Франции был избран В. Жиска д’Эстен. Новый глава государства ставил своей целью модернизацию институтов, общества, экономики. В сфере информационной политики было заявлено, что отныне власть не будет вмешиваться в ее формирование. В. Жиска д’Эстен начал свое правление с реформы телевидения. Французское агентство радио- и телевидения ликвидировалось, на его месте создавались три телевизионных канала (TF1, Atenne 2, FR3), что по мысли авторов реформы должно было внести дух конкуренции в работу государственных телеканалов.

В политической области одной из важнейших реформ президентства (1974–1981) стало расширение прав политической оппозиции (Лапина 2016), а в медийной сфере — утверждение принципов политического плюрализма. Телевидение из механизма влияния властных элит начало превращаться в арену политической борьбы. В 1970-е годы на телевидение и радио все чаще приглашали оппозиционных политиков. Тележурналисты перестали быть «голосом Франции» и свободно высказывали собственное мнение. Изменилось содержание работы журналиста: информационный контент уступил место комментарию.

В. Жиска д’Эстен представлял поколение французских политиков, у которых не было исторической легитимности Ш. де Голля и его соратников. Он стремился создать новый тип легитимности, который опирался бы на модернизированный образ президентской власти. Большое внимание глава государства уделял формированию имиджа открытого и демократичного политика (Chapsal 1981: 536–538). Коммуникационная функция власти усилилась. Формы общения первого лица с нацией становились разнообразными. В 1959 г. в секретариате Елисейского дворца был всего один пресс-атташе, в 1970-е годы в нем появился отдел по связям с общественностью. Аналогичные структуры создавались во французских министерствах и ведомствах.

Открытость власти и возрастание роли журналистского сообщества явились несомненными признаками демократизации общественной жизни. Именно в эти годы вспыхнул первый крупный политический скандал, благодаря СМИ получивший всеобщую

известность¹. Эта история нанесла удар по политическому имиджу главы государства.

Третий период (1981–1990-е годы) отмечен демократизацией политических институтов и развитием коммуникации. В мае 1981 г. президентом Франции был избран социалист Ф. Миттеран. Лидер Социалистической партии пришел к власти, вооруженный программой, которая должна была изменить жизнь французского общества (*Changer la vie* 1972). Впервые после 1947 г. в состав правительства вошли коммунисты. Исторической стала начатая президентом политика децентрализация. Цель реформы состояла в том, чтобы изменить отношения между государством и местным самоуправлением и придать территориально-административным единицам реальные полномочия. Кстати, эта реформа имела прямое отношение к развитию средств массовой информации.

В 1980-е годы в сфере вещания и телекоммуникации утвердились новые принципы либерализма. В 1980-е годы позиции государства в медийной сфере были потеснены: создавались первые частные телеканалы и 1600 радиостанций, в том числе региональных, на которых была разрешена платная реклама. Коммерческое вещание превратилось в норму жизни. В 1987 г. была осуществлена приватизация TF1, появились условия для формирования мультимедийных концернов. Теперь государственный контроль над медиа осуществлялся посредством выдачи государственных лицензий компаниям, которые работают на медиарынке. В 1989 г. во Франции был создан Высший совет теле- и радиовещания — независимый телекоммуникационный регулятор, следящий за соблюдением демократических принципов и разнообразием вещания, а также ценообразованием в отрасли.

В 1980-е годы во французских средствах массовой информации окончательно утвердилась политическая свобода. Символом нового времени на телевидении стала наиболее популярная политическая программа 1980 — первой половины 1990-х годов «Час истины» (*“L’heure de vérité”*). В студию приглашались известные французские политики, вопросы им задавали журналисты разной политической ориентации². Исчезли ограничения, касающиеся доступа отдельных

---

¹ История о подаренных президенту Франции императором Центрально-Африканской Республики Ж.-Б. Бокассой бриллиантах. — *Н.Л.*

² Президент регулярно смотрел передачу и, как правило, после нее звонил журналистам, чтобы поделиться своими впечатлениями (Duhamel 2014: 119–121).

политиков к телеэфиру. Лидера ультранационалистического «Национального фронта» начали приглашать для участия в телевизионных передачах после того как глава государства направил руководству телеканалов письмо о том, что запрета на приглашение Ж.-М. Ле Пена не существует¹.

В 1980–1990-е годы коммуникация окончательно превратилась в самостоятельную сферу деятельности, а профессия «специалиста по связям с общественностью» — «коммуникатора» (в современном французском языке звучит как *«com»*) вошла в государственный реестр должностей и профессий. Ф. Миттеран с большим вниманием относился к коммуникации. В национальном секретариате Социалистической партии, которую он возглавил в 1971 г., был создан отдел, занимавшийся коммуникацией. Накануне выборов 1981 г. будущий президент лично возглавил эту структуру. Ф. Миттеран не был «медийным» президентом, но не меньше предшественника понимал, какую роль коммуникация играет в политической жизни. В качестве главы государства он выработал особый стиль, который продолжает оставаться образцом для многих французских политиков. В телевыступлениях он сохранял особый лирический тон, его культура, знания литературы и истории восхищали. *“Когда Миттеран выступал, — вспоминает респондент, — его слушали все, независимо от политических симпатий. Французам было ясно: перед ними человек, обладающий огромными знаниями и большой культурой”*.

На протяжении 1960-х годов Ф. Миттеран прославился как бескомпромиссный противник «режима личной власти». Став главой государства, он сохранил все prerogatives главы государства. В ходе первой пресс-конференции в новом качестве Ф. Миттеран подчеркнул, что во французской политике главе государства принадлежит особое место и следовал этому принципу на протяжении двух президентских сроков. Президенту удалось окружить себя «ореолом величия». Современники называли Ф. Миттерана «монархом», а участники интервью вспоминали о нем как о *«последнем великом президенте Пятой республики»*.

---

¹ В 1984 г. Ж.-М. Ле Пен был впервые приглашен на программу «Час истины», которая в тот день собрала рекордную 15-миллионную аудиторию. С этого момента началась популярность политика, ставшего яркой телезвездой, постоянным участником политических шоу (Ле Пен 2016: 88–89).

Придя к власти, Ф. Миттеран обещал, что Елисейский дворец станет «прозрачным». Но в действительности спецслужбы никогда не работали так активно, как в годы его президентства. Жизнь главы государства была окружена тайной. В отношениях с журналистами Ф. Миттеран сохранял дистанцию. Вокруг президента сложился круг журналистов, которые посещали его в Елисейском дворце или сопровождали в поездках. Гнева президента журналисты опасались: телефон неугодного журналиста мог быть поставлен на прослушивание, а сам он стать объектом пристального внимания налоговых органов (Giesbert 2011: 12). Почти до самой кончины главы государства в прессе не было утечек информации о существовании второй семьи президента и его болезни.

Если выйти за рамки персональных отношений первого лица с журналистским сообществом, отношения между политиками и журналистами в 1990-е годы претерпели существенные изменения. В эти годы политики все чаще превращались в объект журналистских расследований. Во Франции начались крупные антикоррупционные дела¹. Большую роль в них играли судьи и следователи, ставшие более откровенными с журналистами. Самым крупным политическим скандалом 1990-х годов было дело министра иностранных дел и близкого друга президента Р. Дюма, получавшего вознаграждения от нефтяной компании «Эльф».

Четвертый период (2000–2010 годы) отмечен продолжавшейся трансформацией политических институтов и возрастанием роли коммуникации в общественно-политической жизни Франции. В 2000 г. по инициативе Ж. Ширака была проведена конституционная реформа, сократившая президентский мандат с семи до пяти лет² и способствовавшая концентрации властных полномочий в руках главы государства. Беспрецедентной по масштабам стала реформа политических институтов, осуществленная Н. Саркози (2007–2012). В 2008 г. президентский мандат был ограничен двумя сроками; изменился баланс между различными ветвями власти; усилился контроль над деятельностью главы

---

¹ В 1960-е годы во Франции было три крупных политических скандала, в 1990-е годы — пятьдесят. Все чаще политические скандалы связаны с коррупцией, скрыванием доходов, неуплатой налогов (Baudriller 2015).

² Закон вступил в силу в 2002 г. Первым президентом, избранным на пятилетний срок, стал Ж. Ширак. — *Н.Л.*

государства; возросла правовая ответственность главы государства; расширены полномочия парламента; произошло укрепление судебной ветви власти.

Новый институциональный дизайн складывался в условиях, когда в сфере коммуникационных технологий произошли революционные изменения. В предшествующие два десятилетия появились цифровые технологии, возросло разнообразие средств коммуникации, появился Интернет. Политические последствия этих изменений в полной мере проявились в начале нового тысячелетия, когда политика все чаще стала превращаться в «медиаполитику» (Кастельс 2016: 258). Медиа, — замечает политический аналитик А. Дюамель, — «опасны и жестоки», они могут способствовать росту популярности политика или, наоборот, уничтожить того, кого только что восхваляли (Duhamel 2014: 236). О «взбесившейся медиамашине» и ее безнаказанности повествуют те, кто стал ее жертвой (Trierweiler 2015: 212).

Политические акторы, чтобы быть услышанными, приобрести и сохранить влияние, вынуждены постоянно присутствовать на разных коммуникационных платформах. Они не просто предъявляют потенциальным избирателям свои идеи и политические программы, но должны быть привлекательными, а связанные с ними события яркими и запоминающимися. Исследование, проведенное во Франции в 2014 г., показало, что 90% депутатов Национального собрания имеют собственные сайты, 60% активно общаются в Tweeter (Radiographie 2014). Нередко для политиков, которые стремятся постоянно находиться в центре внимания, коммуникация является важнейшим, если не основным, занятием. *“Таких депутатов мало интересует обсуждение в парламенте, на котором они присутствуют. Во время сеанса они отвечают на вопросы, дают комментарии”*, — замечает респондент.

Постоянное присутствие в социальных сетях поддерживает интерес к политику, расширяет его социальную базу. Если политик является хорошим коммуникатором, владеет инновационными технологиями, у него есть шанс собрать большое число сторонников. Один из кандидатов на президентский пост в кампании 2017 г. Э. Макрон заявляет, что у его движения «Вперед!». 200 тыс. членов, при этом речь не идет о традиционном партийном членстве, но о поддержке в социальных сетях. Ж.-Л. Меланшон, другой претендент на президентский пост в 2017 г., имел 100 тыс. подписчиков на YouTube, бывший президент Франции Н. Саркози — 7500, а Ж.-М. Ле Пен — 6400 (Mélenchon 2016: 14). В по-

следние годы росло влияние ближайшего окружения политиков, в первую очередь специалистов в сфере коммуникации. Эта тенденция просматривается на всех уровнях власти (Rouban. 2015).

Медиатизация политики заставляет политиков с особой тщательностью заботиться о создании собственного образа. В истории Франции многие политики, начиная с Наполеона Бонапарта, брали уроки актерского мастерства. Сегодня медиа-тренинги для публичных фигур становятся нормой. Политики обучаются у специалистов, как держать себя перед публикой и под светом софитов. Ж. Ширак в медийном пространстве в различные периоды жизни вел себя по-разному. Будучи в оппозиции, он старался выглядеть агрессивным, способным завоевать власть. За эти качества он получил прозвище “Бульдозер”. Став президентом, он переменял тактику, стремясь создать образ сердечного и дружелюбного человека. Вспоминая Ж. Ширака, респонденты говорили о его особом красноречии и подчеркнутом демократизме: *“Он часами мог общаться с народом, создавая впечатление у слушателей, что он — их друг. В этом была невероятная сила Ширака”*.

Наиболее медиатизированным президентом Франции в 2000-е годы стал Н. Саркози. Будучи министром¹, он установил доверительные отношения с журналистским сообществом. Журналистов привлекали открытость Н. Саркози, его природенный дар импровизации. Пресса и телевидение способствовали росту популярности политика. Однако взаимная симпатия улетучилась вскоре после победы Н. Саркози на президентских выборах.

Институт президентской власти предъявляет к политику особые требования: умение вести себя с достоинством, соблюдать дистанцию, не допускать фамильярности. Став президентом, Н. Саркози не нашел нужной тональности в общении с журналистами. Представителей журналистского сообщества шокировали привычки и близкое окружение главы государства. Ужин в роскошном парижском ресторане в день победы на выборах, отдых на яхте друга миллиардера, личные связи с представителями крупного бизнеса вызывали раздражение и разочарование. «Республика Саркозия» с самого начала была «помечена каленым железом плутократии», с издевкой пишет французский журналист (Giesbert 2011: 71).

---

¹ В 1993–1995 гг. Н. Саркози был министром бюджета, в 2003–2004 гг. — министром внутренних дел. — Н.Л.

Медиатизация общественно-политической жизни не только обманчиво сократила дистанцию между президентом и рядовыми гражданами, но и стерла грань между публичной и личной жизнью главы государства. О романе президента с бывшей манекенщицей и певицей К. Бруни судачила вся страна. Его встречи с журналистами проходили все в более натянутой обстановке. Глава государства мог устроить разнос журналисту или главному редактору издания по поводу не понравившейся ему статьи. В конце президентства журналисты стали наиболее ожесточенными критиками главы государства, их позиция, как считают некоторые участники опроса, определила исход президентских выборов в 2012 г.

Нынешнего главу государства Ф. Олланда принято считать, в отличие от предшественника, наименее медиатизированным президентом Пятой республики. Распространению этого суждения способствовали нетелегиничность главы государства. В первые два года президентства Ф. Олланд мало контактировал с журналистами. К тому же в самом начале президентства Ф. Олланд оказался в эпицентре громкого скандала. Желая быть «нормальным» президентом, он поселил в Елисейском дворце гражданскую жену, с которой позже расстался. Глава государства не учел одного обстоятельства: высокий статус во власти делает любое событие личной жизни президента достоянием общественности. Брошенная женщина, кстати, журналистка, нанесла ему профессиональный удар: она отомстила президенту-мужчине, издав «разоблачающую» книгу (Trierveller 2015).

В результате главе государства пришлось публично отвечать на неудобные вопросы журналистов, что негативно сказалось на его репутации. Но, главное, развернутая против него медийная кампания доказала, что у французского президента не может быть частной жизни, и «обычным» гражданином он станет, лишь перестав быть главой государства. Серьезный удар по репутации президента нанесли коррупционные скандалы, самым тяжелым из которых стало дело министра бюджета Ж. Каюзака, обвиненного в неуплате налогов и отмывании денег. И хотя честность самого президента под вопрос никогда не ставилась, дело это имело для первого лица негативные последствия.

Но приближались новые президентские выборы. Надо было исправлять сложившуюся ситуацию и пытаться изменить в позитивную сторону образ президента. Начиная с 2014 г. встречи Ф. Олланда с журналистами становились более частыми. Желая быть главой «образцо-

вой республики», президент широко открыл телевизионщикам доступ в свою резиденцию. За годы его правления было снято большое число документальных фильмов о жизни Елисейского дворца, сопровождавшихся многочисленными интервью президента. Коммуникационная составляющая в деятельности главы государства становилась все более заметна, но удачи ему не принесла.

На протяжении 2016 г. президент неоднократно давал интервью, которые транслировались по телевидению или публиковались в прессе. В свет вышла книга — серия интервью с президентом, написанная в благожелательном тоне (Antonin, Rissouli 2016). По мере приближения президентских выборов начала подниматься волна компромата. Журналистам принадлежало не последнее место в организации кампании против президента и его окружения. Одним из первых стало журналистское расследование под хлестким названием «Кэ д'Орсэ¹, министерство без руля и без ветрил» (Jauvert), в которой раскрывались незаконная деятельность "дипломатической номенклатуры", злоупотребления должностным положением, использование государственной собственности в корыстных целях. Тяжелый осадок оставлял рассказ о том, как в атмосфере тайны принимаются внешнеполитические решения, организуются секретные миссии. Почти сразу после этого в свет вышла книга "Неофициальный разговор: Секреты, предательства, неприглядные истории Елисейского дворца" (Marteau, Zemouri 2016). Основанная на публикациях в прессе и интервью с сотрудниками президента, она повествовала о том, как люди из президентского окружения борются за ресурсы и власть, оказывают давление на судебную систему и следствие.

Осенью 2016 г. разразился еще один скандал. Журналистами газеты "Ле Монд" Ж. Давэ и Ф. Ломом была опубликована книга "Президент не должен был так говорить". Ее авторы в течение многих часов записывали беседы с президентом республики. Нелицеприятные высказывания первого лица о "лживых судьях" и иммигрантах, которых в стране стало "слишком много", его откровения о приказе физического устранения террористов и заявления типа "женщина в хиджабе — это Марианна завтрашнего дня" возмутили даже близких к Ф. Олланду людей. Выход книги стал тяжелым ударом для президента: соратники отвернулись, его рейтинг упал до исторического минимума (в ноябре 2016 г.

---

¹ Министерство иностранных дел. — Н.Л.

за него в первом туре выборов были готовы проголосовать 12% избирателей) (Liste de sondages 2017). В результате Ф. Олланд принял решение не выдвигать свою кандидатуру на президентских выборах, став первым президентом Пятой республики, который отказался баллотироваться на второй срок.

ПОЛИТИКИ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ

Во Франции отношения политиков и интеллектуалов можно определить формулой взаимное притяжение — отталкивание. В стране, где традиционно существует глубокое уважение к культуре, многие политики хотели бы быть интеллектуалами. Писательским даром обладал Ф. Миттеран. «Он любил литературу, — вспоминал друг президента, — однако у него была другая страсть» (Lacouture 1998: 133). Валери Жискар д'Эстен сожалеет, что не умеет писать, как Г. де Мопассан. «Франция — страна графоманов», — убежден респондент. Многие французские политики — авторы литературных произведений. Бывший министр культуры и мэр Парижа Ж. Ланг — автор более 20 романов и эссе. Руководитель центристской партии «Демократическое движение» и мэр г. По Ф. Байру — автор многочисленных произведений, в том числе биографии Генриха IV. Л. Фабиус — в прошлом премьер-министр и министр иностранных дел, а ныне председатель Конституционного суда Франции — автор книг, получавших награды на литературных конкурсах, а бывший премьер-министр и министр иностранных дел Д. де Вильпэн — автор исторических романов, поэм, эссе.

До недавних пор президенты Пятой республики стремились оставить после себя значимое культурное наследие. По инициативе Ж. Помпиду в Париже был построен Музей современного искусства — центр Помпиду. В президентство В. Жискар д'Эстена выстроен музей Орсэ, а в годы правления Ф. Миттерана — Парижская опера на площади Бастилии и библиотека, носящая его имя. Многие культурные инициативы были осуществлены в президентство Ж. Ширака. По его инициативе был реставрирован музей Гимэ (Musée Guimet). В 2006 г. на набережной Бранли в Париже был открыт Музей культур Африки, Азии, Океании, которому в 2016 г. было присвоено имя Ж. Ширака.

В свою очередь французские интеллектуалы не ограничивают свою деятельность сферой культуры. Само понятие «интеллектуал» во фран-

цузском языке возникло в контексте политических событий¹. Под интеллектуалами во Франции понимаются люди творческого труда, завоевавшие признание в обществе своим талантом и профессионализмом, высказывающиеся по актуальным вопросам общественно-политической жизни и занимающие, как правило, критическую позицию по отношению к действующей власти (Winock 2011: 5-6). «Во Франции у интеллектуала особый престиж. Его вмешательство в политику рассматривается как естественное и даже востребованное», — писал французский политолог Р. Рэмон (Remond 1959: 862). На государственном уровне выдающимся писателям, ученым воздаются высокие почести — от присуждения премий и наград до торжественного захоронения в Пантеоне.

В годы Пятой республики отношения между политиками и интеллектуалами развивались не безоблачно, переживая свои подъемы и спады. Ш. де Голль, говоря о качествах, которыми должен обладать руководитель, особое внимание уделял уму, способности размышлять и анализировать, но важнейшим считал наличие общей культуры (Де Голль 2006: 29). Основатель Пятой республики с большим вниманием относился к людям творческих профессий, высоко ценил деятельность Французской академии. Глава государства полагал, что своей деятельностью люди науки и искусства способствуют упрочению влияния Франции в мире. В окружении Ш. де Голля в разное время были известные писатели и мыслители — Ж. Бернанос, Р. Арон, А. Мальро².

Однако отношения основателя Пятой республики с интеллектуальным сообществом не сложились. «Де Голль упустил возможность встретиться с интеллектуалами в целом и с левыми интеллектуалами, в частности», — пишет историк Ф. Шобэ (Chaubet 2008: 269). Непонимание между творческой интеллигенцией и Ш. де Голлем имело идей-

---

¹ «Интеллектуалами» в конце XIX в. называли дрейфусаров — писателей, ученых, журналистов, выступивших в поддержку А. Дрейфуса, офицера, обвиненного в государственной измене. Первым голос в поддержку офицера поднял классик французской литературы Э. Золя, своим обращением «Я обвиняю» заявив об особой роли творческих людей в общественно-политической жизни. — *Н. Л.*

² В 1958–1959 гг. А. Мальро был министром по делам радио-, телевидения и прессы; в 1962–1969 гг. — министром культуры. — *Н. Л.*

но-политические основания. В послевоенные годы во французской интеллектуальной среде получили широкое распространение левые взгляды, стал популярен марксизм. Многие известные писатели, философы, историки стали коммунистами или их попутчиками. В этой среде патриотизм де Голля, его любовь к Франции не находили понимания. «Почему интеллектуалы больше не верят во Францию?» — недоумевал Ш. де Голль. Основателю Пятой республики было непонятно вмешательство интеллектуалов в общественно-политическую жизнь. Глава государства исповедовал принцип, что каждый должен заниматься своим делом: политики принимают и реализуют политические решения, люди творческих профессий занимаются наукой и искусством.

В свою очередь де Голль был объектом постоянной критики со стороны левых интеллектуалов, которые осуждали его за авторитаризм и «монархический» режим Пятой республики. Для сторонников классовой борьбы, неприемлемым было стремление главы государства объединить нацию. Столкновения между политической и интеллектуальной элитой в 1950-1960-е годы были многочисленными. Тем не менее, власть открыто не стремилась подавить оппонентов. Показателен один, получивший резонанс, конфликт. Накануне президентских выборов (1965) впервые Французским институтом общественного мнения был проведен опрос избирателей, показавший, что действующий президент не набирает абсолютного большинства в первом туре. В опросе политическая элита увидела угрозу собственной власти. Под вопрос было поставлено будущее Французского института общественного мнения (*Institut français de l'opinion publique*). В ходе голосования результаты опроса подтвердились. Все же власть была вменяемой, и институт закрыт не был.

Особое место в интеллектуальном сообществе принадлежит экспертам, профессионалам, которые напрямую работают с политиками, консультируют их, пишут экспертные заключения. В голлистской Франции функцию экспертов выполняли высокопоставленные государственные служащие, выходцы из больших «государственных корпусов», к которым основатель Пятой республики питал особое уважение. Именно эти квалифицированные и компетентные администраторы стояли у истоков планирования и восстановления экономики в послевоенные годы. В 1950–1960-е годы во Франции сформировалось новое поколение государственных служащих. Многие из них закончили соз-

данную в 1945 г. Национальную административную школу, в которой на протяжении десятилетий будут формироваться французские политико-административные элиты.

В годы правления В. Жискара д'Эстена отношения между президентом и представителями интеллектуального сообщества претерпели изменения. Глава государства по примеру американского президента — недаром его называли «французским Кеннеди» — окружил себя советниками и экспертами. В. Жискара д'Эстен для консультаций стал привлекать профессионалов. Глава государства способствовал созданию смешанных комиссий, в их состав вошли люди, обладавшие общепризнанной компетенцией, в том числе представители университетских кругов, делового сообщества, деятели науки и искусства, журналисты. Комиссия по просьбе президента готовила доклад, в котором формулировались конкретные рекомендации (Жискара д'Эстен 1990: 170). Об уважении президента к интеллектуальной элите свидетельствовали и его назначения. Среди советников В. Жискара д'Эстена выделялся экономист Л. Столерю. В 1976 г. на пост премьер-министра президент назначил известного экономиста, профессора университета Р. Барра. Отношение главы государства к представителям интеллектуальных профессий в целом отражало уважение, которое испытывало к профессионалу французское общество в 1970-е годы.

Новым в годы правления В. Жискара д'Эстена стало появление так называемого «ближнего окружения» (*entourage proche*). В секретариате Елисейского дворца были созданы новые службы, в них вошли психологи, журналисты, социологи. Повысился статус социологии. Правящая элита осознала, что опросы могут стать источником информации об общественных настроениях, эффективным инструментом политического управления. Елисейский дворец стал регулярно заказывать социологические исследования, которые позволяли измерить эффективность выступлений главы государства, предпринимаемых им политических шагов.

Отношения Ф. Миттерана с интеллектуальной элитой во многом определялись его отношением к культуре и особенно литературе. В молодости Ф. Миттеран мечтал стать писателем. Ф. Миттеран верил в силу культуры: «Культурный компонент будет играть все более важную роль», — говорил он в конце жизни (Цит. по: Рахшмир 2003). На многочисленных фотографиях политик изображен читающим, с книгой в руках.

Президент много и с удовольствием общался с творческими людьми. Ближний круг главы государства составляли известные писатели М. Дюрас, Ф. Мориак, Ф. Саган. Дружба с писателями создает политику определенную ауру, а во французском случае способствует его легитимации. На протяжении всей жизни писатель Ф. Мориак был старшим другом политика, неоднократно поддерживал его в драматические моменты жизни.

Отношение Ф. Миттерана к экспертам подчинялось продуманной стратегии. В годы, когда Ф. Миттеран возглавил политическую оппозицию, он начал готовить ФСП к приходу к власти. У лидера оппозиции сформировалось свое окружение: секретариат, группа экспертов. В качестве экспертов Ф. Миттеран подбирал людей, «в которых подлинный милитантизм сочетался с экспертными навыками, включая знания о том, как функционирует государство» (Jospin 2010: 60). В 1970-е годы Ф. Миттеран окружил себя молодыми однопартийцами, которые имели дипломы престижных «больших школ» и опыт работы в системе государственного управления. Среди них были Л. Фабиус, Ж. Аттали, Л. Жоспен, П. Килес. Мои «лейтенанты», называл их Ф. Миттеран, «хозяин», — называли они его.

Тонкий психолог, Ф. Миттеран оценивал не только интеллектуальные, но и организаторские способности молодых экспертов. В 1973 г. первый секретарь ФСП предложил Л. Жоспену войти в состав Национального секретариата ФСП, в годы первого президентства Ф. Миттерана Л. Жоспен сменил его на посту руководителя партии (1981–1988). Выпускник престижной Политехнической школы П. Килес организовал избирательную кампанию президента в 1981 г. В 1974 г. в ряды ФСП вступил инспектор финансов¹ М. Рокар. «Вам предстоит готовиться к установлению контроля над государственным аппаратом», — предупредил его Ф. Миттеран (Raffy 2016: 22). Вместе с тем, как полагают некоторые из респондентов, экспертное окружение президента оставалось политизированным и достаточно замкнутым.

Продуманная кадровая стратегия не означает, что политик не привлекал к работе непартийных специалистов. Исследователь-международник С. Коэн вспоминает события начала 1990-х годов, когда президент с большой осторожностью готовился к принятию решения

---

¹ Инспектор финансов — одна из самых престижных должностей в государственной службе Франции. — *Н.Л.*

об участии Франции в военной операции в Персидском заливе. Прежде чем это решение было окончательно принято, в течение января 1991 г. президент внимательно следил за динамикой настроений во французском обществе, по его инициативе регулярно проводились опросы общественного мнения (Cohen 2011).

В годы правления Ф. Миттерана во французской общественно-политической жизни появилось новое явление. Речь идет о «медиатизированных интеллектуалах» — фигурах, которые постоянно востребованы СМИ. На теле- и радиоканалах известные ученые, писатели, артисты — частые гости. Но есть в этой среде особая категория — лица, которые не занимаются наукой или творчеством, но живут для медиасферы и медиасферой. Их отличают тесные связи с властью и крупным бизнесом. Эти фигуры — результат сплетения интеллектуальной профессии, политики и финансов.

В 1990-е годы начало меняться отношение французской политической элиты к культуре. Ж. Ширак не стремился демонстрировать свою культуру, полагая, что это может отдалить его от граждан. В этом смысле поражает, насколько образ политика, сложившийся за рубежом, в частности, в России отличался от того, что бытовал во Франции¹. Лишь в конце президентства Ж. Ширак заговорил о своей любви к японскому и китайскому искусству, которую он пронес через всю жизнь, и более позднем увлечении искусством Африки.

Ж. Ширак испытывал уважение к профессионалам. Историки, специалисты по истории СССР и России, консультировали руководителя государства по вопросам восточной политики. Советником президента по России в течение двух президентских сроков была Постоянный секретарь Французской академии, известный историк Э. Каррер д'Анкосс. Однако к вмешательству людей интеллектуальных профессий в политику Ж. Ширак относился с недоверием. Ему неоднократно приходилось встречаться с «левыми философами», которые в 1990-е годы

---

¹ В российских СМИ французский президент неизменно предстает как человек большой культуры, любящий и хорошо знающий русскую литературу, в молодости изучавший русский язык. В декабре 2015 г. в интервью к фильму «Миропорядок» российский президент с большим уважением говорил о Ж. Шираке как о человеке, обладающем «энциклопедическими знаниями» и политическим чутьем // Фильм В. Соловьева «Миропорядок», показан телеканалом «Россия 1» 20 декабря 2015.

проявили высокую политическую активность, в частности, в связи с войной на территории бывшей Югославии. Главу государства эти встречи раздражали, как и требования некоторых из его собеседников начать немедленные военные действия против Сербии.

В 2007 г. в ходе президентской кампании впервые в истории Пятой республики вопросы культуры не обсуждались, а основные кандидаты на президентский пост Н. Саркози и С. Руаяль не позиционировали себя в качестве носителей национальной культуры. На протяжении пятилетнего президентского срока Н. Саркози мало интересовался вопросами культуры. В его окружении блистали звезды шоу-бизнеса — Д. Холлидей, М. Матье, Э. Масиас, спортсмены, телеведущие. Хорошо знакомые с президентом люди признают, что глава государства чувствовал себя потерянным, когда на официальных приемах речь заходила о культуре.

Отношение к ближайшим сотрудникам — советникам, экспертам — у Н. Саркози было высокомерным, пренебрежительным. «Мне приходится все делать самому» (Giesbert 2011: 35) — эта фраза главы государства часто воспроизводится в записках о его президентстве. Непросто складывались его отношения с дипломатическим корпусом. Глава государства редко прислушивался к мнению дипломатов, предпочитая действовать самостоятельно или через своих личных представителей. Центральное место в этом ряду принадлежало «левому философу», по крайней мере так его представляют СМИ, Б.-А. Леви. В 1980-е годы Б.-А. Леви стоял у истоков создания левацкой организации «SOS Расизм». В 1990-е годы он сосредоточился на международной тематике, которая принесла ему политические дивиденды: Б.-А. Леви зарекомендовал себя ярким сторонником предоставления независимости Чечне, организатором массовых выступлений в поддержку независимости кавказской республики. В августе 2008 г. в разгар российско-грузинского военного конфликта Б.-А. Леви посетил Тбилиси. В 2011 г. Н. Саркози поручил ему секретную миссию в Ливию. Философ стал одним из инициаторов проведения Францией военной операции в Ливии, против которой, кстати, выступало Министерство иностранных дел. В феврале 2014 г. Б.А. Леви в Киеве «поддержал» участников майдана.

Кроме особого «чутья» на международные конфликты, Б.-А. Леви обладает мощными ресурсами влияния: занимает прочные позиции в медиасфере, являясь членом наблюдательного совета телевизионного канала «Arte», хроникером газеты «Le Monde», регулярно печатается в ве-

душих французских изданиях. В годы правления Н. Саркози философ стал советником президента. *«Леви поднимает телефонную трубку и звонит президенту»*, — замечал респондент во времена правления Н. Саркози. *«Леви в большой степени министр, чем любой член кабинета»*, — отмечал другой участник исследования. Сегодня, как подчеркивали респонденты, его влияние существенно снизилось.

Обострение внутривластной ситуации, террористическая угроза, казалось бы, должны были сблизить Ф. Олланда и его кабинет министров с экспертным сообществом. Однако этого не произошло. *«Нынешнего президента, — говорит респондент, — идеи не интересуют. Выбирая между ученым и журналистом, он предпочтет журналиста»*. Рассказывают, что глава государства должен был встретиться с экономистом, лауреатом Нобелевской премии Ж. Тиролем, но этой беседе Ф. Олланд предпочел вечер в обществе известного певца.

«В ФСП, — отмечает один из информантов, — не осталось руководителей, которые интересовались бы исследованиями в области социальных наук. В прошлом на наших научных семинарах можно было встретить Ж. Делора, М. Рокара, они скромно сидели в зале, слушали. Нынешние политики далеки от этого. Они думают только о том, как сохранить власть». Респонденты отмечают: среди экспертов, работающих в министерских кабинетах, преобладают молодые люди, выпускники Института политических наук (Сьянс По, Sciences Po), а также политики, не прошедшие на муниципальных и региональных выборах. *«Они ничего не знают, читают только газеты, для одних статус эксперта, советника — трамплин в политической карьере, для других — способ завершить политическую карьеру»*. Другой участник опроса не столь критичен, хотя и он не высокого мнения об экспертном сообществе: *«Правительственные эксперты, — говорит он, — неглупые люди. Но они живут сегодняшним днем, у них нет исторических знаний и глубины»*.

В этой связи уместно рассказать о конфликте, который возник между бывшим премьер-министром М. Вальсом и французским социологическим сообществом. После убийства журналистов сатирического журнала «Charlie Hebdo» в начале 2015 г. глава кабинета заявил о том, что власти должны работать вместе с профессионалами, чтобы понять природу терроризма. *«В этот момент никто не предполагал, что террористические акты продолжатся, — замечает респондент. — В ноябре 2015 г. во Франции произошли новые террористические атаки, стало*

ясно, что терроризм будет нарастать». В сложнейшей обстановке, выступая в Национальном собрании, премьер-министр М. Вальс обрушился на социологов, заявив, что им не следует искать социальное и культурное «оправдание» терроризма. Позже в январе 2016 г. глава кабинета уточнил свою позицию: объясняя причины терроризма, социологи, якобы, «оправдывают» это явление. Слова главы кабинета вызвали негодование в профессиональном сообществе. Французский социолог М. Вивьорка назвал позицию премьер-министра оскорбительной для исследователей. Социологи во главе с президентом Французской ассоциации социологии Ф. Лебароном опубликовали открытое письмо в газете «Le Monde». В нем подчеркивалось: «извинять» и «объяснять» — это два разные понятия. Социология, писали они, не имеет ничего общего с «культурой извинения» (Lebaron, Ledlicki, Willemetz 2016). Позже премьер-министр попытался сгладить ситуацию. Весной 2016 г. в Париже проходила международная конференция, посвященная радикальному исламу. Глава кабинета организовал прием для ее участников в Матиньонском дворце, в приветственном слове он выразил благодарность в адрес ученых, занимающихся этой проблематикой во всем мире. Однако говорить об изменении отношений между политиками и научным сообществом не приходится. *«Политики во Франции испытывают глубокое презрение к интеллектуалам», а «власть считает, что может руководить научными исследованиями», —* таково мнение респондентов.

Как французские элиты воспринимают изменение собственного статуса в обществе и новые социальные роли? Попробуем ответить на эти вопросы с помощью материалов интервью.

ОТНОШЕНИЯ В ЭЛИТНОМ ТРЕУГОЛЬНИКЕ: МНЕНИЯ АКТОРОВ

На протяжении истории мыслителей волновал вопрос, какими должны быть отношения между политиками и интеллектуалами. Немецкий социолог М. Вебер полагал, что интеллектуал в обществе выполняет одну из двух функций: пророка, несущего новое откровение, либо «советника правителя» подобно философам древности Конфуцию и Платону (Вебер 1994: 118). Для М. Вебера взаимоотношение между политикой и интеллектуальной деятельностью не было вопросом теории. Активная социальная позиция постоянно вовлекала уче-

ного в политику. «В политическую жизнь он вмешивался, если считал, что может оказать помощь нации», — скажет о нем позже К. Ясперс (Ясперс 1994: 561).

Во Франции близкую позицию занял Р. Арон. Французский философ сформулировал идею «двойного императива», который подразумевает, что интеллектуал «одновременно знает историю, понимает политику, стремится к истине и в конечном итоге к принятию решений и действию». Этим двум императивам Р. Арон, по его собственному признанию, следовал на протяжении всей жизни, будучи одновременно «зрителем и действующим лицом истории» (Арон 2006: 58). В своих отношениях с политиками он неизменно сохранял независимость и признавался, что поссорился со всеми президентами Пятой республики за исключением В. Жискара д'Эстена.

Активная политическая позиция характеризовала и другого известного французского мыслителя, друга юности, а позже оппонента Р. Арона — Ж.-П. Сартра. Интеллектуал, считал он, — это неравнодушный человек, «который вмешивается в дела, его напрямую не касающиеся» (Sartre 1972: 12). Историк М. Винок в этой связи отмечал, что Ж.-П. Сартр относился к интеллектуалам, которые не могут молчать, но и не довольствуются критикой существующего строя (Winock 2011: 8). Действительно, на определенном отрезке жизни писатель был попутчиком коммунистов, проявлял интерес к СССР, Китаю, Кубе, а его представления об идеальном мире ассоциировались с идеями коммунизма.

Вопрос, как должны складываться отношения политиков и интеллектуалов, волнует французскую научную общественность и в начале XXI столетия. Посмотрим, какие модели поведения и взаимодействия с властью выбирают французские интеллектуалы.

Первая модель: *«Отказ от сотрудничества»* предполагает, что лица интеллектуальных профессий *«не желают состоять при Версальском дворе»*. Главным для выбравших эту линию поведения является профессиональная деятельность, которой они отдают все силы и энергию. Для кого-то этот выбор обусловлен стремлением остаться в рамках профессии и сохранить внутреннюю свободу. Другие с пренебрежением относятся к практической стороне собственной деятельности. Многие представители французского научного сообщества не испытывают почтительности к власти и устранились от общения с ней. *«Интеллектуалы теоретизируют, но не хотят ответственности»*, —

замечает в этой связи респондент. И продолжает: *«Французские ученые проводят исследования, пишут хорошие статьи, но у них нет привычки в тексте формулировать рекомендации, как это делают англичане и американцы. В результате отстраненность от политической реальности обесценивает их интеллектуальный труд».*

Нередко «отказ от сотрудничества» с властью становился реакцией на неудачные попытки интеллектуалов найти свое место в мире политики. «Нам хочется думать, — пишет известный французский социолог М. Вивьорка, — что от нас требуется обновить мысли политиков, разъяснить принятые ими решения. Мой опыт свидетельствует о том, что требования политической и научной жизни мало совместимы. Исследовательская деятельность нуждается (...) в свободе, поэтому она неразрывно связана с демократией» (Wieviorka 2015: 16). Социолог пытался сотрудничать с политиками, входил в «мозговой трест», созданный Первым секретарем ФСП М. Обри, но эта деятельность не была успешной. Примером другого неудавшегося сотрудничества с властью является французский экономист Т. Пикетти, автор шумевшего исследования «Капитал в XXI веке». Он был советником С. Руаяль в ходе президентской кампании 2007 г., а пять лет спустя — советником Ф. Олланда. Предложения экономиста, направленные на сокращение социального неравенства, не были приняты кандидатом-социалистом. Пикетти не любит вспоминать об этом опыте. В 2015 г. он отказался принять высшую награду Франции — Орден Почетного легиона, заявив, что власть должна принимать меры для роста экономики, а не раздавать награды. Тем не менее ему не удалось полностью избежать политического соблазна: в 2017 г. он стал советником кандидата-социалиста Б. Амона.

Работа с властью, увлечение экспертизой, как полагают некоторые участники исследования, несут опасность для представителей творческих профессий. Отчасти это происходит вследствие того, что «советник правителя» вынужден подстраиваться к власти, принимать диктуемые ею правила. Правда, не все разделяют эту точку зрения. Респондент, возглавляющий частный аналитический центр, убежден, что многое зависит от личных качеств специалиста.

Вторая модель: «Советник правителя». В этом случае харизматичность интеллектуалов используется партиями и властными структурами. Таких людей А. Грамши называл «органическими интеллектуалами». Их особенность состоит, во-первых, в том, что они подчиняются

дисциплине института или организации, с которой сотрудничают и, во-вторых, они отказываются от критики существующей власти и политического строя.

Политика и интеллектуала многое сближает. Эксперт, как и политик, анализирует ситуацию, пытается заглянуть в будущее, составить прогноз. Некоторые участники исследования рассматривают экспертов как часть политической элиты, полагая, что именно «серые кардиналы» формулируют политические идеи. Отметим, тем не менее, что большинство опрошенных эту точку зрения не разделяют. *«Интеллектуалы не являются политической элитой, они отлучены от высших сфер»*, — замечает участник опроса. *«Ученые, — подчеркивает другой респондент, — никогда не влияют на власть напрямую, у них для этого есть множество других каналов»*. Сами политики не склонны переоценивать роль экспертов. *«Эксперт должен помогать, давать пояснения. Но только политик принимает решения. Эксперты управлять государством не должны. Если это происходит, значит, политики не справляются со своими обязанностями»*, — убежден депутат Национального собрания.

Главное, что отличает политика от интеллектуала — это уровень ответственности. Эксперт предлагает различные сценарные варианты, его мнение может меняться. В отличие от эксперта политик принимает решение и отвечает за него перед своими избирателями. По возможным последствиям ошибка эксперта несопоставима с ошибкой политика. *«Я с большим недоверием отношусь к экспертам»*, — замечает политик. Свою настороженность он объясняет тем, что эксперты подстраиваются к ситуации, что отчетливо видно на примере «медиа-тизированных интеллектуалов», точка зрения которых совпадает с мнением среднестатистического обывателя. В отличие от интеллектуала *«политик не имеет права сказать избирателям, что чего-то не знает»*.

Государственная власть во Франции достаточно инерционна. Внешняя экспертиза, которая предполагает обращение государственных структур к специалистам-профессионалам, во Франции, в отличие от англо-саксонских стран, не получила широкого распространения. Министерства — закрытые корпорации до сих пор предпочитают обращаться за экспертной оценкой к высококвалифицированным государственным служащим. *«В реальности в политическом мире не так много площадок, где политики встречались бы с интеллектуалами*

и профессионалами, — отмечает сотрудник аппарата Национального собрания. — *В Елисейском дворце, министерствах, профиль экспертов однотипный*». На взгляд этого участника, исключение составляет французский парламент, регулярно организующий парламентские слушания, на которые приглашаются специалисты. В Национальном собрании и Сенате проходят конференции и коллоквиумы, на которых выступают представители французского и международного научного сообщества.

Большинство принявших участие в исследовании аналитиков убеждены, что интерес политиков к интеллектуалам во Франции носит поверхностный, функциональный характер. Приведу несколько мнений. Политики встречаются с интеллектуалами *«не для того, чтобы узнать их точку зрения, а чтобы заимствовать красивую фразу, лозунг»*, — замечает информант. Отсутствие глубокого взаимодействия между двумя элитными группами респондент объясняет тем, что современный политический класс *«не умеет стратегически мыслить, следовательно, у него нет потребности в стратегически мыслящих интеллектуалах»*.

Руководитель аналитического центра не скрывает горечи: *«В США к мнению моих коллег, экспертов, прислушиваются в административном аппарате. Некоторые из них регулярно выступают в Конгрессе или на заседаниях комиссий. Далеко не всегда политики следуют их советам. Это нормально, ведь решения принимает власть»*. Себя он считает свободным человеком: *«Я много пишу и публикуюсь, в оценках бываю очень критичным, в чем, кстати, меня упрекают. Но всегда придерживаюсь одного правила: говорю, что думаю»*.

В последние два десятилетия во Франции наметились некоторые изменения в отношениях между властью и интеллектуальным сообществом. В 1990-е годы была осуществлена попытка привлечь французских историков к процессам над нацистскими преступниками. Этот опыт оказался неудачным: специалисты не захотели выступать в роли свидетелей. Позже обществоведов пригласили в качестве экспертов при обсуждении закона об однополых браках. В настоящее время французские социологи полагают, что их знания должны использоваться в судебной практике, как это происходит с психиатрами, мнение которых учитывается судом.

Третья модель: *«Советник гражданского общества»* предполагает, что представители интеллектуальных профессий отстаивают актив-

ную социальную позицию, но власть обслуживать отказываются. Вот как об этом рассуждает М. Вивьорка: «Мы не принадлежим к той эпохе, когда можно было противопоставлять ангажированных, находящихся на службе общего дела или политической партии исследователей, и научных работников, уединившихся в башне из слоновой кости (...) Существуют и другие типажи. Становится все больше тех из нас, кто, используя профессиональную компетенцию, стремится принимать участие в общественной дискуссии, жизни города» (Wieviorka 2015:16).

В прошлом центральной фигурой во французской интеллектуальной среде были писатели. В последние десятилетия возросла общественно-политическая роль ученых, преподавателей, исследователей в сфере общественных наук — антропологов, этнологов, социологов. Эти люди готовы предоставить свои знания в распоряжение гражданского общества. К помощи специалистов обращаются неправительственные организации, занимающиеся защитой окружающей среды, сохранением природной фауны, проблемами изменения климата.

В 1971 г. М. Фуко создал Группу информации о положении в тюрьмах. В нее вошли судьи, адвокаты, журналисты, психологи. Задача организации состояла в том, чтобы собрать информацию о положении в тюрьмах, сделать ее доступной общественности, рассказать людям, что происходит в закрытых учреждениях. В 1998 г. был создан Фонд «Коперник», ставший альтернативным глобалистским исследовательским центром, в него вошли профессора университетов, представители общественных движений, выступающие с критикой глобализации. Против неolibеральной политики выступает интеллектуальное объединение «Raison d'agir». Экспертная поддержка усиливает позиции общественных организаций в их диалоге с властью и группами интересов. Социальная роль эксперта, обслуживающего гражданское общество, предполагает, что ученый выступает в качестве оппонента власти и официальных экспертов, формулирует альтернативные предложения. Исследовательница Ж. Сапиро называет этот вид деятельности «контр-экспертизой» (Sapiro 2009: 30).

Политика тесно взаимосвязана с журналистикой. *«Во Франции журналистика привязана к власти. Эта традиция идет от Ришелье. Хочешь сделать карьеру — будь близок к власти»*, — замечает журналист с большим стажем. Взаимоотношения власти и представителей журналистского сообщества не ограничиваются перспективами карьерного продвижения.

Существуют аспекты, касающиеся самой профессии. Политическое пространство и действующие на нем акторы — объект постоянного внимания со стороны прессы и телевидения. Политические события — важнейшая часть информационного контента, для журналистов политики — ценный источник информации. *«Одни журналисты стремятся быть рядом с властью, другие хотят быть независимыми. Но это очень сложно: кто будет их печатать? А главное, откуда они возьмут информацию?»* — размышляет участник исследования.

Принято считать, что журналисты являются «манипуляторами». Анализ взаимоотношений власти и журналистского сообщества приводит к мысли, что и сами журналисты становятся объектом манипуляции. Власть не только предоставляет или не предоставляет информацию, она ее фильтрует. *«В Елисейском дворце имеется группа по связям с общественностью. Она вбрасывает нужную информацию, выделяя приоритетные сюжеты и оставляя в стороне те, о которых предпочитает умолчать»*. Аналогичной деятельностью занимаются отделы по связям с общественностью министерств и ведомств. *«Мне смешно наблюдать, как на брифингах журналисты ловят каждое наше слово, не понимая, что мы даем им лишь ту часть информации, которую посчитали нужной»*, — говорит сотрудник одного из министерств. «Фильтруя» информацию, политическая элита направляет в нужное русло дискуссии, которые разворачиваются в обществе. *«Я не осуждаю журналистов. У них сложная ситуация: они работают с той информацией, которую им дают»*, — замечает аналитик.

Теперь обратимся к суждениям политиков. Политики с вниманием относятся к тому, что о них говорят и пишут журналисты. Медиа предоставляют им трибуну, способствуют легитимации их власти. В начале года президент собирает в Елисейском дворце прессу для Новогоднего поздравления. Каждое важное политическое событие сопровождается организацией пресс-конференции и брифингов, на которые приглашаются представители ведущих изданий и телеканалов. Доверенных журналистов политики приглашают с собой в официальные поездки по стране и за границу. Одни политики стремятся расположить журналистов к себе, такой стратегии придерживались В. Жискард д'Эстен и Ж. Ширак. Кто-то окружил себя преданными журналистами, как это делал Ф. Миттеран. Некоторые пытаются заигрывать с журналистами, но эта линия поведения не приносит желаемых результатов (Н. Саркози, Ф. Олланд).

В последние десятилетия социальные роли элитных групп диверсифицировались. Политики в обществе призваны представлять идеи и программы своих партий, защищать интересы избирателей. Сегодня все большую роль в жизни политика играет коммуникация. Коммуникативная функция предъявляет к политику новые требования: он должен уметь вести дискуссию в прямом эфире, быть находчивым, парировать удары противников. Коммуникация меняет политический дискурс, примитивизируя и одновременно делая его более агрессивным. Респонденты как политики, так и эксперты, убеждены, что в информационном обществе способность коммуницировать является важнейшим достоинством политика, идет ли речь о партийном руководителе или главе государства. Коммуникация становится многообразной — это выступления перед широкой аудиторией, в прямом эфире по радио и телевидению, участие в политических дебатах, ток-шоу. *«Руководитель должен постоянно присутствовать в медианпространстве, объяснять принятые решения, дальнейшие направления действий. Без этого он будет «вялым», «непонятым»»*. Отчасти плохими «коммуникативными способностями» респонденты объясняют низкие рейтинги политиков.

Коммуникация сближает политиков и журналистов. Это проявляется, во-первых, в том, что их деятельность все чаще подчиняется логике *“текущего момента”*. Респонденты отмечают: новое поколение политиков, сформированное внутри партийного аппарата, живет сегодняшним днем, у них отсутствует стратегия на будущее. Не без тревоги опрошенные говорили о том, что, возможно, впервые за всю историю Франции сформировалось поколение политиков, которые не испытывают уважения и не интересуются культурой. Многие, особенно молодые политики, *“не знают и не помнят, что делали их предшественники, какие основные события происходили в ушедшем столетии”*. “Короткая историческая память” порождает узкий горизонт видения, неспособность мыслить в долгосрочной перспективе, оценивать события, исходя из знания прошлого, а не сегодняшнего дня. Главное для них — сохранить влияние и власть.

Во-вторых, политиков и журналистов сближают базовые политические и общественные установки. В последние десятилетия во французском обществе получила распространение новая политическая культура — “эгалитарный гуманизм”, в основе которой лежат принципы толерантности, уважения к правам меньшинств, в том числе и сексу-

альных, а наряду с этим т.н. “политическая корректность”. Ценности новой политической культуры получили распространение среди сторонников левых партий, они активно продвигаются медийным сообществом. В ходе интервью респонденты отмечали, что претендующая на широту взглядов новая политическая культура в реальности порождает одномерное видение окружающего мира. У многих участников опроса это вызывает нескрываемое раздражение. *“Новое поколение политиков обучалось в одних учебных заведениях, сформатировано на один манер, можно сказать, отлито из одной формы,* — замечает респондент. *— Они не мыслят самостоятельно, видят окружающий мир в черно-белых тонах, а политическая корректность стала их новой религией”*. “Единомыслие” — это слово не раз звучало в ходе интервью. Установленный формат, в котором приходится действовать различным элитным группам, как полагает исследователь Ж. Вильд, свидетельствует о «советизации» французского общества. Французские элиты, на взгляд ученого, своей социальной гомогенностью, идейной монолитностью все больше напоминают советскую номенклатуру¹.

В-третьих, представителей политической и медийной элиты сближают демонстрационные формы поведения, стремление сконцентрировать внимание публики на собственной персоне. Анализ текстов выступлений президентов Пятой республики свидетельствует, что с 1980-х годов глава государства не просто стремится донести до публики свои взгляды, но выстраивает контакт с аудиторией. Сегодня выступление президента — это способ самоутверждения. Коммуникация заостряет внимание на конкретном политике, еще больше усиливает персонифицированный характер власти. В прошлом политические партии и политики отстаивали идейные принципы, формулировали лозунги, а политическая конкуренция выражалась в столкновении различных политических проектов. Сегодня политическая борьба становится менее идеологически обоснованной и более агрессивной. Участники исследования часто применительно к современной политике употребляли понятие *“политический спектакль”*. В этом “спектакле” политики и журналисты обращаются не столько к разуму людей, сколько к их впечатлениям и эмоциям. *“Политику, чтобы быть услышанным, приходится быть грубым, забивать и оскорблять противника”*.

---

¹ Из беседы с автором (сентябрь 2016). — Архив автора.

Несмотря на сближение, отношения между политическими и информационными акторами несут в себе напряженность. В ряде интервью взаимодействие между политиками и журналистами оценивалось как острое соперничество. *“Политики недовольны тем, что медиа захватывают все большие власти”, а “журналисты убеждены, что обладают уникальной информацией”*. Конкуренция и взаимное недовольство нарастают. В работе журналиста информационный контент уступил место комментарию. *“Журналисты стремятся изложить собственное представление о событии, не видя самого события”*. Часто конфликты возникают на почве интерпретаций: политики не согласны с тем, как их идеи представлены журналистами. Нередко ссоры становятся публичными, к примеру, когда политик, покидает эфир во время передачи. В свою очередь информационных акторов раздражает утрата монополии на информацию, самостоятельная коммуникативная активность политических акторов. Они не всегда понимают, как следует реагировать на высказывания политиков в социальных сетях: как на официальное политическое заявление или как на эмоциональную реакцию.

Особенно богатой на политико-медийные конфликты оказалась президентская кампания 2017 г. В ходе нее все основные кандидаты на президентский пост стали объектом пристального внимания со стороны журналистов. В феврале 2017 г. вспыхнул первый громкий скандал: в прессе появилось сообщение, что кандидат на президентский пост от правоцентристской партии «Республиканцы» Ф. Фийон в свою бытность депутатом Национального собрания использовал фиктивные рабочие места, устроив жену и двоих детей своими помощниками. За журналистским расследованием последовало расследование компетентных органов. Через месяц политику было предъявлено официальное обвинение. В последующие месяцы дело Ф. Фийона находилось в центре внимания СМИ. Последствия не заставили себя долго ждать: политический рейтинг Ф. Фийона, который ранее рассматривался как основной претендент на президентское кресло, резко понизился. Политик обвинил журналистское сообщество в политической травле и организации беспрецедентной клеветнической кампании.

На протяжении истории праворадикальная партия «Национальный фронт» неоднократно оказывалась в центре скандалов. Нынешняя кампания не стала исключением. Руководителя НФ и депутата Евро-

парламента М. Ле Пен подозревают в использовании фиктивных рабочих мест, которые оплачивались из бюджета ЕС. Правда, это раскрытое журналистами дело не повлияло на популярность М. Ле Пен, поскольку ее сторонники рассматривают своего кандидата как жертву политического режима, Жанну д'Арк XXI столетия. Сама М. Ле Пен полагает, что цель медийной операции — помешать нормальному ходу ее избирательной кампании.

СМИ не забыли и о Э. Макроне, руководителе движения «Вперед!». В марте 2017 г. появилась информация относительно финансирования его избирательной кампании, параллельно сообщалось, что, будучи министром экономики, он занимался продвижением интересов ряда крупных французских компаний за рубежом. В течение месяцев внимание французской общественности было приковано к скандальным новостям. С подачи журналистского сообщества повестка избирательной кампании была изменена: вместо обсуждения партийных программ политики вынуждены были отвечать на вопрос о том, что они думают по поводу скандалов и персон, в них замешанных.

Напряжением отмечены и отношения между интеллектуалами и журналистами. Интеллектуалы утрачивают прежнюю роль «властителей дум» и больше не влияют на поведение французов. Если говорить о присутствии в информационном пространстве, их не устраивают агрессивность СМИ, формат выступлений по радио/телевидению и время, отпущенное на беседу. Постоянный секретарь Французской академии и советник нескольких французских президентов Э. Каррер д' Анкосс, признает, что в последние годы стала реже выступать в СМИ, поскольку каждая новая ее статья сопровождается публикацией, в которой излагаются контрдоводы, часто это делается некорректно¹.

Невзирая на существующую напряженность, журналистское и академическое сообщество взаимодействуют. Научный мир является источником идей, которые журналисты «переводят» на доступный широкой публике язык. Именно поэтому, полагает респондент, взгляды ученых и журналистов *«во многом совпадают»*. Кроме этого СМИ предоставляют ученым возможность донести свою точку зрения до широкой публики.

---

¹ Из беседы с автором. — Архив автора (лето 2007).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современном обществе роли политических, информационных, интеллектуальных акторов меняются. Политики наряду с интеллектуалами и журналистами все чаще выполняют функцию коммуникаторов. Развитие коммуникации трансформирует политику и журналистику: властные отношения конструируются и осуществляются путем управления и манипулирования коммуникационными процессами. В прошлом во Франции литература играла важнейшую роль в формировании общественных настроений и объединении социума. В настоящее время коммуникация происходит не посредством литературы, но благодаря социальным сетям.

Коммуникация становится инструментом укрепления позиций политических акторов. Политики оказались пластичными и адаптивными. Они приняли новую функцию и успешно осваивают коммуникационное пространство. Иная ситуация складывается в интеллектуальном сообществе. В этой среде, как свидетельствуют материалы исследования, существует поляризация. На одном полюсе интеллектуалы и ученые, дистанцирующиеся от СМИ. На другом те, кто, как и политики, осваивают новые способы коммуникации. *«Чтобы быть услышанным, интеллектуал должен присутствовать в мультимедиа. Я знаю, что оказываю влияние на настроения в обществе. Сегодня я веду собственные блоги, общаюсь с пользователями Интернета»*¹, — говорит М. Вивьорка.

Особенностью новой реальности стали политико-медийные альянсы. В них политики являются источником информации и активными коммуникаторами, журналисты создают медийное событие, совместно с политиками комментируют его и транслируют обществу, а интеллектуалы представляют оценку происходящего с позиций морали и универсальных ценностей.

Все более прозрачны границы между политической, коммуникационной и интеллектуальной деятельностью. Многие представители политической элиты пришли в политику из сферы коммуникации. В начале своей политической карьеры М. Вальс, в недавнем прошлом премьер-министр, был советником по связям с общественностью премьер-министров М. Рокара и Л. Жоспена. После окончания полити-

---

¹ Из беседы с автором в сентябре 2016 г. — Н. Л.

ческой карьеры политики нередко становятся специалистами по связям с общественностью или начинают заниматься литературой. Политики и журналисты часто обучались в одних учебных заведениях, знакомы с юности, являются завсегдатаями одних и тех же элитных клубов и салонов. Нередко возникают семейные медийно-политические союзы. Многие французские политики женаты на профессиональных журналистках: *“Складывается впечатление, что эти две профессии созданы друг для друга”*.

В век коммуникационной революции СМИ оказываются сильнее политиков и даже президента, что противоречит политической логике Пятой республики. Опыт пребывания у власти двух последних президентов свидетельствует, что во Франции набирает силу процесс десакрализации президентской власти. СМИ в нем играют важную роль. Институциональные способы защиты личной жизни у президента отсутствуют, в лучшем случае ему приходится вырабатывать собственные механизмы самозащиты (Trierweiler 2015:159).

Конституционная реформа 2008 г. изменила уголовно-правовой статус главы государства. По новому закону решение о смещении главы государства с поста принимается на совместном заседании двух палат парламента, которое именуется Высокой палатой правосудия (La haute cour de justice). Решение о смещении президента открывает возможность судебного преследования. Судебная ветвь власти, как считает специалист по конституционному праву Б. Матье, все чаще берет верх над властью политической. В результате политический процесс становится более открытым, но одновременно возникает опасность, «поскольку открываются шлюзы для потока обвинений в адрес главы государства» (Матье 2014: 127).

Расширение полномочий судебной власти упомянуто здесь не случайно. В эпоху медиаполитики число акторов, действующих в информационном пространстве, возрастает. Следователи и судьи, позиционирующие себя в современном французском обществе в качестве «блюстителей общественной нравственности», нередко провоцируют утечку информации, касающуюся следствия, еще до того, как подозреваемый становится обвиняемым. Эта информация передается СМИ. «Правление судей», коммуникационная активность судейского корпуса вызывают неприятие в обществе. «Тесное сосуществование юстиции и медиа, — отмечает Ж.-П. Шевенман, — по сути отменяет тайну следствия и презумпцию невиновности» (Chevènement 2017: 43). С мнением

политика согласны юристы: активное вторжение судебных властей в политику дестабилизирует демократию (Kriegel 2017: 44).

Отношения внутри элитного треугольника и за его пределами становятся все более напряженными. Нынешнюю ситуацию можно определить формулой «борьба всех против всех». В эту борьбу включены политики, журналисты, представители судебной власти, которые независимы от власти политической, но не беспристрастны. Как изменить сложившуюся ситуацию? Как остановить губительную войну всех против всех? Еще какое-то время назад был уместен позитивный сценарий: каждый занимается своим делом. А именно: политики — представляют и отстаивают интересы граждан; журналисты — информируют общество о происходящем в стране и мире; интеллектуалы — являются носителями морали и универсальных ценностей. Однако, как становится ясно из материалов исследования, — это логика прошлого, она не соответствует медиаполитической реальности.

Миллионы французов регулярно смотрят шоу с участием известных политиков и журналистов. Политический спектакль создает иллюзию причастности к «большой политике», вызывает интерес, но при этом медийная популярность не конвертируется в доверие. Создаваемые СМИ образы неустойчивы, это своего рода «мыльные пузыри», которые в любой момент могут лопнуть. И аудитория это хорошо понимает: лишь у 24 % французов медиа пользуются доверием (Le Baromètre 2017: 35).

По мере превращения политиков в коммуникаторов выстраивается их виртуальная связь с обществом, но реальная связь утрачивается. Не с этим ли связан кризис политического представительства, о котором все чаще пишут во Франции? Эмпирическое исследование, проведенное в январе 2017 г. показало: подавляющее большинство французов не испытывают доверия к политическим партиям (89 %) и политической элите (депутату своего округа доверяли 45% опрошенных, действующему президенту — 25%, премьер-министру — 35%) (Le Baromètre 2017: 35).

Не только политики становятся коммуникаторами. Благодаря новейшим технологиям рядовые граждане также получили возможность открыто высказывать свое мнение о политике и политиках. В социальных сетях политики превращаются в объект насмешек и критики. Протестное творчество масс можно сравнить с массовыми социальными движениями, которыми так богата история Франции. Множащиеся медиа атаки еще более способствуют снижению уровня доверия общества к политике и политикам. Смогут ли политические, информацион-

ные и прочие социальные акторы преодолеть трудности, возникающие в век коммуникационной революции, и конвертировать капитал виртуальных связей в реальное взаимодействие с социумом? От ответа на этот вопрос во многом зависит стабильность политических институтов и будущее демократии.

Список литературы

- Арон Р. Пристрастный зритель: Интервью с Ж.-Л. Миссика, Д. Вольтоном. М.: Праксис, 2006.
- Вебер М. Социология религии // Вебер М. Избранное. Образ общества. — М.: Юрист, 1994. С. 78–308.
- Голль де Ш. *На острие шпаги*. — М.: Изд-во «Европа», 2006.
- Жискар д'Эстен В. *Власть и жизнь*. М.: Международные отношения, 1990.
- Кастельс М. *Власть коммуникации*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2016.
- Лапина Н.Ю. Элиты и политические институты Пятой республики // *Франция на пороге перемен. Экономика и политика в начале XXI века* / Отв. ред. А.В. Кузнецов, М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, П.П. Тимофеев. — М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 96–108.
- Ле Пен М. *Сквозь враждебные волны*. М.: Кучково поле, 2016.
- Матьё Б. Место президента Республики во французской институциональной системе: От текста к практике // *Политические институты России и Франции: Традиции и современность*. / под ред. Д.В. Ефременко и Н.Ю. Лапиной. М.: ИНИОН РАН, 2014. С. 113–127.
- Рахшмир П. *Франсуа Миттеран: противник и последователь де Голля*. — Доступ: <https://www.newsko.ru/articles/nk-240575.html> (Дата доступа: 17.07.2003).
- Ясперс К. Речь памяти Макс Вебера // Вебер М. Избранное. *Образ общества*. М.: Юрист, 1994. С. 553–566.
- Antonin A., Rissouli K. *Conversations privées avec le président*. Paris : Albin Michel, 2016.
- Le Baromètre de la confiance politique. Vague 8. Janvier 2017. Available at: www.cevipof.com/fr/le-barometre-de-la-confiance-politique-du-cevipof/resultats-1/vague-8 (accessed: 25.01.2017).
- Baudriller M. *Une histoire trouble de la V-e République. Le poison des affaires*. Paris: Tallandier, 2015.
- Changer la vie. Programme de gouvernement du parti socialiste*. Paris: Flammarion, 1972.
- Chapsal J. *La vie politique sous la V-e République*. Paris : PUF, 1981.
- Chaubet F. De Gaulle et les intellectuels : histoire d'un différend // *De Gaulle et les élites* / Sous la dir. de : Bernstein S., Birnbaum P., Rioux J.-P. Paris: La Découverte, 2008.

Chevènement J.-P. Je suis inquiet pour l'avenir de notre démocratie // Express. Paris, 2017. 8–14 mars. P. 42.

Cohen S. Démocratie et politique étrangère. Repenser les termes du débat. — Mode of access: www.ceri-sciencepo.com/cerifr/.../cohen.php (accessed: 18.08.2011).

Courtois G., Finchelstein G., Perrineau P., Teinturier B. *Fractures françaises 2015- vague 1*. Paris : Fondation Jean Jaurès, 2015.

Duhamel A. *Une histoire personnelle de la V-e République*. Paris: Plon, 2014.

Giesbert J.-O. *Monsieur le Président. Scènes de la vie politique (2005–2011)*. Paris : Flammarion, 2011.

Jauvert V. *La face cachée du Quai d'Orsey : enquête sur un ministère à la dérive*. Paris : Robert Laffont.

Jospin L. Lionel raconte Jospin. Entretien avec P. Favier et P. Rotman. Paris: Seuil, 2010.

Kriegel B. Une réforme de la justice est nécessaire // Express. Paris, 2017. 8–14 mars. P. 44.

Lacouture J. Mitterrand. Une histoire de Français. Tome 1. Paris: Seuil, 1998.

Lebaron F., Ledlicki F., Willemez L. La sociologie, ce n'est pas la culture de l'excuse ! // Le Monde. Paris. 14 déc. 2015.

Liste de sondages sur l'élection présidentielle française de 2017. Available at: https://fr.wikipedia.org/wiki/Liste_de_sondages_sur_l_election_presidentielle_francaise_de_2017 (accessed: 25.01.2017).

Marteau S., Zemouri A. *L'Elysée off. Secrets, trahisons et coups tordus au palais*. Paris: Fayard, 2016. 213 p.

Mayaffre D. *Nicolas Sarkozy. Mesure et démesure du discours (2007–2012)*. Paris : Presse de la Fondation des sciences politiques, 2012. 360 p.

Mélenchon concurrence Norman // L'Obs, Paris, 2016. 8–14 déc. N 2718. P. 14.

Peyrefitte A. *C'était de Gaulle*. Paris: Fayard, 1994.

Radiographie des députés français sur le Twitter. Available at: <http://www.augure.com/wp-content/uploads/2014/04/radiographie-deputes-francais-twitter.pdf> (accessed 11.07.2014).

Raffy S. C'était Rocard // L'Obs. Paris, 2016. 7–13 juillet. N2696. P. 22.

Remond R. Les intellectuels et la politique // Revue française de science politique. Paris, 1959. Vol. 9. 4. P. 860–880.

Rouban L. *La politique par le haut. Les entourages de l'exécutif de Nicolas Sarkozy à François Hollande*. Paris : CEVIPOF, 2015.

Rouban L. Les sommets de l'exécutif urbain: les maires des villes de plus de 30000 habitants entre 1983 et 2014. *Revue française d'administration publique*. Paris, 2015. N2. P. 377–390.

Sapiro G. Modèles d'intervention politique des intellectuels. Le cas français Actes de la recherche en sciences sociales. Paris, 2009. N 176–177.

Sartre J.-P. *Plaidoyer pour les intellectuels*. Paris : Gallimard, 1972.

Trierweiler V. *Merci pour ce moment*. Paris: Le livre de poche, 2015. 384 p.

Wieviorka M. Avant-propos. Demain, les sciences humaines et sociales // Penser global. Internalisation et globalisation des sciences humaines et sociales Sous la dir. De M. Wieviorka, L. Lévi-Strauss et G. Lieppe. Paris: Ed. de la Maison des sciences de l'homme, 2015.

Winock M. L'effet des générations. Une brève histoire des intellectuels français. Vincennes: Ed. Thierry Marchaisse. 2011. 151 p.

THE INTERACTION OF ELITE GROUPS IN FRANCE

N. Lapina

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2016.3.2>

Abstract. *The article is focusing on the transformation of the relations between politicians, intellectuals and journalists. In the communication society, the roles of political, information and intellectual actors are changing. Politicians, along with intellectuals and journalists, are increasingly performing the function of communicators. The development of communication transforms politics and journalism: power relations are constructed and implemented through communication processes. The boundaries between political, communication and intellectual activities are becoming more transparent. In the era of media policy, the number of actors operating in the information space is melting. Judges and investigators actively represent themselves in media, and this situation leads to violation of the principle of the secrecy of investigation. Relationships within the elite triangle and beyond are becoming increasingly tense. The current situation could be defined as “the struggle of all against all”.*

Keywords: *politicians, intellectuals, journalists, The Fifth Republic, France, communication revolution, media policy, communication.*

References

- Antonin A., Rissouli K. *Conversations privées avec le président*. Paris: Albin Michel, 2016.
- Aron R. *Pristrastnyy zritel'*: Interv'y u s ZH.-L. Missika, D. Vol'tonom [*The biased audience*]. Moscow: Praksis, 2006. (In Russian)
- Baudriller M. *Une histoire trouble de la V-e République. Le poison des affaires*. Paris: Tallandier, 2015.
- Changer la vie. Programme de gouvernement du parti socialiste*. Paris: Flammarion, 1972.
- Chapsal J. *La vie politique sous la V-e République*. Paris: PUF, 1981.
- Chaubet F. De Gaulle et les intellectuels : histoire d'un différend, In: *De Gaulle et les élites* / Sous la dir. de: Bernstein S., Birnbaum P., Rioux J.-P. Paris: La Découverte, 2008.
- Chevènement J.-P. Je suis inquiet pour l'avenir de notre démocratie, *Express*. Paris, 2017. 8–14 mars. P. 42
- Cohen S. *Démocratie et politique étrangère. Repenser les termes du débat*. — Mode of access : www.ceri-sciencepo.com/cerifr/.../cohen.php (accessed: 18.08.2011).
- Courtois G., Finchelstein G., Perrineau P., Teinturier B. *Fractures françaises 2015- vague 1*. Paris: Fondation Jean Jaurès, 2015.

Duhamel A. *Une histoire personnelle de la V-e République*. Paris: Plon, 2014.

Giesbert J.-O. *Monsieur le Président. Scènes de la vie politique (2005–2011)*. Paris: Flammarion, 2011.

Goll' de Sh. Na ostiye shpagi [de Gaulle, Ch. *At the point of the sword*] / Transl. from French. Moscow: Yevropa, 2006. (In Russian)

Jauvert V. *La face cachée du Quai d'Orsey: enquête sur un ministère à la dérive*. Paris: Robert Laffont.

Jospin L. *Lionel raconte Jospin. Entretien avec P. Favier et P. Rotman*. Paris: Seuil, 2010.

Kastel's M. Vlast' kommunikacii [Castells, M. *Communication power*] / Transl. from English. Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki. 2016. (In Russian)

Kriegel B. Une réforme de la justice est nécessaire, *Express*. Paris, 2017. 8–14 mars. P. 44.

Lacouture J. *Mitterrand. Une histoire de Français*. Tome 1. Paris: Seuil, 1998.

Lapina N.Yu. Elity i politicheskie instituty Pyatoi respubliki [Elites and political institutions of the Fifth Republic], In: Frantsiya na poroge peremen. *Ekonomika i politika v nachale XXI veka [France on the verge of change. Economics and politics at the beginning of the XXI century]* A.V. Kuznetsov, M.V. Klinova, A.K. Kudryavtsev, P.P. Timofeev, ed.] Moscow: IMEMO RAN, 2016, pp. 96–108. (In Russian)

Le Baromètre de la confiance politique. Vague 8. Janvier 2017. Available at: www.cevipof.com/fr/le-barometre-de-la-confiance-politique-du-cevipof/resultats-1/vague-8 (accessed: 25.01.2017).

Le Pen M. Skvoz' vrazhdebnye volny [Le Pen, M. *Trough the waves of hostile*] / Transl. from French. Moscow: Kuchkovo pole, 2016. (In Russian)

Lebaron F., Ledlicki F., Willemez L. La sociologie, ce n'est pas la culture de l'excuse !, *Le Monde*. Paris. 14 déc. 2015.

Liste de sondages sur l'élection présidentielle française de 2017. Available at: https://fr.wikipedia.org/Wiki/Liste_de_sondages_sur-l_election_presidentielle_francaise_de_2017 (accessed: 25.01.2017).

Marteau S., Zemouri A. *L'Elysée off. Secrets, trahisons et coups tordus au palais*. Paris: Fayard, 2016. 213 p.

Mat'ye B. Mesto prezidenta Respubliki vo frantsuzskoi institutsional'noi sisteme: Ot teksta k praktike [Mathieu, B. The place of president in French institutional system: from text to practice] / Transl. from French, In: Politicheskie instituty Rossii i Frantsii: Traditsii i sovremennost' [*Political institutions of Russia and France: Tradition and contemporaneity*] / Ed. by D.V. Efremenko, N.Yu. Lapina N.Yu. Moscow: INION RAN, 2014, pp. 113–127. (In Russian)

Mayaffre D. *Nicolas Sarkozy. Mesure et démesure du discours (2007–2012)*. Paris: Presse de la Fondation des sciences politiques, 2012. 360 p.

Mélenchon concurrence Norman, *L'Obs*, Paris, 2016. 8–14 déc. N 2718. P. 14.

Peyrefitte A. *C'était de Gaulle*. Paris: Fayard, 1994.

Radiographie des députés français sur le Twitter. Available at: <http://www.augure.com/wp-content/uploads/2014/04/radiographie-deputes-francais-twitter.pdf> (accessed 11.07.2014).

Raffy S. C'était Rocard, *L'Obs*. Paris, 2016. 7–13 juillet. N2696. P. 22.

Rakhsmir P. Fransua Mitteran: protivnik I posledovatel' de Gollya [Rahshmir P. *Francois Mitterrand: enemy and follower of de Gaulle*]. — Available at: <https://www.newsru.ru/articles/nk-240575.html> (accessed: 17.07.2003). (In Russian)

Remond R. Les intellectuels et la politique, *Revue française de science politique*, 1959, 9 (4), pp. 860–880.

Rouban L. *La politique par le haut. Les entourages de l'exécutif de Nicolas Sarkozy à François Hollande*. Paris: CEVIPOF, 2015.

Rouban L. Les sommets de l'exécutif urbain: les maires des villes de plus de 30000 habitants entre 1983 et 2014, *Revue française d'administration publique*, 2015, 2, pp. 377–390.

Sapiro G. Modèles d'intervention politique des intellectuels, *Le cas français Actes de la recherche en sciences sociales*, 2009, 176–177.

Sartre J.-P. *Plaidoyer pour les intellectuels*. Paris: Gallimard, 1972.

Trierweiler V. *Merci pour ce moment*. Paris: Le livre de poche, 2015. 384 p.

Weber M. Sotsiologiya religii [Sociology of Religion], In: Weber M. *Izbrannoye, Obraz obshchestva [Selected works. Image of society]* / Transl. from German. Moscow: Yurist, 1994, pp. 78–308. (In Russian)

Wieviorka M. Avant-propos. Demain, les sciences humaines et sociales, In: *Penser global. Internalisation et globalisation des sciences humaines et sociales* / Sous la dir. De M. Wieviorka, L. Lévi-Strauss et G. Lieppe. Paris: Ed. de la Maison des sciences de l'homme, 2015.

Winock M. *L'effet des générations. Une breve histoire des intellectuels français*. Vincennes: Ed. Thierry Marchaisse. 2011. 151 p.

Yaspers K. Rech pamyati Maksa Vebera [Jaspers, K. Speech of the memory of Max Weber], In: Weber M. *Izbrannoye. Obraz obshchestva. Ozbrannoye. Izbrannoye. Obraz obshchestva [Selected works. Image of society]* / Transl. from German. Moscow: Yurist, 1994, pp. 553–566. (In Russian)

Zhiskar d'Esten V. Vlast' i zhizn' [d'Éstaing, Giscard. *Power and Life*] / Transl. from French. Moscow: Meshdunarodnyye ot-nosheniya, 1990. (In Russian)

ВЫЗОВЫ ВЛАСТИ

«ЛИШНИЕ ЛЮДИ» РОССИИ. ИГОРЬ СТРЕЛКОВ И ГЕРОИ ДОНБАССА В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОГО АВТОРИТАРИЗМА

А.К. Магомедов

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2016.3.3>

«Все формы ереси, неповиновения и узурпации... одновременно являются источниками новой власти и атрибутами изгнанника. Они лежат в основе того, что называется притягательностью или харизмой, того, что непонятно каким образом вдруг превращает никому неизвестного человека в личность, вызывающую беспредельное восхищение». (Московичи 1998: 44-45)

Аннотация. *Статья анализирует политический взлёт и падение Игоря Стрелкова/Гиркина — одного из знаменитых героев военного конфликта на юго-востоке Украины (Донбассе). Главная цель исследования — взаимоотношения между режимом Путина и пророссийскими «псами войны» Донбасса в лице Стрелкова. Статья также посвящена анализу того, как Стрелков стал олицетворять собой ультраконсервативный вызов Кремлю. По своей сути и по своим действиям этот персонаж классифицирован как социально-ориентированный русский «империалист». Автор доказывает, что Кремль до некоторой степени испытывал страх перед Стрелковым, видя в нём непредсказуемую и радикальную личность. Стрелков был отозван с Донбасса в августе 2014г. Кремлём, поскольку стал опасен как носитель идеологической и политической альтернативы путинскому олигархическому капитализму и отечественной клептократии. Оказавшись в России, Стрелков жёстко критиковал последовавшие затем военные действия в Украине, а также военную операцию России в Сирии*

как «чужую» войну. В дальнейшем он был мобилизован российскими властями в качестве пропутинского идеологического активиста против Ходорковского. Статья завершается выводом о том, что после того, как был спущен флаг «Новороссии», Стрелков как военный доброволец стал «лишним человеком» «русского мира».

Ключевые слова: война на Донбассе, «русский мир», Стрелков, бросающий вызов Кремлю, взлёт и падение героев Донбасса, режим Путина, герои «русского мира» как отработанный материал.

Весной 2016 г. исполняется два года с момента начала военного конфликта на Юго-Востоке (Донбассе) Украины. История полковника Игоря Стрелкова — человека, который принёс войну на *Донбасс*, может много сказать нам о логике путинского государства. Поэтому эта статья НЕ является исследованием истории превращения безвестного солдата удачи Игоря Стрелкова в символ «русской весны» и «русского мира». Эта статья о современном российском политическом режиме. А ещё точнее — о том, как Кремль отправлял своих героев дорогой забвения в политическое небытие.

События крымско-донбасской революции весны 2014 года примечательны тем, что вынесли на поверхность политической жизни целую плеяду «окопных героев» и «псов войны», которые впоследствии стали настоящей головной болью для Кремля. Предводитель российского ополчения Игорь Стрелков оказался тем человеком, кто принёс надежды на расширение «русского мира» с Крыма на Юго-Восток Украины. В начале 2014г. он участвовал в крымской компании России. В апреле того же года, вдохновлённый успехом крымской операции, с вооружённым отрядом вступил на территорию Донецкой области Украины. В небольшом городе *Славянске* он создал штаб самопровозглашённой «Донецкой народной республики» и на несколько месяцев стал её «министром обороны». Он стал одной из известных политических фигур российской политической сцены 2014 года. Однако вскоре отношения Кремля и Стрелкова испортились. Дело кончилось тем, что Стрелков был отстранён от должности и возвращён в Россию. По всеобщему мнению, он стал жертвой так называемого «либерального» клана администрации президента России, обретя в глазах многих жителей страны образ борца за «русский мир». Такой результат стал следствием навязанного из Москвы сценария политического развития Донбасса в августе 2014 г. Один из радиослушателей радио «Говорит Москва» даже

задал вопрос, не является ли смена военно-политического руководства Новороссии «новым русским *Хасавюртом*»? (Доренко 2014).

Нельзя сказать, что история Гиркина-Стрелкова уникальна в контексте постсоветских российских реалий. Взаимоотношения постсоветского Кремля и постсоветских «окопных героев» всегда были сложными в том плане, что Кремль видел в последних посягательство на собственную политическую и идеологическую монополию. Те люди, которые поначалу активно воюют за единство России и за так называемый «русский мир», позднее могут стать угрозой и обузой для Кремля. Трагическая судьба неукротимого *генерала Льва Рохлина* — героя первой чеченской войны, чьё загадочное убийство породило в российском обществе много вопросов — служит ярким примером данной коллизии.

Предварительные аналогии. Инструментальное использование режимом героев: пример Шаманова. Со временем Кремль научился разговаривать со своими героями. Весьма показателен в этом отношении пример генерала *Владимира Шаманова*. Во время активной фазы второй чеченской кампании Шаманов на уровне массового сознания успешно играл роль общероссийского «положительного героя». С экрана телевизора на россиян смотрел суровый непреклонный воин, победитель бригадных генералов *Ичкерии*, не знающий жалости к врагам. Данное обстоятельство не могло не тревожить Администрацию «раннего» Путина. Эту тревогу подпитывали периодически появлявшиеся слухи о том, что некие оппозиционные Путину олигархи сделали ставку на генерала как на возможного будущего Президента России (см., напр.: Абрамова 2001).

Для того, чтобы удалить Шаманова из первых рядов пост-ельцинского российского политического иконостаса, была разыграна блестящая пиаровская комбинация с набравшей тогда популярность исламско-ваххабитской темой. Дело в том, что после окончания второй чеченской кампании многие влиятельные люди начали уговаривать генерала Шаманова стать губернатором Ульяновской области, выборы которого были назначены на декабрь 2000 г. А некоторые центральные СМИ подогревали это желание генерала и всячески льстили Шаманову как человеку, якобы призванному Кремлём предотвратить «чеченизацию» Поволжья и, тем самым, спасти Россию. Наделяя Шаманова миссией спасителя Отечества, газетчики рассуждали следующим образом: «...Регион Поволжья рассматривается федеральным центром в качестве потенциально взрывоопасного — в противном случае зачем направ-

лять туда армейского генерала, сторонника жёсткой политической линии Москвы? ...Обстановка в Поволжье довольно серьёзная и, что важно, имеет тенденцию к ухудшению. Речь идёт о сторонниках радикального ислама, число которых растёт в геометрической прогрессии... По данным спецслужб, только в Ульяновской области около двух тысяч молодых людей прошли обучение в зарубежных исламских центрах, примерно столько же находятся на учёбе. Прогнозы силовиков неутешительны: Поволжье — регион, который даст о себе знать через 3–5 лет, когда число радикалов достигнет критической массы» (Ахмедханов 2000: 2). Однако ни через 3, ни через 5 лет, ни много позже регион не дал о себе знать в том смысле, в котором писала газета. Зато ровно через эти промежутки времени Ульяновская область стала чуть ли не столицей российского рейдерства: регион был отдан на кормление и разграбление губернаторской команде «варягов», которую привел с собой Шаманов, победивший на губернаторских выборах в декабре 2000 г. Вышеуказанный исламско-ваххабитский прогноз умными людьми тогда рассматривался лишь как громкое журналистское преувеличение. Сегодня эти преувеличения, перешедшие в провокации, поставлены на поток, но это тема отдельного разговора. Сейчас трудно сказать, насколько заявления газетчиков отражали официальную позицию российского государства. Думается, вариант с губернаторством был, скорее всего, попыткой Кремля под шумок удалить Шаманова из постеченской публичной политики, чтобы генерал-герой поглубже увяз в ульяновских проблемах и не мешал политическому взлёту Путина в 2000 г. В итоге, с 2000 по 2004 г. Владимир Шаманов просидел губернатором в Ульяновске — за 900 км от Москвы — под надзором тогдашнего полпреда президента в Приволжском федеральном округе С. Кириенко, где и растерял свой героический образ.

Всё это говорит о том, что Москва старалась держать своих героев на почтительном расстоянии, иногда в прямом смысле слова.

Закрепив данные факты, вернёмся к герою Донбасса и попробуем ответить на вопрос, почему Стрелков оказался недопустим как героическая фигура и в чём его проблематичность для Кремля?

1. Он был проблематичен как конкурент Путина на роль лидера «русского мира», и как потенциальный конкурент Путина на предстоящих президентских выборах 2018 г. Обоснованность опасения Кремля ростом популярности Стрелкова была подтверждена скандальным опросом на радио «Эхо Москвы». Голосование, проведённое радио-

станцией в интернете, показало, что россияне на предстоящих в 2018г. президентских выборах готовы избрать президентом Игоря Стрелкова. Результаты голосования оказались следующими: за Стрелкова — 27%; за Путина — 22% при 51% затруднившихся ответить. Телефонный опрос, проведённый этой же радиокомпанией, выявил следующую картину: за Стрелкова — 64%; за Путина — 36% (За кого 2014). Но это ещё не всё. Сайт интернет-издания «Elise Journal», вышедший с заголовком «Эпоха Путина завершилась» и говорящий о том, что «популярность среди русских людей «волка войны» Гиркина-Стрелкова впечатляющая» (Эпоха Путина 2014), оказался заблокированным в Интернете. Эти свидетельства должны были показать, что Гиркин-Стрелков — личность вполне сопоставимая с Владимиром Путиным и претендующая на роль лидера «русского мира». Заголовки типа «За Стрелкова, против Путина» (Глава РОВСа 2014) и вышеуказанный опрос, показавший, что у Стрелкова есть шансы победить Путина на российских президентских выборах, превратили донбасского героя в настоящую проблему для Кремля.

2. Столкновение харизм. Вызов путинской харизме со стороны харизмы Стрелкова. Необходимо отметить ряд обстоятельств индивидуально-личностного характера: Стрелков обладает всеми чертами харизматического лидера, и как таковой всегда простым и понятным языком может указать и цель, и врага, мешающего реализации этой цели. Харизматик способен увлекать без институтов власти: идеями, обаянием самоуверенности и авантюрной верой в себя. Он сам выступает как власть и центр всех институтов. Высокому уровню популярности Стрелкова способствует как его имидж борца с врагами «русского мира», так и образ человека, несправедливо обиженного Кремлём. В августе 2014 г. он был снят с должности министра обороны ДНР, после чего сделал запомнившиеся всем заявление о том, что президент страны находится в кольце предателей, а потеря *Новороссии* чревата потерей «Большой России». Новейший российский политический опыт настойчиво доказывает, что имидж человека, несправедливо обиженного властью в массовом сознании, даёт огромное преимущество любому политику. Он вернулся с Донбасса как гонимый властью, честный и неподкупный лидер, борец с предателями «русского мира», защитник интересов народа. Основой и костяком образа героя является соответствие архетипическому образу “народного заступника”. Для соответ-

ствия ему выдвигается образ внешнего врага, с которым герой ведёт непрестанную и небезопасную борьбу. Детали биографии Гиркина-Стрелкова этому вполне соответствуют. Стрелков — отставной полковник российской армии, классический «солдат удачи», воевавший в двух чеченских войнах, в отколовшемся от Молдавии Приднестровье и на стороне сербов в Боснии. При этом зло, с которым борется герой, преподносится как Зло с большой буквы. В данном случае это: а) Коллективный Запад; б) Олигархи, а Ходорковский как коллективный выразитель их ожиданий внутри России; в) Либеральный клан в окружении Путина¹. В такой атмосфере Стрелков грозил стать культово-знаковой фигурой, символом всего русско-патриотического для определённой части электората. Все перечисленные характеристики политического лидерства привели к тому, что Стрелков остался единственным «мятежником» среди политических субъектов путинской России. Герой Донбасса стал тем, кто грозил превратить *Славянск* в «мятежную цитадель» «русского мира», готовый умереть на её развалинах.

Здесь самое время отметить типологическую близость Стрелкова и Путина в контексте исполняемых ими ролей. Собственно говоря, оба политика выполняли одну и ту же роль: они выступали в качестве «защитников» и «спасителей» в атмосфере кризисного сознания и нагнетаемых в обществе страхов. Оба применили идею мобилизации единомышленников и населения под лозунгом «Отечество в опасности». Если вспомнить, то переломным моментом в карьере Владимира Путина было начало Второй чеченской войны. Когда он в 1999 г. объявил войну террору, его популярность резко пошла вверх. Мобилизация и консолидация российского общества были достигнуты после чудовищных и загадочных терактов — *взрывов домов в Москве, Буйнакске и Волгодонске*, а также военных действий в Дагестане по отражению нашествия отрядов *Басаева-Хаттаба*. Операция по «сплочению нации» обеспечила успех Путина на президентских выборах в марте 2000 г. В момент стресса миллионов сограждан Путин выступил как психотерапевт-спаситель со своей знаменитой борьбой против терроризма. Интересный факт. Бывший кремлевский советник Глеб Павловский говорил, что администрация президента «сознательно выстраивала» имидж малоизвестного тогда обществу Путина отчасти по образу

---

¹ Об этом было сказано в интервью И. Стрелкова немецкому журналу «Шпигель»: (Bidder 2015).

и подобию *Шойгу*. Поскольку «Путина тоже надо было сделать спасателем» (Master of emergencies 2015).

Ситуацию мало меняет то обстоятельство, что Путин боролся с «международным терроризмом», тогда как для Стрелкова внешним врагом выступают Запад, либералы в лице Ходорковского и предатели в окружении Путина; в обоих случаях принцип мобилизации один и тот же. В определённом смысле столь разные политики воздействовали на одни и те же структуры массового сознания. Таким образом, принцип общественного восприятия фигур Стрелкова и Путина оказался схожим в ситуации системного кризиса. Политика Стрелкова означала защиту рубежей «русского мира». Политика Путина, помимо интенсивной имперской терапии населения, преподносится как разрыв с курсом его предшественников—Горбачёва и Ельцина—тех, кто по мнению большинства россиян, выполнил работу за Дьявола. В таком контексте можно определённо утверждать, что Стрелков грозил перетянуть общественные симпатии на себя, оголив харизму Путина и поставив под угрозу кремлёвскую монополию на патриотизм. Что Стрелков покусился на роль Путина как «героя» и «защитника», без которых последний несостоятелен как политик. Думается, сам Кремль, весьма активно отслеживающий общественные настроения, понял это в первую очередь.

Есть и проблемы более мелкого порядка, которые доставлял российской партии власти экс-министр обороны ДНР. Стилистика, характер и общее содержание публичных выступлений Стрелкова были выдержаны в самостоятельном духе настолько, что неоднократно разрушали официальную кремлёвскую трактовку крымских и донбасских событий. Сергею Доренко на радио «Говорит Москва» он заявил, что в Крыму «все сделали «зеленые человечки», и местные жители были простыми наблюдателями. Это не соответствует точке зрения российской власти и ТВ, согласно которой народ Крыма сделал свой демократический выбор, а люди в камуфляже всего лишь обеспечивали безопасность волеизъявления (Доренко 2014). Затем Стрелков дал длинное интервью, посвящённое началу войны на Донбассе, в котором заявил: **«Но спусковой крючок войны всё-таки нажал я. Если бы наш отряд не перешёл границу, в итоге всё бы кончилось, как в Харькове, как в Одессе. Было бы несколько десятков убитых, обожженных, арестованных. И на этом бы кончилось. А практически маховик войны, которая до сих пор идёт, запустил наш отряд. Мы смешали все карты**

на столе. Все! ...И я несу личную ответственность за то, что там происходит. За то, что до сих пор Донецк обстреливается, — я несу ответственность. За то, что Славянск оставлен, конечно, я несу ответственность. И за то, что он не освобождён, я тоже несу ответственность» (Кто ты 2014). К числу неудобных высказываний Стрелкова можно отнести и сказанные в эфире телевизионного канала «LifeNews» слова о том, что с поста министра обороны ДНР он ушел 14 августа 2014 г. не по своей воле, что это было вызвано соображениями большой политики.

3. Стрелков проблематичен как личность, которая резко выбивается из «вертикали власти» и способна спутать все расписанные в нынешней России политические роли. В последнее время набирает тенденция давать клятвы в верности Путину со стороны его сподвижников и назначенцев. Формируется своего рода «вертикаль» верноподданнических деклараций. Приведём несколько примеров. Первый. «Мы полностью поддерживаем оценки событий и задачи, поставленные президентом. Мы его пехотинцы и готовы выполнить любой приказ! Сегодня мы ещё раз убедились, что у России есть великий лидер, который сумеет провести её через самые сложные проблемы» — такие заявления регулярно делает глава Чечни Рамзан Кадыров (Милашина 2014). Далее, «спецназом Путина» объявила себя партия «Родина» устами одного из лидеров и депутата Госдумы Алексея Журавлева на первом программном съезде 1 июня 2013 г. (Приходько 2013). Ещё одним примером подобного рода можно назвать письмо Рамазана Абдулатипова в адрес Путина, написанное им через три дня после своего назначения Президентом Дагестана (31 января 2013 г., №8) и накануне встречи с Путиным (1 февраля 2013 г.). Документ, исполненный в лакейской манере, начинается словами: «Благословение Всевышнего и Ваша воля определили вектор моей дальнейшей жизни...», а заканчивается так: «Смысл моей жизни и деятельности в дальнейшем — это оправдать Ваше доверие. Остаюсь фронтовиком Путина!». Напыщенная стилистика и чрезмерный пафос, характерные для Абдулатипова даже в обыденных ситуациях, просматриваются безоговорочно.¹ Характерно, что общим знаменателем для всех вышеприведённых примеров является то, что преданность к Верховному во всех этих письмах высказана в милитаристско-силовых терминах («спецназ», «пехотинец», «фронтовик»). Если идти далее вниз по

---

¹ Скан письма размещен в интернете: (Фронтовик Путина 2014).

верноподданнической «вертикали власти», то ситуация доходит до фарсовых проявлений. Так, в самом Дагестане нарастает организованное славословие в адрес Р. Абдулатипова. В газетах «Дагестанская правда» и «Свободная Республика» были опубликованы выдержки поэмы Машидат Гаирбековой «Мы ждали тебя, Рамазан» (Выдержки из поэмы 2014; «Мы ждали...» 2014; Магомедов 2015). Что же касается Стрелкова, то его поведение, особенно в донбасский период жизни, резко контрастирует с тенденцией по наращиванию упомянутого верноподданничества. Таким образом, Стрелков проблематичен потому, что его нельзя вписать в эту холуйскую “вертикаль” партии власти.

4. Наконец, и это самое главное, Стрелков особенно проблематичен как идеолог и как выразитель донбасской политической и социальной альтернативы. Стрелков как русский национальный тип противостоит Путину как держателю консервативно-охранительной программы сложившегося олигархического порядка в России. Проще говоря, Стрелков опасен тем, что начинает задавать неприличные с точки зрения Кремля, вопросы об огромных чиновничьих и олигархических состояниях. Его взгляды и взгляды его сторонников сложно вписать в удобную для российской партии власти систему. Игорь Стрелков является выразителем двух из трёх типов русского имперского национализма, стоящих за проектом Новороссии: «красной Новороссии» в лице неосоветских великодержавников и «белой Новороссии» в лице активистов за возрождение монархии и консервативных православных идеалов.¹ В обобщённом виде идея «Белой Новороссии» была выработана Стрелковым и его идеологическим окружением — так называемым «Русским общевоинским союзом» (РОВС) во главе с Игорем Ивановым. Последний сражался вместе со Стрелковым в Славянске, а потом

---

¹ Третий тип русского национализма представлен в лице «коричневой Новороссии». Он включает в себя представителей поддерживаемого российскими властями и спецслужбами носителей идей и практик русского неонацизма. Типичные представители: РНЕ (баркашовцы), ДПНИ, движение «Русские», БОРН (боевая организация русских националистов) и т.д. Если говорить о присутствии данного сегмента на донбасских фронтах, то из неонацистов состояла группа терских казаков «Волчья стая», которая захватывала Краматорск, а также диверсионно-штурмовой отряд «Русич», члены которого входили в бригаду «Бэтмена» и носили на своей форме свастики. Вышеуказанную классификацию приводит французская исследовательница Марлен Ларюэль, о чём пишут американские аналитики Джерард Тоул и Джон О’Лафлин (Toal, O’Loughlin 2015).

возглавил политуправление повстанческого отряда. Иванов неоднократно осуждал, как он выражался, «чекистско-олигархический режим» Владимира Путина. Иванов объявил Путина старым врагом русских патриотов и «национальной России» (которая возрождается на Донбассе). 19 июля 2014 г. Иванов высказывался следующим образом: «Путин и его режим для русских никогда «своими» не были. Они для русских — враги». Белоэмигрантская газета «Наша страна», в которой регулярно публикуется начальник политического управления Минобороны ДНР И.Б.Иванов, опубликовала крайне откровенный материал под заголовком «Глава РОВСа И.Б.Иванов: Со Стрелковым против Путина и киевских карателей, за новую Россию» (Казанцев 2014).

Что касается идеи «Красной Новороссии», то в обобщённом виде она была озвучена отнюдь не антипутинскими левыми идеологами, а прикормленными Кремлём активистами «Изборского клуба» в Донецке 30 октября 2014 г. Приведу лишь наиболее яркие высказывания представителей проекта «Красной Новороссии»: **Виталий Аверьянов, исполнительный секретарь Изборского клуба**: «Все постсоветское пространство погружено в кислотный раствор клановых отношений. Если здесь, на Донбассе, произойдет этот прорыв к народному государству, то большая Россия начнет отставать и объективно будет тянуть назад. Поэтому для того, чтобы проявить авангардную волю строить здесь Россию Новую, более справедливую»; **Мирослав Руденко, вице-спикер Верховного совета ДНР**: «Новая Россия — это не только государство здесь, но это и обновление большой России»; **Кирилл Черкашин, декан истфака ДонНУ**: «Очень большая проблема — будет у нас олигархическое государство или нет. Мы действительно построим новую Новороссию, или же это будет повторение какой-то клановой системы. В стратегическом отношении наибольшая проблема — как создать действительно справедливое государство и получится ли это сделать»; **Александр Проханов, главный редактор газеты «завтра»**: «Новороссия — это фермент. Это фермент, который брошен в большую русскую квашню. И русское тесто, которое уже начало всходить, получает эти вот донбасские дрожжи как замечательный стимул для нашей русской мечты» (Донбасс 2014).

Стрелков, соединяющий в себе эти две разновидности Новороссии: «Белой» (в терминах дореволюционного великодержавия) и «Красной» (в терминах социального равенства и справедливости), рассматривается и героизируется не просто как русский солдат, но как олицетворение

русского национального характера, с его особой народностью — как выразитель принципов социальной справедливости. Специфика Донбасса в том, что к власти пришли люди, зачастую, «из низов». Именно здесь был реализован лозунг «кто был ничем, тот стал всем». Сам Стрелков заявил, что в России должна быть власть заслуг, а не денег, родственных связей или какого-то авторитета, власть должна быть для народа, а не наоборот. Поэтому в самой России важно, по его мнению, развивать социальные лифты, которые отправят наверх действительно достойных и заслуженных людей (Игорь Стрелков признался 2015). Описываемая социальность Стрелкова близка как сторонникам «Белой Новороссии», так и сторонникам «Красной Новороссии». Не случайно волгоградские политологи, члены Клуба экспертов Волгограда даже предложили позвать на должность городского главы Игоря Стрелкова, потому что он знает, как нужно искоренить воровство и неэффективность (Попов 2014).

Сказанное свидетельствует о том, что в лице всех донбасских героев Кремлю не нужен Гиркин-Стрелков-условный «человек с ружьем»-отчаянный доброволец из окопов, который может угрожать погрязшей в обогащении и пренебрежении к людям пропутинской партии власти.

Было очевидно, что с этих позиций он и его сторонники политически опасны для Кремля. Хорошо знающий Стрелкова писатель Эдуард Лимонов сказал в интервью французскому изданию «L'OBSE»: «Он был офицером ФСБ, но не подчинялся приказам. Чудо, что он до сих пор жив» (Limonov 2015).

Некоторые наблюдатели предполагали, что лидеров ополчения удалось бы интегрировать в систему российской политики через привычные институты — парламентские кресла, политические партии и общественные движения (Иванов 2015). Однако несмотря на то, что существует явный запрос на новые лица в российской политике, режим боится ярких и самостоятельных фигур. Яркие персонажи опасны тем, что могут нарушить спокойствие и стать инициаторами опасных перемен внутри России.

Инструментальное использование режимом героя. Два направления интеграции Стрелкова в текущий политический режим:

1. Роль Стрелкова как прокремлёвского пропагандиста под контролем (управляемая полемика против Ходорковского и «либерального реванша»).

2. Рутинизация харизмы и политическое забвение.

Осенью 2014 г. отозванный из Донбасса и оказавшийся не у дел Стрелков был мобилизован Кремлём против Ходорковского. Это было связано с тем, что 1 октября опальный олигарх и давний оппонент Путина выступил в штаб-квартире международной правозащитной организации Freedom House в Вашингтоне с программной речью из 22 пунктов о будущем обустройстве России. Эти пункты легли в основу опубликованного позже «манифеста» Ходорковского. В своих тезисах экс-олигарх критикует президента Путина и построенное им государство, особо подчеркивая, что «путинское десятилетие оказалось вычеркнутым из жизни России временем» и настаивая на том, что только возвращение к европейским ценностям, также как к социальной справедливости может помочь России выбраться из исторического капкана (Ходорковский 2014). В этой ситуации именно Стрелков был выбран Кремлём в качестве наиболее подходящей фигуры (как русский народный типаж) для того, чтобы возглавить патриотический отпор «манифесту» Ходорковского. Ещё до того, как началась история с «манифестом» Ходорковского, Стрелков отметил, что с ним «можно договориться»: предоставить ему определенные границы для действий, в рамках которых он приносил бы пользу России «уместным способом». *«Меня удовлетворит любое мое участие в защите страны любым способом»*, — заявил он (Игорь Стрелков признался 2015). Результатом стал ответный «манифест» Стрелкова под названием «Путинское десятилетие вернуло России надежду на возрождение».

Мы не будем анализировать в деталях дискуссию по линии Стрелков-Ходорковский. Для нас важно уловить поворотный момент властного перерождения окопного героя. Обращает на себя внимание то, что ответный «манифест» Стрелкова отражает по сути кремлёвский взгляд на ключевые проблемы, поднятые в «манифесте» Ходорковского, такие как: 1. европейские ценности; 2. социальная справедливость; 3. формула российского будущего. Что касается первой темы — европейских ценностей, то Стрелков провозгласил тезис о том, что именно президент Путин возрождает сегодня настоящие традиционные европейские ценности. По поводу второй темы — социальной справедливости — Стрелков заявил, что «в социальном неравенстве виноваты 1990-е годы и что именно Путин начал восстанавливать социальную справедливость». Здесь автор прочно становится на официальную кремлёвскую позицию, говоря о том, что «возвращение в наше общество социальной справедливости будет долгим и непростым процессом»,

поскольку «несправедливость, ставшая в 90-е годы законом, пустила глубокие корни». Одним словом, Стрелков озвучил затасканную мысль современной официальной телепропаганды о «лихих 90-х», которые виноваты в сегодняшних трудностях. И, наконец, третий сюжет — условная формула российского будущего — позволяет Стрелкову, наконец, расшифровать свой монархизм. Абстрактную русскую формулу «За Веру, Царя и Отечество» он переводит во «вполне конкретную верность Русской Православной Церкви, Российскому Государству и Верховному Главнокомандующему В.В. Путину» (Стрелков 2014). Таким образом, «русская партия» в лице Стрелкова, которая обвиняла Путина в нерешительности и критиковала его с позиций имперского максимализма, начала позиционировать себя как полностью лояльная Путину.

«Манифест» Стрелкова означал начало новой политической ипостаси его автора: вынужденный отход от радикального имперского романтизма и переход к патриотическому самовосхвалению и рутинной поддержке Кремля. Теперь рядом с ним нет имперцев-романтиков — его друзей-белогвардейцев. Сам он также вынужден был измениться. Ему разрешили проводить встречи с поклонниками и патриотами по всей стране в рамках созданного им общественного движения «Новороссия», через которое организовал сбор средств для гуманитарной помощи Донбассу. Перед аудиторией уже не аскетичный романтик с обветренным лицом и в потёртом френче, а политический делец, успешно конвертировавший державный репутационный актив в публичность.

Примерно в аналогичном ключе можно рассматривать ещё один патриотический проект конца января 2016 г., лидером которого Кремль назначил Стрелкова. Это новое антилиберальное и контрреволюционное движение под названием «Комитет 25 января». Помимо Стрелкова учредителями движения стали такие известные публичные фигуры, как писатель Э. Лимонов, футуролог М. Калашников, публицисты Е. Просвирнин и К. Крылов. На первом собрании «Комитета», которое прошло в офисе движения «Новороссия», была заявлена цель организации — патриотический перехват власти в случае либерального майдана и краха нынешнего режима (Разуваев 2016; Заявление комитета 2016). Думается, Стрелков, как и в вышеуказанном манифесте против Ходорковского, оказался мобилизован для решения ограниченной задачи — наращивания привычной антилиберальной риторики. Таким образом, самолюбие Стрелкова Кремль тешит разовыми миссиями по «спасению Отечества».

После того, как стало очевидно, что русская геополитическая революция под названием «Новороссия» (план по отделению от Украины восьми областей и создания из них пророссийского пояса от Одессы до Харькова) провалилась, Кремль выбрал политику нажима и удаления самых пассионарных бойцов и героев Донбасса с военно-политической сцены. Так, видные активисты Новороссии — бывший «народный губернатор Донецкой области» Павел Губарев и бывший глава ЛНР Валерий Болотов не сумели закрепиться во властных структурах республик и сошли с исторической сцены. Наконец, в начале сентября 2015г. в ДНР со своего поста был снят спикер Верховного Совета, один из идеологов «независимого Донбасса» Андрей Пургин, на место которого был назначен неидейный, но исполнительный Денис Пушилин. Один из наиболее радикальных сторонников «русского мира» Э. Лимонов оценил этот шаг как государственный переворот (Артемьев, Рустамова 2015). Некоторых «социальных харизматиков» Донбасса оказалось вообще выгоднее уничтожить, чем иметь с ними хлопоты. Типичный пример — убийство командира батальона «Призрак» Алексея Мозгового по кличке «Батька», который был одним из самых харизматичных полевых командиров на территории Луганской народной республики. По мнению единомышленников Мозгового, город Алчевск, где базировался «Призрак», был настоящим бастионом народовластия. Бывший спикер парламента Новороссии Олег Царев сказал, что «у Мозгового были свои взгляды, он считал нужным строить социалистическую Новороссию без олигархов» (Барабанов, Соколовская 2015).

Как результат, донбасская система начала отстраиваться по российской модели. Во главе Донецкого и Луганского правительств были назначены, соответственно, Александр Захарченко и Игорь Плотницкий — расчётливые и практичные исполнители. Новый председатель Народного совета Донецкой республики «прагматик» Денис Пушилин (сменивший на этом посту «революционера» А. Пургина) 25 сентября 2015 г. заявил о грядущей интеграции ЛНР и ДНР с Россией (Анцифорова 2015). Уже с 1 сентября 2015 г. было объявлено о переходе экономики ЛНР на российские рубли (Деменьева 2015). Последовательный перевод Донбасса на российскую инфраструктуру, валюту, снабжение, управление приводит мятежный регион к стадии самоуспокоения и стабилизации, что означает консервацию достигнутых результатов. С перспективой превращения **донецкого и луганского районов** в тёмную зону «замороженного конфликта».

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Стрелков был опасен для Кремля не как удачливый военачальник и герой Славянска. Он был опасен в качестве идеолога — тем, что владеет системным дискурсом и рассматривает российские проблемы с классовых позиций. Стрелков и социально близкие ему лидеры Донбасса (например, спикер парламента ДНР Андрей Пургин; зам. министра обороны ДНР Фёдор Березин; командир батальона «Призрак» Алексей Мозговой, бывший «народный губернатор» Донецкой области Павел Губарев; бывший глава ЛНР Валерий Болотов) могли формировать опасные и нежелательные для Кремля политические ожидания и энергии. Напомню ещё раз: присоединение Крыма и война в Донбассе преобразили Россию. Народ в лице «путинского большинства» зарядился мощной эмоциональной энергией. «Большинство» оказалось во власти экстрима, его понесла атмосфера чуда, выгоды и риска. Стрелков оказался тем солистом, который попытался мимо Путина предложить этой возбуждённой аудитории более сильный призыв — социально-имперский, на который масса была готова откликнуться. Как писал политолог Владимир Пастухов, это атмосфера подготовки «к приходу нового героя из тех «презревших грошовый уют», кто готов идти под пули за идею, а не за победу на тендере» (Пастухов 2016).

Идеологическое творчество никогда не было сильной стороной Путина, который ориентируется больше на безыдейных и деловых людей, в результате чего в различных слоях общества распространилась философия денег, пассивности и цинизма. Стрелков оказался опасен для Кремля тем, что в противовес безыдейным и прагматичным путинистам сумел выдвинуть идеологически мотивированные национально-государственные смыслы.

По этой причине он был отозван с передовой «русского мира» и отправлен в русский идеологический андеграунд, откуда он, как было показано, время от времени призывается на задуманные Кремлём идеологические спецоперации, типа «ответ Ходорковскому» или «Комитет 25 января». Поэтому по-настоящему опасным для Москвы была риторика о том, что на Донбассе творится новый мир, создается «новая Россия» — справедливое народное государство «для всех». Другой идеолог «русского мира» — один из организаторов движения за независимость Донбасса Андрей Пургин — охарактеризовал Донецкую республику как «русскую Спарту», которая несёт ответственность

за условную «Большую Россию». В аналогичном духе — о том, что «у нас в Новороссии начнётся, продолжится в России», об установлении «прогресса для всех, а не только для избранных», — звучало заявление бывшего зам. министра обороны ДНР Фёдора Березина (Каныгин 2014).

Полевые харизматики олицетворяли авангардную волю по строительству новой более справедливой России и по этой причине представляли собой угрозу режиму. В отличие от тех категорий людей, которые делали «русскую весну» ради карьеры, денег и мести, Стрелков мечтал о том, что подъём флага под названием «Новороссия» станет историей о равенстве, социальной справедливости и в целом о «большой русской имперской мечте». Игорь Стрелков, Андрей Пургин и Фёдор Березин до последнего говорили о том, что «наша революция была антиолигархической», похожей на «Испанию 1936 года» и с этих позиций «социально опасной для определённых кругов» (Харькова 2015; Игорь Стрелков 2015). Именно поэтому Стрелков и социально близкие ему лидеры были чужими в общероссийской атмосфере кланового капитализма, клептократии и патриотизма «сверху». Путинский авторитаризм направлен на ликвидацию рисков для власти, а нынешний российский политический режим является предельно контрреволюционным и охранительным по своей сути. С той же яростью, с какой российская власть при малейшем подозрении уничтожает на Северном Кавказе носителей «исламской альтернативы», она нейтрализует и носителей «донецкой альтернативы». Кремлю не нужны романтики, посягающие на олигархические основы режима, а нужны лояльные и покладистые исполнители, чутко реагирующие на команды из Москвы. В этой ситуации итог мог быть только один — нейтрализация идеи «народного государства» через удаление донецких «романтиков» и «идеологов» с последующим включением донецкого и луганского районов в логику путинского государства. Систему государственных институтов в ДНР Стрелков и Пургин охарактеризовали как гибрид позднего КПСС, украинской «партии регионов» времён Януковича и олигархической власти. Наиболее очевидные признаки этого: на территории ДНР и ЛНР сведены к минимуму всякие гражданские инициативы; после завершения военной фазы донецкой операции сепаратистские республики оказались в атмосфере междоусобных конфликтов и передела сфер влияния между новыми хозяевами региона. Во властные структуры, например, ЛНР были заново набраны прежние (довоен-

ные) украинские чиновничьи кадры. Они оказались для российских кураторов социально более близкими, нежели герои «русского мира» и идеологи «народного государства». Подобно тому, как Крым стал ухудшенным вариантом Краснодарского края, ДНР и ЛНР представляют собой ухудшенную копию российского и украинского (времен Януковича) режимов. Нет смысла подробно останавливаться на природе власти, которая сформирована в Донецком и Луганском районах сегодня. Более подробно об этом было рассказано в обстоятельном расследовании обозревателя «Новой газеты» Юлии Полухиной (Полухина 2015).

Донбасский казус лишний раз подтвердил истину о том, что революции начинают и делают идеалисты и романтики, а плодами пользуются проходимцы и приспособленцы. Никто из социальных пассионариев Донбасса не был в конечном итоге востребован в новых образованиях Юго-Востока Украины. Идея «народной Новороссии» канула в небытие как сказочный древнерусский *град Китеж*. Вместе с ней в политическое и информационное небытие ушли её герои.

Литература и источники

Абрамова Е. Замена Путина, или Шаманов — следующий Президент // Сайт «SMI.ru». 8 марта 2001 г. URL: www.smi.ru. (дата обращения: 24.11.2013).

Анцифорова Н. Пушилин призвал республики Донбасса готовиться к интеграции с Россией. URL: http://planet-today.ru/novosti/politika/item/30710-pushilin-prizval-respublika-donbassa-gotovitsya-k-integratsii-s-rossiej?utm_campaign=redtram&utm_source=pronedra.ru (дата обращения: 06.12.2015).

Артемьев А., Рустамова Ф. Оттеснение «идейных»: что случилось со спикером ДНР // РБК. 2015. 6 сентября. URL: <http://top.rbc.ru/politics/06/09/2015/55ec5a339a79471cf90c38c5> (дата обращения: 10.09.2015).

Ахмедханов Б. Шаманов сказал: «Есть», потому что этому региону прочат судьбу Чечни // Общая газета. 2000. 24 августа. С. 2.

Барабанов И., Соколовская Я. На гибель Алексея Мозгового пытаются навести «Тень» // Коммерсантъ. №89 от 25.05.2015. С. 6. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2733496> (дата обращения: 17.09.2015).

Выдержки из поэмы Машидат Гаирбековой «Мы ждали тебя, Рамазан» // Свободная Республика. 2014. 14 октября. URL: <http://www.respublic.net/2014/10/14/%D0%B2%D1%8B%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B6%D0%BA%D0%B8%D0%B8%D0%B7-%D0%BF%D0%BE%D1%8D%D0%BC%D1%8B-%D0%BC%D0%B0%D1%88%D0%B8%D0%B4%D0%B0%D1%82-%D0%B3%D0%B0%D0%B8%D1%80%D0%B1%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%BE/> (дата обращения: 14.10.2014).

Глава РОВСа И.Б. Иванов: Со Стрелковым, против Путина и киевских карателей, за новую Россию // URL: nashastrana.net/wp-content/uploads/NS-2994-M.pdf; www.pravda-tv.ru/2014/11/03/96623. (дата обращения: 18.10.2014).

Дементьева К. Российский рубль стал основной валютой в ЛНР // Сайт «Rusbase». 1.09.2015. <http://www.rb.ru/article/rossiyskiy-rubl-stal-jsnovnoy-valyutoy-v-lnr/7525377.html> (дата обращения: 10.12.2015).

Донбасс: у истоков империи. Заседание Изборского клуба в Донецке 30 октября 2014 года // Изборский клуб. Русские стратегии. 2014. № 11–12 (23–24). С. 8–29. URL: http://izbryansk.ru/pdf/11_Blok14.pdf (дата обращения: 25.11.2014).

Доренко С. Интервью с И. Стрелковым // Сайт «Говорит Москва». 6.07.2014. URL: <https://govoritmoskva.ru/interviews/265/>. (дата обращения: 07.08.2014).

За кого вы бы проголосовали на выборах президента в 2018 году? // «Эхо Москвы». 3.08.2014. URL: www.echo.msk.ru/polls/1372586-echo/results.html (дата обращения: 22.11.2014).

Заявление комитета «25 января» «Об оценке текущей ситуации» // Движение Новороссия Игоря Стрелкова /novorossia.pro/25 yanvary/1668-zayavlenie-komiteta-25-yanvary.html (дата обращения: 10.03.2016).

Иванов М. Игоря Стрелкова могут призвать на выборы // Коммерсантъ. 2015. 1 июня. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2738809/> 2015/01/06/ (дата обращения: 27.06.2015).

Игорь Стрелков признался в том, что не чист «аки голубь» // Сайт «Nation news». 26.06.2015. URL: <http://nation-news.ru/2015-06-26/117323-igor-strelkov-priznalsya-v-tom-chto-ne-chist-aki-golub>. (дата обращения: 30.06.2015).

Игорь Стрелков. Сирия: уже за красной чертой. Беседа руководителя движения «Новороссия» Игоря Стрелкова и Максима Калашникова // Сайт «Движение «Новороссия» Игоря Стрелкова». 01.10.2015. URL: <http://novorossia.pro/box/1192-igor-strelkov-siriya.html> (дата обращения: 24.12.2015).

Казанцев Н. Глава РОВСа И.Б. Иванов: Со Стрелковым против Путина и киевских карателей, за новую Россию // Наша страна. Буэнос-Айрес, 2014. 9 августа. URL: <http://nashastrana.net/wp-content/uploads/NS-2994-M.pdf> (дата обращения: 29.05.2015).

Каныгин П. Зам. министра обороны ДНР Фёдор Березин: «У нас в Новороссии начнётся, продолжится в России». Интервью спецкора «Новой» с кадровым офицером, писателем-фантастом, желающим создать на Донбассе «военный интернационал» и «Испанию 1936 года» // Новая газета. 2014. № 91 от 18 августа. URL: www.novayagazeta.ru/politics/64868.html (дата обращения: 25.08.2014).

«Кто ты, Стрелок»? А. Проханов и И. Стрелков. Беседуют главный редактор газеты «Завтра» и бывший министр обороны ДНР // Завтра. 20.11.2014. URL: zavtra.ru/content/view/kto-tyi-strelok/ (дата обращения: 24.11.2014).

Магомедов А. Мы ждали тебя, Рамазан... // Дагестанская правда. 2015. 23 мая. URL: dagpravda.ru/rubriki/obshchestvo/27447261/ (дата обращения: 29.05.2015).

Милашина Е. Пехотинцы Путина. В ночь на 19 декабря в Чечне снесли очередной дом// Новая газета. 2014. 21 декабря. Вып. № 144/<http://www.novayagazeta.ru/society/66642.html>; Кадыров собрал для Путина многотысячный чеченский добровольческий «спецотряд»// Взгляд. 2014. 28 декабря. URL: <http://vz.ru/news/2014/12/28/722618.html> (дата обращения: 29.12.2014).

Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998.

«Мы ждали тебя, Рамазан...» // Форум «Sharvili.com». 30.05.2014. URL: sharvili.com/forum/thread/43668/quot-мы-ждали-тебя-рамазан-quot/ (дата обращения: 13.10.2014).

Пастухов В. Криминальная матрица. Россию поразили синдром культурного иммунодефицита, что делает невозможным любые демократические преобразования// Новая газета. 2016. 09.01. URL: <http://novayagazeta.ru/comments/71380.html> (дата обращения: 12.01.2016).

Полухина Ю. Всё пошло по клану. Главный результат войны в Луганской области: старые элиты сохранили власть в полном объёме// Новая газета. 2015. 3 октября. URL: <http://www.novayagazeta.ru/inquests/70194.html> (дата обращения: 5 Октября 2015).

Попов А. Лидера «Новороссии» Стрелкова прочтут в сити-менеджеры Волгограда// Волгоград — Times. Городской портал. 2014. 7 июля. URL: volgograd-times.ru/stories/3891. (дата обращения: 30.07.2014).

Приходько В. У Путина появился спецназ с игрушечным автоматом // Московский комсомолец. №26245. 3.06.2013. URL: <http://www.mk.ru/politics/russia/article/2013/06/02/863233-u-putina-poyavilsya-spetsnaz-s-igrushechnym-avtomatom.html> (дата обращения: 11.06.2013).

Разуваев В. Игорь Стрелков открывает антилиберальный фронт. Национал-патриоты объявили о создании общественного движения// Независимая газета. 2016. 27 января. URL: http://www.ng.ru/politics/2016-01-27/1_strelkov.html (дата обращения: 30.01.2016).

Стрелков И. Путинское десятилетие вернуло России надежду на возрождение // Блог И.Стрелкова. 17.10.2014. URL: <http://www.igorstrelkov.ru/blog/31-putinskoe-desyatiletie-vernulo-rossii-nadezhdu-na-vozhrozhdenie.html/> (дата обращения: 30.11.2014).

Фронтоник Путина. Скан письма // Серый журнал. URL: <http://kopomko.ru/tamada-krasheniye-usyi/frontovika-putina-skan-peysma/> (дата обращения: 13.10.2014).

Харькова М. Донбасс — острый копьё: Беседа с Андреем Пургиным // Завтра. 2015. 10 декабря. URL: <http://www.zavtra.ru/content/view/sistemnaya-oshibka-privela-k-otryvu-vlasti-ot-naroda/> (дата обращения: 24.12.2015).

Ходорковский М. Путинское десятилетие оказалось вычеркнутым из жизни России временем: Речь Михаила Ходорковского в штаб-квартире Freedom House в Вашингтоне // Сайт «Ходорковский». 2.10.2014. URL: <http://khodorkovsky.ru/mbh/statements/freedomhouse/>. (дата обращения: 30.11.2014).

Эпоха Путина завершилась, Даже русские либералы предпочитают Путину Гиркина-Стрелкова как президента России // Сайт «Elise Journal». URL: <https://elise.com.ua/2014/08/07/e-poha-putina-zavershilas-dazhe-russki/> (дата обращения: 08.08.2014).

Bidder, Benjamin. Moskauer Freischarler Strelkov: «Ich traue von Russland in den Grenzen von 1939» // Der Spiegel. 2015. 19 March/<http://www.spiegel.de/politik/ausland/igor-strelkov-ich-traeume-von-russland-in-den-grenzen-von-1939-a-1024146.html> (available: 21.03.2015).

Limonov: Poutine utilise mes idées // L'OBS. 2015. 29 August. URL: <http://nouvelobs.com/idees/20150827.OBS4864/edouard-limonov-poutine-utilise-mes-idees.html> (available: 30.09.2015).

Master of emergencies // The Economist. November 7, 2015. URL: <http://www.economist.com/news/europe/21677992-trusty-defence-minister-only-person-serve-every-government-fall> (available: 10.11.2015).

Toal, O'Loughlin J. What people in southeast Ukraine really think of Novorossiya // The Washington Post. May 25, 2015). URL: https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2015/05/25/what-people-in-southeast-ukraine-really-think-of-novorossiya/?utm_term=.712904bff3a0 (available: 28.05.2015).

CHALLENGING THE POWER

UNNECESSARY PEOPLE OF “THE RUSSIAN WORLD”: IGOR STRELKOV AND HEROES OF DONBASS IN CONTEXT OF PUTIN’S AUTHORITARIANISM

A. Magomedov

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2016.3.3>

Abstract. *The article presents an analysis the political rise and fall of Igor Strelkov/ Girkin — one of famous heroes of military conflict at the South-East Ukraine (Donbass). The main objective of this study is relationships between Putin’s regime and pro-Russian “dogs of war” at Donbass in the person of Igor Strelkov. The paper also devoted to an analysis how Donbass’s warlord Strelkov became an ultra-conservative challenge to Kremlin. He is defined as social-oriented “imperialist” in essence and implementation. The author argued that in terms of political activity Kremlin is fear of Strelkov as an unpredictable and radical person. Strelkov was retired from Donbass war at August, 2014 by Kremlin because got looks for ideological and political alternative to Putin’s oligarch capitalism and corrupted kleptocracy. Strelkov has strongly critisized following (since his dismiss from Donbass) war in Ukraine as well as Russia’s Syrian military operation as an “alien war”. Since he was mibilized by Russian authorities as an ideological pro-Putin’s activist against Khodorkovsky. The article concludes with a summary Strelkov is spent force as a military activist since fall of flag of “Novorossiya”.*

Keywords: *the war in Donbass, “Russian world”, Strelkov’s challenge to Kremlin, Rise and fall of pro-Russian heroes of Donbass, Putin’s regime, Heroes of “Russian world” as a spent force.*

References

Abramov E. Zamena Putina, ili Shamanov — sleduyushiy Prezident [Replacing Putin, or Shamanov — the next President], the website “SMI.ru”. 2001, March 8. URL: www.smi.ru (available: 24.11.2013). (In Russian).

Akhmedkhanov B. Shamanov skazal: “Yes!” , potomu chto etomu regionu prochat sud’bu Chechni [Shamanov said: “Yes sir!”, because this region is predicted the fate of Chechnya] //Obshaya gazeta. 2000. 24 avgusta. S.2. (In Russian).

Antsifrova N. Pushilin prizval respubliki Donbassa gotovitsya k integratsii s Rossiyei [Pusilin urged the republics of Donbass to prepare for integration with Russia]. URL: http://planet-today.ru/novosti/politika/item/30710-pushilin-prizval-respublika-donbassa-gotovitsya-k-integratsii-s-rossiej?utm_campaign=redtram&utm_source=pronedra.ru (available: 06.12.2015). (In Russian).

Artemiev A., Rustamova F. Ottesnenie "ideinykh": chto slyichilos' so spikerom DNR [Rejection of "ideological": what happened to the speaker of the People's Democratic Republic] // RBK2015. 6 сентября. URL: <http://top.rbc.ru/politics/06/09/2015/55ec5a339a79471cf90c38c5> (available: 10.09.2015). (In Russian).

Barabanov I., Sokolovskaya Ya. Na gibel' Alexeya pytayutsya navesti "Ten" [On the death of Alexei Mozgovoy trying to bring "Shadow"] // Kommersant#. No89 ot 25.05.2015. S.6. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2733496> (available: 17.09.2015). (In Russian).

Bidder, Benjamin. Moskauer Freischarler Strelkov: "Ich traue mich von Russland in den Grenzen von 1939" // Der Spiegel. 2015. 19 March. URL: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/igor-strelkov-ich-traue-mich-von-russland-in-den-grenzen-von-1939-a-1024146.html> (available: 21 March 2015).

Dementieva K. Rossiiskii rubl' stal osnovnoi valiutoi v LNR // Сайт «Rusbase». [The Russian ruble became the main currency in the LNR] 1.09.2015. URL: <http://www.rb.ru/article/rossiyskiy-rubl-stal-jsnovnoy-valyutoy-v-lnr/7525377.html> (available: 10.12.2015). (In Russian).

Donbass: u istokov imperii. Zasedanie Izborskogo kluba v Donetske 30 oktyabrya 2014 goda [Donbass: the origins of the empire. Meeting of the Izborsk club in Donetsk on October 30, 2014] // Izborskij klub. Russkie strategii [Izborskiy club. Russian strategies]. 2014. № 11–12 (23–24). С. 8–29. URL: http://izbryansk.ru/pdf/11_Blok14.pdf (available: 25.11.2014). (In Russian).

Dorenko S. Interviyu s I. Strelkovym [Interview with I. Strelkov] // Sait "Govorit Moskva". 6.07.2014. URL: <https://govoritmoskva.ru/interviews/265/>. (available: 07.08.2014). (In Russian).

Epokha Putina zavershilas. Dazhe russkie liberaly predpochitayut Putinu Girkina-Strelkova kak prezidenta Rossii [Putin's era is over, Even Russian liberals prefer Girkin-Strelkov to Putin as the president of Russia] // Sait «Elise Journal». URL: <https://elise.com.ua/2014/08/07/e-poha-putina-zavershilas-dazhe-russki/> (available: 08.08.2014). (In Russian).

Frontovik Putina. Skan pis'ma [Putin's front-line man. Scan Mail] // Seryi zhurnal. URL: <http://kopomko.ru/tamada-krashenyie-usyi/frontovika-putina-skan-peysma/> (available: 13.10.2014). (In Russian).

Glava ROVSa I. B. Ivanov: "So Strelkovym, protiv Putina i kievskikh karatelei, za novuiyu Rossiyu [Head of the ROVS I.B. Ivanov: With Strelkov, against Putin and the Kiev punishers, for a new Russia] // URL: nashastrana.net/wp-content/uploads/NS-2994-M.pdf; www.pravda-tv.ru/2014/11/03/96623 (available: 18.10.2014). (In Russian).

Igor Strelkov priznalsya v tom, chto ne chist "aki golub" [Igor Strelkov admitted that he was not pure "as pigeon"] // Sait «Nation news». 26.06.2015. URL: <http://nation-news.ru/2015-06-26/117323-igor-strelkov-priznalsya-v-tom-chto-ne-chist-aki-golub/> (available: 30.06.2015). (In Russian).

Igor Strelkov. Syria:uzhe za krasnoi chertoi. Beseda rukovoditelya dvizheniya «Novorossiya» Igorya Strelkova i Maxima Kalashnikova [Igor Strelkov. Syria: already behind the red line. The conversation between the leader of the movement “Novorossia” Igor Strelkov and Maxim Kalashnikov] // Sait «Dvizhenie «Novorossija» Igorja Strelkova» [“Movement” Novorossia “by Igor Strelkov”]. 1.10.2015. URL: <http://novorossia.pro/box/1192-igor-strelkov-siriya.html> (available: 24.12.2015). (In Russian).

Ivanov M. Igorya Strelkova mogut prizvat na vybory [Igor Strelkov can be called to the elections] // Kommersant#. 2015. 1 June. <http://www.kommersant.ru/doc/2738809/2015/01/06/> (available: 27.06.2015). (In Russian).

Kanygin P. Zam. ministra oborony DNR Fedor Berezin: “U nas v Novorosii nachnetsya, prodolzhitsya v Rossii”. Inteviyu spetskora “Novoi” s kadrovym ofitserom, pisatelem-fantastom, zhelayushim sozdat na Donbasse “voennyyi internatsional” i “Ispaniyu 1936 goda” [Deputy. Defense Minister of the Dniester Fedir Berezin: “We will begin in Novorossia, will continue in Russia.” Interview with the special correspondent of “Novaya” with a career officer, a science fiction writer who wants to create in the Donbass a “military international” and “Spain in 1936 ”] // Novaya Gazeta. 2014. № 91 ot 18 Avgusta. URL: www.novayagazeta.ru/politics/64868.html (available: 25.08.2014). (In Russian).

Kazantsev N. Glava ROVSa I.B. Ivanov: So Strelkovym protiv Putina i kiyevskih karateley, za novuyu Rossiyu [The head of the ROVs I. Ivanov: Against Putin and the Kiev punitive, for a new Russia with Strelkov], *Nasha Strana*, Buenos Aires, 2014, August 9, pp. 1–2. URL: <http://nashastrana.net/wp-content/uploads/NS-2994-M.pdf> (available: 29.05.2015). (In Russian).

Kharkova M. Donbass — ostrie kopiya: Beseda s Andreem Purginym [Donbass — the point of the spear: A conversation with Andrei Purgin] // Zavtra. 2015. 10 Dekabrya/ URL: <http://www.zavtra.ru/content/view/sistemnaya-oshibka-privela-k-otryvu-vlasti-ot-naroda/> (available: 24.12.2015). (In Russian).

Khodorkovskii M. Putinskoe desyatiletie okazalos vycherknutym iz zhizni Rossii vremenem: Rech Mikhaila Khodorkovskogo v shtab-kvartire Freedom House v Washington [Putin's decade was struck from the life of Russia by the time: Mikhail Khodorkovsky's speech at the Freedom House headquarters in Washington] // Sait “Khodorkovskii”. 02.10.2014. URL: <http://khodorkovsky.ru/mbh/statements/freedomhouse/> (available: 30.11.2014). (In Russian).

“Kto ty, Strelok”? A. Prokhanov i I. Strelkov. Beseduyut glavnyi redaktor gazety “Zavtra” i byvshii ministr oborony DNR [“Who are you, Shooter”? A. Prokhanov and I. Strelkov. The editor-in-chief of the newspaper Zavtra and the former Minister of Defense of the People's Republic of Germany] // Zavtra. 20.11.2014. URL: zavtra.ru/content/view/kto-tyi-strelok/ (available: 24.11.2014). (In Russian).

Limonov: Poutine utilise mes idées // L'OBS. 2015. 29 August. URL: <http://nouvelobs.com/idees/20150827.OBS4864/edouard-limonov-poutine-utilise-mes-idees.html> (available: 30.09.2015).

Magomedov A. My zhdali tebya, Ramazan... [We waited for you, Ramazan ...] // Dagestanskaya pravda. 2015. 23 Maya. URL: dagpravda.ru/rubriki/obshchestvo/27447261/ (available: 29.05.2015). (In Russian).

Master of emergencies // The Economist. November 7, 2015. URL: <http://www.economist.com/news/europe/21677992-trusty-defence-minister-only-person-serve-every-government-fall> (available: 10.11.2015).

Milashina E. Pekhotinzy Putina. V noch na 19 dekabrya v Chechne snesli ocherednoi dom [Infantrymen of Putin. On the night of December 19, another house was demolished in Chechnya] // Novaya gazeta. 2014.21 dekabrya. Vyp. № 144/ <http://www.novayagazeta.ru/society/66642.html>; Kadyrov sobral dlya Putina mnogotysyachnyi chechenskii dobrovolcheskii "spetsotryad" // Vzglyad. 2014. 28 dekabrya. URL: <http://vz.ru/news/2014/12/28/722618.html> (available: 29.12.2014). (In Russian).

Moskovichi S. Vek tolpy. Istoricheskii traktat po psikhologii mass. [Century of the Crowds. Historical treatise on the psychology of the masses] M.: Tsentr psikhologii i psikhoterapii, 1998. (In Russian).

"My zhdali tebya, Ramazan..." ["We waited for you, Ramazan ..."] // Forum «Sharvili.com». 30.05.2014. URL: sharvili.com/forum/thread/43668/quot-мы-ждали-тебя-рамазан-quot/ (available: 13.10.2014). (In Russian).

Pastukhov V. Kriminal'naya matritsa. Rossiya porazil sindrom kul'turnogo immunodefitsita, chto delaet nevozmozhnym liubye demokraticheskiye preobrazovaniya [Criminal matrix. Russia was struck by the syndrome of cultural immunodeficiency, which makes it impossible for any democratic transformation] // Novaya gazeta. 2016. 09.01. URL: <http://novayagazeta.ru/comments/71380.html> (available: 12.01.2016). (In Russian).

Polukhina Yu. Vse poshlo po klanu. Glavnyi rezultat voyny v Luganskoi oblasti: starye elity sokhranili sokhranili vlast v polnom obeme [Everything went according to the clan. The main result of the war in the Lugansk region: the old elites retained power in full] // Novaya gazeta. 2015. 3 Oktyabrya. / URL: <http://www.novayagazeta.ru/inquests/70194.html> (available: 05.10.2015). (In Russian).

Popov A. Lidera "Novorossii" Strelkova prochat v siti-menedgery Volgograda [Leader of "Novorossia" Strelkov is sent to city-managers of Volgograd] // Volgograd — Times. Gorodskoi portal. 2014. 7 Iulya. URL: volgograd-times.ru/stories/3891 (available: 30.06.2014). (In Russian).

Prikhodko V. U Putina poyavilsya spetsnaz s igrushechnym avtomatom [Putin got special forces with a toy automaton] // Mosovskii komsomolets. №26245. 3.06.2013. URL: <http://www.mk.ru/politics/russia/article/2013/06/02/863233-putina-poyavilsya-spetsnaz-s-igrushechnym-avtomatom.html> (available: 11.06.2013). (In Russian).

Razuvaev V. Igor Strelkov otkryvaet antiliberalnyi front. Natsional-patrioty ob'yavili o sozdanii obshestvennogo dvizheniya [Igor Strelkov opens the anti-liberal front. National-patriots announced the creation of a social movement] // Nezavi-

simaya gazeta. 2016. 27 yanvarya. URL: http://www.ng.ru/politics/2016-01-27/1_strelkov.html (available: 30.01.2016). (In Russian).

Strelkov I. Putinskoe desyatiletie vernulo Rossii nadezhdu na vrozozhdenie [Putin's decade restored Russia's hope for a revival] // Blog I. Strelkova. 17.10.2014. URL: <http://www.igorstrelkov.ru/blog/31-putinskoe-desyatiletie-vernulo-rossii-nadezhdu-na-vozrozhdenie.html/> (available: 30 Ноября 2014). (In Russian).

Toal, O'Loughlin J. What people in southeast Ukraine really think of Novorossiya // The Washington Post. May 25, 2015). URL: https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2015/05/25/what-people-in-southeast-ukraine-really-think-of-novorossiya/?utm_term=.712904bff3a0 (available: 28.05.2015).

Vyderzhki iz poemy Mashidat Gairbekovoi "My zhdali tebya, Ramazan" [Excerpts from the poem Mashadat Gairbekova "We waited for you, Ramazan"] // Svobodnaya Respublika. 2014.14 oktyabrya. URL: <http://www.respublic.net/2014/10/14/%D0%B2%D1%8B%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B6%D0%BA%D0%B8-%D0%B8%D0%B7-%D0%BF%D0%BE%D1%8D%D0%BC%D1%8B-%D0%BC%D0%B0%D1%88%D0%B8%D0%B4%D0%B0%D1%82-%D0%B3%D0%B0%D0%B8%D1%80%D0%B1%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%BE/> (available: 14.10.2014). (In Russian).

Za kogo vy by progolosovali na vyborah prezidenta v 2018 godu? [Who would you vote for in the presidential election in 2018?] // « «Jeho Moskvу». 3.08.2014. URL: www.echo.msk.ru/polls/1372586-echo/results.html (available: 22.11.2014). (In Russian).

Zayavlenie komiteta "25 yanvarya" "Ob otsenke tekushei situatsii" [Statement of the committee "January 25" "On the assessment of the current situation"] // Dvizhenie Novorossiya Igorya Strelkova. URL: novorossia.pro/25-yanvarya/1668-zayavlenie-komiteta-25-yanvarya.html (available: 10.03.2016). (In Russian).

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АКТИВИЗМ: НОВЫЕ ФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ

В.Б. Гольбрайх

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2016.3.4>

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу новых форм политического участия. В связи с возрастающей ролью Интернета в политической и общественной жизни внимание исследователей все в большей мере обращается к онлайн — формам политического участия. Социальные медиа становятся способом политического участия для граждан, ранее не вовлеченных в политическую деятельность. В то же время, говоря о политическом участии в Интернете, необходимо отметить явление, которое обозначается как «слактивизм». Это участие, отличающееся такими чертами как низкий риск и низкие затраты, заменяет традиционное политическое участие. В рамках исследования были проанализированы новые формы политического участия (создание онлайн петиций, групп в социальных сетях). Анализ выявил, что несмотря на то, что новые формы постепенно становятся все более распространенными формами политического участия, в большой степени эти практики на данный момент можно определить как слактивизм.

Ключевые слова: политическое онлайн участие; экологический активизм, слактивизм

В последнее десятилетие в связи с постоянно увеличивающейся ролью Интернета, появлением в нем социальных сетей, мы видим возрастающее значение новых форм политического участия. Практически каждый день мы можем увидеть, как на различных порталах появляется несколько онлайн петиций, касающихся разных проблем: политических, социальных, экономических, экологических. Кроме того, в социальных сетях в связи с различными конфликтами создаются группы, которые используются для информирования и мобилизации граждан. Настоящее исследование посвящено анализу экологического активизма в Интернете как новой практики политического участия.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

По мнению ряда авторов, на сегодняшний день исследователи не пришли к общепризнанному определению понятия «политическое

участие» (Холмская 1999: 171). В нашей работе мы опираемся на определение «политического участия», данное П. Норрис, как «любой деятельности, рассчитанной либо на то, чтобы прямо повлиять на органы власти и политический процесс, либо косвенно повлиять на гражданское общество, либо попытаться изменить модели социального поведения» (Norris 13: 16). Кроме того, за последние 50 лет постоянно расширяется репертуар действий, которые относят к «политическому участию». Так если в этот репертуар в 1959 г. исследователи относили 5 форм деятельности, то в 2001 г. уже более 50-ти (van Deth 2001). При этом различается конвенциональное политическое участие (участие в политических собраниях и кампаниях, голосование, работа в политических организациях, обращение к представителям власти) и неконвенциональное (несанкционированные демонстрации и забастовки, акции гражданского неповиновения, бойкот продуктов) (Савельев 2013).

Новую дискуссию в связи с тем, какие действия можно отнести к «политическому участию», вызвала возрастающая роль Интернета и в особенности социальных медиа в политической и общественной жизни. Так, например, Ф.Хирзалла и Л. Зоонен отмечали такую новую форму политического участия, как подписание онлайн петиций и участие в онлайн дискуссиях (Hirzalla, van Zoonen 2011: 488). Исследователи относят подписание онлайн петиций к относительно новым формам политического участия и в то же время одной из самых популярных (Berg 2017a: 14; Jungherr, Jürgens 2010: 134). Появление социальных медиа также не могло не повлиять на формы политического участия. «Политическое участие» в социальных медиа некоторые авторы определили как «онлайн-экспрессивную» форму участия. Эта форма участия заключается в «публичном выражении политических взглядов» (Puig-i-Abril, Rojas 2007: 29). В то же время, если говорить о действиях пользователей социальных медиа, исследователи, анализирувавшие посты на стене одной из наиболее известных социальных сетей Фейсбук, пришли к выводу, что его пользователи вовлечены не просто в дискуссию, они участвуют в убеждении других и призывают их к действиям (Gibson, Cantijoch 2013: 704). В связи с «политическим участием» в социальных сетях Я. Теочарис вводит понятие «цифровое сетевое участие». Он определяет его как «основанные на сетевых медиа действия, осуществляемые гражданами с целью активизировать социальные сети для повышения осведомленности о социальных или политических

проблемах, или оказать социальное и политическое давление для их решения» (Theocharis 2015: 2). К этим действиям автор относит: вступление в группы в социальных сетях, созданные в связи с социальными или политическими проблемами; написание постов по социальным или политическим проблемам; репосты материалов в социальных медиа, посвященные социальным и политическим проблемам; размещение ссылок в социальных медиа на такие материалы.

Некоторые авторы говорят о четырех наиболее часто используемых типах Интернет-активизма: 1) распространение информации онлайн; 2) е-мобилизация (мобилизация в офлайн протестных акциях); 3) онлайн участие (использование технологий для таких онлайн форм участия как онлайн петиции); 4) организация е-движений (использование онлайн технологий для организации онлайн общественного движения) (Earl 2015: 39).

Несмотря на растущую популярность социальных медиа среди граждан, они были с «подозрением» встречены рядом авторов, исследовавших политическое участие. С их точки зрения еще предстоит выяснить, в какой степени социальные медиа поощряют политическое участие, так, как оно традиционно понималось (Theocharis, Van Deth 2016: 3). Притом, что благодаря Интернету появляются новые возможности для политического участия, Интернет может снизить эффективность участия. Исследователи, говоря о политическом участии в Интернете, отмечают явление, которое они обозначают как «слактивизм» (slactivism). Это понятие («ленивый активизм») уже давно используют для описания протестной деятельности в Интернете. Это участие отличается такими чертами как низкий риск и низкие затраты. Некоторые полагают, что участие в «цифровом» активизме отрывает таких пользователей от участия в традиционных формах политического участия (Vie et al. 2016: 181).

Достаточно часто исследователи, определяя онлайн активизм как слактивизм, говорят об его неэффективности (Earl et al. 2015: 356). Некоторые авторы классифицируют именно онлайн петиции как «бессмысленный слактивизм» (Berg 2017в). Обоснование этого взгляда заключается в том, что все политическое участие сводится, по сути, к клику мыши (Berg 2017а: 14).

Кроме того, в случае России можно говорить и о других проблемах в использовании онлайн петиций. Исследования показывают, что в авторитарных режимах, к которым можно отнести и Россию, «электрон-

ное участие чаще всего являются «потемкинскими деревнями» и их внедрение почти никогда не влечет за собой каких-либо политических или институциональных изменений» (Кабанов 2016: 38). Благодаря электронному участию, государство «получает возможность собирать информацию о настроениях в обществе и регулировать повестку дня» (Кабанов 2016: 38). С этой точки зрения использование подобных институтов властью помогает повысить устойчивость режима.

В то же время, если говорить о социальных медиа, то десятки исследований показали, что они являются важным политическим инструментом для значительного числа людей, кроме того, социальные медиа стали «способом политического выражения и участия для граждан ранее не вовлеченных в политическую деятельность» (Theocharis 2015: 2). А. Соколов отмечает, что политическое онлайн участие позволяет привлечь сторонников, формировать общественное мнение, а также мобилизовать пользователей Интернета (Соколов 2013: 115). Исследователи выявили, что социальные медиа позволяют участникам распространять информацию по той или иной теме, организовывать публичные дискуссии в группах, основанных на общем интересе, связывать людей не знакомых друг с другом лично, но разделяющих общий политический интерес (Congroy et al. 2012: 1538). Они отмечают, что группы, позволяющие связываться их членам напрямую друг с другом, обладают «серьезным потенциалом», содействующим политической коммуникации. Кроме того, в некоторых работах была найдена серьезная позитивная связь между поиском информации в социальных сетях и последующим политическим участием (Wolfesfeld et al. 2016: 2097).

В последнее время отечественные исследователи все более обращаются к роли не только традиционных массмедиа (Цепилова 2002), но и новых (Докука 2014; Ксенофонтова 2013; Соколов 2013) в мобилизации граждан в ходе протестных событий.

МЕТОД И ДАННЫЕ

В настоящее время в России существует несколько крупных площадок онлайн петиций. В ходе исследования предполагалось проанализировать практику использования одной из крупнейших площадок для обращений в связи с экологическими проблемами, а именно «Change.org».

Так как в последние годы создание онлайн петиций является одной из наиболее популярных новых форм активизма, то степень присутствия петиций, созданных в связи с экологическими проблемами, может помочь понять, в какой степени экологические проблемы присутствуют в общественной повестке. В рамках исследования, предполагалось выявить, использовались ли в ходе конфликтов, в связи с которыми были созданы петиции, другие формы политического участия для достижения своих целей в решении обозначенных проблем, либо вся деятельность сводилась, лишь к созданию онлайн петиций. Деятельность людей, обеспокоенных проблемами, которая ограничивалась созданием онлайн петиций, мы определяем как слактивизм. Для поиска сведений об использовании других форм политического участия были изучены как тексты самих петиций, так и другие порталы (сайты СМИ, организаций, социальные сети).

Кроме того, на примере четырех случаев (конфликты вокруг свалки в поселке Первомайское, заповедника Утриш, Сиверского леса и парка Дубки) было решено проанализировать группы, созданные в социальной сети «В Контакте» в связи с проблемами, поднятыми в петициях. Предполагалось выявить степень политического участия в этих группах, а также насколько эти группы использовались для мобилизации потенциальных сторонников. Для выяснения в какой мере социальные медиа являются источником информации об онлайн петициях, был проведен опрос пользователей социальной сети «В Контакте», поместивших на своих страницах ссылку на одну из 4-х петиций. Необходимо отметить, что данная работа является продолжением исследования, первые результаты которого были опубликованы ранее (Гольбрайх 2016).

РЕЗУЛЬТАТЫ

На июнь 2015 года на портале Change.org было размещено 3122 петиций. Среди них было выявлено 402 петиции, посвященных экологическим проблемам, что составило 13%.

Наш анализ показал, что большинство петиций было посвящено зоозащитным проблемам (44%). Из других проблем выделяются: вырубка зеленых насаждений в городах (13%), строительство или деятельность опасных предприятий (11%) и вырубка лесов и вырубка или застройка заповедников и заказников (по 7%) (Гольбрайх 2016: 342).

В качестве примера опасных предприятий можно назвать: планы строительства на Рыбинском водохранилище комбината по производству сульфатной беленой целлюлозы; строительство «Костромского центра обращения с отходами»; строительство хранилища ядерных отходов в пригороде Ростова-на-Дону; деятельность Забайкальского Горно-Обогатительного Комбината.

Если говорить о петициях, созданных в связи с вырубкой зеленых насаждений в городах, то наш анализ показал, что среди них явно выделяются петиции, посвященные вырубкам зеленых насаждений в Москве и Санкт-Петербурге.

В отношении акторов — создателей петиций, анализ показал, что большинство из них являлись частными лицами. Лишь 13% петиций были созданы представителями организаций. Среди них присутствовали как группы, созданные специально в связи с появлением той или иной проблемы (например, инициативная группа Тропарёво-Никулино; «Общество защитников Рощи»; «Инициативная группа жителей Академического района»), так и организациями, уже существовавшими ранее (например, Экологическое сообщество «Пермская зелёная коалиция»; Экологический Союз Ижевска).

Создателям экологических онлайн петиций крайне редко удавалось достичь успеха. Лишь организаторы 4% петиций смогли добиться решения поставленных проблем. При этом исследование не показало, что уровень поддержки петиции является существенным фактором, повлиявшим на решение проблемы. Так, например, даже петиции, набравшие более 100 тысяч голосов, не смогли повлиять на решения властей.

В ходе нашего исследования предполагалось выяснить, насколько в отношении конфликтов, которым были посвящены петиции, использовались другие формы политического участия, как традиционные (митинги, участие в общественных слушаниях и др.), так и новые (создание групп в социальных медиа, сайтов, тем на форумах). Для поиска информации о любых других формах политического участия использовались ресурсы Интернета (табл. 1).

Исследование показало, что из 402 анализируемых конфликтов, лишь в 51% использовались традиционные формы политического участия. Нами были выделены конфликты, в которых использовались наиболее заметные формы политического участия, а именно митинги, пикеты, сходы. Как показал анализ, они использовались лишь в 22% конфликтов. В большинстве же случаев использовались такие формы

Таблица 1

**Распределение конфликтов в зависимости
от использования различных форм политического участия
(% от числа конфликтов)**

Конфликты, в связи с которыми были созданы петиции	Традиционное участие		Онлайн участие	Только онлайн петиции	N
	Все формы	Митинги, пикеты, сходы			
Конфликты в целом	51	22	22	46	402
Защита животных	33	7	10	62	178
Вырубка зеленых насаждений в городах	69	39	41	24	54
Строительство или деятель- ность опасных для окружа- ющей среды предприятий	78	57	54	17	45
Вырубка лесов	63	27	23	37	30
Вырубка и застройка заповед- ников и заказников	88	39	39	14	28
Загрязнение водоемов, воды	39	6	13	50	18
Проблемы мусора	22	11	-	78	9
Проблема свалок	83	17	33	17	6
Загрязнение воздуха	-	-	25	75	4
Другие проблемы	40	17	7	50	30

участия как обращения. Можно предположить, что доля таких случаев была несколько выше. Возможно, не обо всех действиях активистов сообщалось. В то же время, мы полагаем важным то, использовали ли активисты СМИ и Интернет для распространения информации о проблеме для привлечения потенциальных сторонников.

Новые формы политического участия использовались только в 22% анализируемых конфликтов. Из новых форм политического участия в первую очередь можно говорить о создании групп в социальной сети «В Контакте» (в 21% конфликтов). Гораздо реже использовались ресурсы таких социальных сетей как Фейсбук (8%), Одноклассники (5%), Твиттер и Ютьюб (по 1%). Довольно редко протестующие создавали сайты или темы на форумах (в 4% конфликтных ситуаций).

Если говорить о группах, привлечших наибольшее количество участников, то среди них можно назвать группы, посвященные следу-

ющим конфликтам: добыча никеля в Новохопёрском районе Воронежской области (62011 участников); строительство Томинского ГОКа (27118); вырубка придорожных аллей в Калининградской области (15335); строительство ЦБК на берегу Рыбинского водохранилища (13569). При этом надо отметить, что сочетание традиционных и новых форм политического участия использовались в 19% конфликтов.

Наше исследование показало, что почти в половине случаев, а именно в 46% конфликтов борющиеся за разрешение проблемы ограничивались только созданием онлайн петиций. Именно эти случаи, по нашему мнению, можно отнести к слактивизму.

В ходе анализа было выявлено серьезное различие в использовании различных форм политического участия по отношению к различным проблемам, в связи с которыми возникли конфликты (см. табл. 1). Мы видим, что существует большая разница, в какой степени в ходе различных конфликтов его участники используют помимо онлайн петиций другие формы политического участия. Выделяются с одной стороны конфликты, возникающие в связи со строительством или деятельностью опасных предприятий, с вырубкой зеленых насаждений в городах и застройкой заповедников и заказников, а с другой конфликты в связи с защитой животных, а также в связи с проблемами мусора и загрязнением воды и водоемов. В первом случае активисты в гораздо большей мере использовали как традиционные формы, так и новые формы политического участия. Во втором случае активисты чаще ограничивались созданием онлайн петиций. Также представляется важным, использовали ли протестующие такую форму протеста, как митинги, пикеты, сходы, так как, являясь наиболее «видимой» формой политического участия, они могут в большей мере привлечь внимание, как СМИ, так и потенциальных сторонников. Анализ показал, что чаще использовали подобную форму участия, борющиеся против опасных предприятий, вырубки зеленых насаждений и вырубки заповедников и заказников. Мы видим, что зоозащитные проблемы поднимаются в онлайн петициях чаще, чем другие, но в то же время в большинстве случаев созданием петиций вся борьба и ограничивается. Как было сказано выше, возможно активисты в этих случаях этим не ограничиваются и посылают, например, традиционные жалобы. Но они не используют ресурсы СМИ и Интернета для того, чтобы эти их действия стали «видимыми» для окружающих. Исходя из этого, можно говорить, что в наибольшей степени, то, что исследователи, определяют как слак-

тивизм, мы можем применить к деятельности зоозащитников. Возможно, это объясняется тем, что создание подобных петиций является скорее эмоциональной реакцией граждан, а не их готовностью тратить свои ресурсы на решение взволновавшей их проблемы.

Одной из форм политического участия можно считать распространение информации о петиции в социальных сетях Интернета с целью привлечь внимание к проблеме, в связи с которой она была создана. В ходе нашего исследования было решено обратиться к четырем случаям экологического конфликта, в ходе которого его участники не только создали онлайн петиции, но и использовали другие формы политического онлайн участия. В рамках исследования нами отобраны четыре конфликта, в связи с которыми были созданы петиции на портале Change.org: свалка у поселка Первомайское в Выборгском районе Ленинградской области¹; застройка заповедник Утриш²; застройки в Сиверском лесу³ и парка Дубки⁴. Три из них можно назвать локальным, хотя и разных масштабов (свалка в Ленинградской области; парк «Дубки» в Москве и Сиверский лес), а один общенациональным (заповедник «Утриш»).

В ходе анализа в апреле 2016 г. был проведен опрос пользователей социальной сети «В Контакте», поместивших информацию об одной из четырех петиций на своей странице. Нами было опрошено 533 человека. Нас интересовало, в какой степени источниками информации об онлайн петициях являлись социальные сети Интернета. Анализ показал следующее (табл. 2).

Опрос показал, что основным источником информации об экологических онлайн петициях, которые подписывали респонденты, являлись социальные сети («В Контакте», Фейсбук и другие). С учетом того, что пользователями социальных сетей являются более 80% пользователей российского сегмента Интернета (Онлайн-практики россиян 2016), можно предположить, что роль социальных сетей была существенна

---

¹ Не дайте организовать огромную СВАЛКУ вблизи жилых домов в Выборгском р-не Лен. области!

² Сохраним Утриш! Призыв ученых к фонду «Дар», арендатору участков реликтового леса

³ Губернатор Ленинградской области, сохраните Сиверский лес, защитите интересы граждан!

⁴ Не дадим уничтожить парк Дубки

Таблица 2

**Распределение ответов респондентов на вопрос об источниках информации о подписанных ими экологических онлайн петициях
(доля выбравших тот или иной вариант ответа от числа респондентов в %)**

Источник информации	Пользователи, поместившие ссылку на петицию				
	Всего	Против свалки в карьере (Первомайское, Огоньки)	Спасем Утриш	Защитим Сиверский лес	Спасём Дубки!!!
Социальные сети Интернета	83	78	86	86	85
Родственники, друзья	35	47	39	33	28
Участники экологических/зоозащитных групп	33	24	38	49	31
Сайты экологических / зоозащитных организаций	23	15	45	38	17
СМИ	16	16	14	22	15
Соседи, жители двора, микрорайона	15	16	4	4	20
Другие источники информации	23	19	20	32	23
Затруднились ответить	1	1	1	1	-
N	533	131	80	69	253

для абсолютного большинства тех, кто подписывал онлайн петиции. В то же время около трети респондентов узнают об онлайн петициях непосредственно от участников экологических или зоозащитных групп. Притом, мы видим, что для тех респондентов, кто поместил ссылки на петиции, посвященные заповеднику Утриш и Сиверскому лесу, доля узнававших об экологических онлайн петициях от участников экологических или зоозащитных групп, была выше (38 и 49% соответственно). Доля респондентов, для которых источником информации были как участники экологических /зоозащитных групп, так и экологические сайты, составила 14%.

Исследование показало, что в большей мере оба этих источника были важны для тех, кто давал ссылку на петиции в связи с конфликтом вокруг заповедника Утриш или Сиверским лесом (по 23% опрошенных в каждой из этих групп). С учетом этого, можно предположить, что они в большей мере были связаны с экологическим движением или по крайней мере в большей мере интересуются экологическими проблемами.

Пользователи социальной сети могли не только поместить ссылку на петицию на свои страницы, но и попытаться мобилизовать своих «друзей», объяснив, почему надо подписать петицию. Например, поместив ссылку на петицию, они писали: *«прошу подписать всех не равнодушных!!!!»* или *«Друзья! Кому не всё равно, подпишите, пожалуйста, эту петицию! Чтобы жить нам не в помойке, а на природе!»*. Анализ выявил 21% подобных пользователей среди опрошенных. Неоднократно помещали сообщения о конфликте, которому была посвящена соответствующая петиция, около 30% опрошенных.

В связи с каждым из анализируемых конфликтов в социальной сети «В Контакте» были созданы группы. Поэтому кроме активности на своих страницах в связи с онлайн петицией (помещение ссылки на нее, дополнительная мобилизация своих «друзей», помещение информации о конфликте) пользователи социальной сети имели возможность вступить в группу, посвященную конфликту и быть активным участником в ней. В соответствующих группах состояло лишь меньшинство опрошенных, а именно 14%. Активными в группах, т.е. писавшими посты или комментарии в группах, были только 7% респондентов.

В связи с четырьмя конфликтами, анализируемыми в нашей работе, были созданы группы в социальных сетях («В Контакте», в Фейсбуке и Твиттере). Помимо этого, были созданы сайты или тема на форумах, посвященные проблемам, в связи с которыми возникали конфликты (табл. 3).

Исследование показало, что экологические активисты наряду с традиционными формами политического участия (пикеты, участие в общественных слушаниях, блокирование стройки и т.д.) активно использовали, новые возможности, которые дает им Интернет. В наибольшей степени онлайн ресурсы использовались активистами движения «Спасем Утриш» и инициативной группы «Спасем парк Дубки!». Они создавали группы не только «В Контакте», но в других социальных сетях (Фейсбук, Твиттер). Кроме того, так как борьба за заповедник «Утриш»

Таблица 3

Политическое участие онлайн

Конфликт				
	Свалка в Выборгском районе Ленинградской области	Заповедник «Утриш»	Сиверский лес	Парк «Дубки»
Создание групп в социальных сетях	Против свалки в карьере (Первомайское, Огоньки) (ВК*)	«Спасем Утриш» (ВК); «Помогите спасти заказник «Утриш» (ВК) «Помогите спасти природу уникального заповедника Утриш» (ВК) «Save Utrish» (ФБ)	«Защитим Сиверский лес» (ВК)	Спасём Дубки!!! (против стр-ва ЖК Тимирязев-парк) (ВК); «Спасем Дубки» (ВК); Спасем парк Дубки! (против строительства на Ивановской ЖК Тимирязев парк) (ФБ); «За Дубки» (ТВ)
Создание сайтов или тем на форумах	Тема на форуме «Наша Кивеннапа» — «Подпишите петицию против свалки в нашем районе!»	Сайт «Спасем Утриш»	Сайт «Защитим Сиверский лес!»	Сайт «Спасем Парк Дубки!»

*ВК — группа «В Контакте»; ФБ — группа в Фейсбуке; ТВ — группа в Твиттере.

приняла всероссийский характер, то сторонники этого движения во многих городах создавали собственные группы «В Контакте» для распространения информации, координации и мобилизации, борющихся за заповедник¹.

¹ Были созданы более 30 региональных групп «Волгоград за Утриш», «Ростов за Утриш» и др.

Наш анализ показал, что наибольшие возможности для онлайн участия дает социальная сеть «В Контакте». Кроме регулярного создания постов, информирующих читателя о текущих событиях, модераторы групп могут создавать темы для обсуждения проблемы, включая сбор предложений и советов для дальнейших действий, обзор освещения СМИ конфликта и др. темы. Также группа позволяет помещать видео и фото, акций протестов, сюжеты репортажей телевидения, а также различные документы (обращения, ответы органов власти и т.п.).

Помимо координации и мобилизации участников движения эта социальная сеть дает возможность создателям групп создавать социальные сети, налаживая контакты с «родственными» экологическими группами, занимающиеся схожими проблемами. Так, например, благодаря ссылкам в группе «Спасем Утриш» участники могли почерпнуть полезную информацию и в свою очередь поделиться опытом с такими группами как «Солнечный патруль требует: Хватит пилить Машук!» или «Возродим наш лес» (группа участников Движения в Краснодарском крае).

В ходе исследования было решено проанализировать онлайн участие в 4-х группах социальной сети «В Контакте». Оно может заключаться в присоединении к группе, а также в участии в дискуссии в группе (помещение постов, комментариев) и в репосте сообщений, помещенных в группу. Кроме того, нас интересовало в какой степени пространство групп использовалось для мобилизации заинтересованных читателей (табл. 4).

Как и можно было предполагать, наибольшее количество участников состояло в группе «Спасем Утриш», как группе, посвященной общенациональной проблеме, а наименьшее в группе «Против свалки в Первомайском». Практически во всех группах информация обновлялась регулярно, практически ежедневно. Чаше, чем в других группах новости появлялись в группе, посвященной парку Дубки. Это можно объяснить тем, что наибольший период существования группы приходился на активную фазу протеста. В то же время в таких группах как «Спасем Утриш» или «Защитим Сиверский лес» периоды активных протестных действий сменялись периодами, в которые не происходило никаких значимых событий, чем можно объяснить более редкое появление новостей в группе. Если мы посмотрим на первый год существования этих групп, то увидим, что обновление новостей в них было несколько чаще. Так на первый год существования группы «Спасем

Таблица 4

Политическое участие в социальной сети «В Контакте»

Участие в группах	Группы			
	Против свалки в карьере (Первомайское, Огоньки)	Спасем Утриш	Защитим Сиверский лес	Спасём Дубки!!! (против стр-ва ЖК Тимирязевпарк)
Время основания группы	3 апреля 2016	13 января 2008	18 апреля 2011	8 марта 2016
Количество участников	520	8511	1906	1264
Количество постов *	84	3982	1421	855
Частота постов (в среднем в день)	1	1	1	4
Число комментариев на пост	3	1	1	2
Число репостов на пост	4	3	3	2

*Количество участников и постов на октябрь 2016 года

Утриш» приходилось в среднем по 3 поста в день, а группы «Защитим Сиверский лес» по 2 поста.

В то же время, несмотря на большое число участников групп, анализ показал их незначительное участие, которое заключалось в участии в дискуссиях (написании постов или комментариев) и распространении информации (репостов сообщений группы). При этом надо отметить, что в отношении группы «Спасем Утриш» мы можем проанализировать участие ее членов только с конца сентября 2010 года, так как возможность писать комментарии и делать репосты появилась «В Контакте» только с 20 сентября 2010 года. Хотя, мы видим, что состоящие в группе «Против свалки в карьере» принимали политическое онлайн участие в большей степени, чем участники других групп, дополнительный анализ показал, что только около 10% членов группы участвовали в дискуссиях, комментируя сообщения. И большинство из них, а именно 61%, ограничивалось 1–2 комментариями. Также мы проанализировали участие в группе «Спасем Дубки!» за период активизации протеста, а именно за три летних месяца 2016. Анализ показал, что в этот период только

2 % участников группы участвовали в дискуссии в группе и лишь 3% распространяли информацию (репостили посты, помещенные в группе).

Одно из серьезных преимуществ социальных медиа, то, что они предоставляют возможность мобилизации своих сторонников без особых затрат. Был проведен анализ постов, размещенных в четырех группах. К мобилизационным были отнесены посты, авторы которых призывают читателей к каким-либо действиям (от распространения информации до участия в протестной акции) (табл. 5).

Таблица 5

Доля мобилизационных постов по группам

Группы	Против свалки в карьере (Первомайское, Огоньки)	Спасем Утриш	Защитим Сиверский лес	Спасём Дубки!!! (против стр-ва ЖК Тимирязевпарк)
Мобилизационные посты в группе (%)	22	22	27	38
N	84	3982	1421	855

Мы видим, что активисты во многом использовали ресурсы социальной сети для мобилизации. В особенности это касается группы «Спасём Дубки!!!», в которой около 40% постов можно отнести к мобилизационным. Как говорилось выше, существование группы пришлось на «острую» фазу протеста, что может объяснить большую долю мобилизационных постов по сравнению с другими группами.

Мобилизация в группах касалась таких вопросов как участие во встречах с представителями власти¹, участие в дежурствах², распространение информации, сбор средств³, сбор подписей, участие в митингах (рис. 1).

¹ «Приедет первый заместитель председателя комитета по жилищной политике и ЖКХ! Давайте расскажем, что происходит на самом деле!!! Приходите все! Отпроситесь с работы! Это очень важно! Отстоим свои права!»

² «Друзья, вчера не пустили технику, нужно продолжить и сегодня! Приходите на дежурства, сейчас нас должно быть ещё больше!», «!!! Экопост ждет добровольцев. Пишите»

³ «Сейчас очень нужна помощь, на все про все нужно около 17 тысяч, наверное, не так много. если разделить на всех».

Рис. 1. Плакат, призывающий приходить на митинг

Кроме того, мобилизация участников протеста проходила не только в виде постов, помещенных на «стене» группы, но созданных тем в разделе «Обсуждения», таких как «!! акции эко-солидарности 26–28.08 За Хим. лес, Утриш, природу России! Включайтесь!»; «Срочно нужна помощь! Задержаны А.Рудوماха и С. Газарян»; «Телефоны. Куда обращаться если пилят, корчуют и что делать»; «Помоги Дубкам обращением! Письма в организации!!!» и другие.

В то же время мобилизация участников групп касалась не только конфликтов, которым были посвящены группы, но и других проблем. Это могло касаться как проблем, затрагивающих участников экологических протестов (например, уголовные дела, возбужденные в отношении Е. Витишко или М. Алехиной), так и других схожих конфликтов (например, продажа под застройку земель, принадлежащих Тимирязевской академии). Наибольшая доля таких постов была в группе, посвященной заповеднику Утриш (около 40% от всех мобилизационных постов), наименьшая в группе, созданной в связи с конфликтом вокруг парка «Дубки» (7%).

ВЫВОДЫ

Наше исследование показало, что в современном российском обществе все большую роль начинают играть новые формы политического участия, а именно онлайн участие. В первую очередь это касается такого явления как онлайн петиции.

Исследование выявило, что заметную долю на портале Change.org составляют петиции, посвященные экологическим проблемам. Наш анализ выявил четыре основные экологические проблемы, в связи с которыми граждане России создавали петиции. В первую очередь это зоозащитные проблемы, почти половина петиций посвящена им. Кроме того заметны петиции, посвященные вырубке зеленых зон в городах и деятельности или строительству опасных предприятий. Можно полагать, что это в какой-то мере отражает в целом картину экологических конфликтов в стране.

В то же время почти в половине случаев активность граждан ограничивается созданием онлайн петиций. Именно эти случаи, когда создание онлайн петиций не является дополнением к другим формам политического участия как традиционных (митинги, участие в общественных слушаниях и др.), так и новых (создание сайтов, групп в социальных сетях) можно обозначить как слактивизм. При этом в наибольшей степени к ним относятся наиболее часто встречающиеся петиции, посвященные зоозащитным проблемам. Напротив, в случае конфликтов вокруг опасных предприятий или вырубки зеленых насаждений онлайн петиции являются дополнительным способом информирования и мобилизации наряду с другими формами, например, митингами или пикетами.

Кроме того, исследование показало отсутствие влияния общественных инициатив в Интернете на принятие решений властными органами, несмотря на степень их поддержки. Это может объясняться тем, что по закону единственным порталом онлайн петиций, на который обязаны реагировать власти, является «Российская общественная инициатива» (РОИ), созданная по указу Президента. Однако исследования показывают, что степень поддержки инициатив и в этом случае не имеет значения. Так, несмотря на то, что по закону петиция, набравшая более 100 тысяч голосов на РОИ, должна направляться на рассмотрение Государственной думе РФ, ни одна из подобных петиций не оформилась в законопроект. Как подчеркивается в некоторых работах «это

свидетельствует о разрыве между общественным мнением и реальными политическими действиями» (Садилова 2016: 102). По нашему мнению, это подтверждает тезис об особенностях использования электронного участия в авторитарных режимах.

Таким образом, мы видим с одной стороны растущую популярность такой новой формы участия как онлайн петиции (на одном портале Change.org их регистрируется около 3 тысяч в месяц), а с другой небольшую результативность этой формы деятельности. Можно предполагать, что активное использование онлайн петиций при условии, если активисты ограничиваются этой формой участия, может быть выгодным для властных органов, так как служит наиболее безопасной формой протеста, заменяя традиционные формы политического участия и оставаясь выхлопом недовольства.

Исследование показало, что социальные сети в Интернете служат одним из основных источников информации о создаваемых онлайн петициях. Кроме того, наш анализ групп, созданных в социальной сети «ВКонтакте» выявил, что они во многом используются для мобилизации их создателями (призывов к участию в пикетах, блокировании строек, распространения информации, сборе средств и т.п.). В то же время лишь меньшинство членов таких групп как-либо принимает в них участие (в дискуссиях, предложениях, распространении информации). Абсолютное большинство является пассивными участниками, в лучшем случае читая обновления в этих группах или ставя лайки. Такое участие, по нашему мнению, также можно отнести к слактивизму.

Таким образом, новые практики онлайн участия постепенно становятся наиболее распространенными формами политического участия, хотя на данный момент эти практики скорее можно определить как слактивизм.

Литература и источники

Гольбрайх В.Б. Экологические общественные инициативы в Интернете как новая практика политического участия // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 4. С. 340–350.

Докука С. В. Практики использования онлайн-социальных сетей // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 137–145.

Кабанов Ю.А. Электронный авторитаризм. Институт электронного участия в недемократических странах // Полития. 2016. № 4. С. 36–55.

Ксенофонтова И.В. Новые солидарности в Интернете: от дискуссии к действию (на примере движения «За честные выборы») // Этнографическое обозрение. 2013. № 2. С. 125–137.

Онлайн-практики россиян: социальные сети // Сайт ФОМ. 28.01.2016. [URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/12495/> (доступно 27.07.2017)].

Савельев Ю.Б. Основные типы участия в общественной жизни европейских стран // Социологические исследования. 2013. №12. С. 64–71.

Садилова А.В. Проблемные аспекты Интернет-практик взаимодействия власти и общества // Вестник Пермского университета. Политология. 2016. № 3. С. 99–108.

Соколов А. В. Интернет-пространство: новые возможности для политического участия // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2013. № 4. С. 98–115.

Холмская М. Р. Политическое участие как объект исследования. Обзор отечественной литературы // Полис. Политические исследования. 1999. № 5. С. 170–176.

Цепилова О.Д. Общественные движения в районе экологического бедствия: история возникновения, развитие, социальные последствия (на примере г. Кириши) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. 5. № 1. С. 70–100.

Berg J. a. Political Participation in the Form of Online Petitions: A Comparison of Formal and Informal Petitioning, *International Journal of E-Politics*, 2017, 8 (1), pp. 14–29.

Berg J. b. The dark side of e-petitions? Exploring anonymous signatures, *Сайт First Monday*, 2017, №2. 06.02.2017, [URL: <http://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/6001/5910#author>, (доступно 25.07.2017)].

Conroy M. Feezell J., Guerrero M. Facebook and Political Engagement: A Study of Online Political Group Membership and Offline Political Engagement, *Computers in Human Behavior*, 2012, 28 (5), pp. 1535–1546.

Earl J. The Future of Social Movement Organizations: The Waning Dominance of SMOs Online, *American Behavioral Scientist*, 2015, 59 (1), pp. 35–52.

Earl J., Hunt J., Garrett R., Dal A. New Technologies and Social Movements. In *The Oxford Handbook of Social Movements*, ed. by D. Della Porta, M. Diani. Oxford: Oxford University Press, 2015, pp. 353–371.

Gibson R., Cantijoch M. *Conceptualizing and Measuring Participation in the Age of the Internet: Is Online Political Engagement Really Different to Offline?*, *Journal of Politics*, 2013, 75 (3), pp. 701–716.

Hirzalla F., van Zoonen L. Beyond the Online/Offline Divide: How Youth's Online and Offline Civic Activities Converge, *Social Science Computer Review*, 2011, 29 (4), pp. 481–498.

Jungherr A., Jurgens P. The political click: political participation through e-petitions in Germany, *Policy & Internet*, 2010, 2 (4), pp. 131–165.

Norris P. *Count Every Voice: Democratic Participation Worldwide*. New York: Cambridge University Press, 2002.

Puig-i-Abril E., Rojas H. Being Early on the Curve Online Practices and Expressive Political Participation, *International Journal of Internet Science*, 2007, 2 (1), pp. 28–44.

Theocharis Y. The Conceptualization of Digitally Networked Participation, 2015, *Social Media + Society*, 2 (1), pp. 1–14.

Theocharis Y., Van Deth J. The Continuous Expansion of Citizen Participation: a New Taxonomy // Сайт *European Political Science Review*, 21.11.2016 [URL: <https://doi.org/10.1017/S1755773916000230> (доступно 23.07.2017)].

van Deth J. Studying Political Participation: Towards a Theory of Everything?, 2001, Introductory paper prepared for delivery at the Joint Sessions of Workshops of the European Consortium for Political Research Workshop “Electronic Democracy: Mobilization, Organization and Participation via new ICTs”, Grenoble, 6–11 April 2001. Сайт <https://www.academia.edu>. [URL: <https://www.academia.edu/2233354> (доступно 24.07.2017)].

Vie S., Carter D., Meyr J. 2016. Occupy Rhetoric: Responding to Charges of “Slacktivism” With Digital Activism Successes In *Handbook of Research on Citizen Engagement and Public Participation in the Era of New Media*, ed. by Marco A., Yuping, New York: IGI Global, 2016, pp. 179–193.

Wolfsfeld G., Yarchi M., Samuel-Azran T. Political Information Repertoires and Political Participation, *New Media & Society*, 2016, 18 (9), pp. 2096–2115.

ENVIRONMENTAL ACTIVISM: NEW FORMS OF POLITICAL PARTICIPATION

V. Golbraih

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2016.3.4>

Abstract. *The article deals with new forms of political participation. Due to a growing importance of the Internet in politics and everyday life and especially due to rise of social media, students more and more pay attention at online forms of political participation. Social media become a way of political participation for citizens, who were not involved in political activities previously. At the same time, it is necessary to note a new phenomenon designated as slacktivism. This word designates a participation with low risk and low costs and substitutes traditional political participation. In the course of the study I analyzed new forms of political participation (creation of online petitions, groups in social networks). The study shows that although new forms becomes a widespread form of political participation, to a large extent, these practices at the moment can be defined as slacktivism.*

Keywords: *online political participation; environmental activism; slacktivism.*

References

- Berg J. Political Participation in the Form of Online Petitions: A Comparison of Formal and Informal Petitioning, *International Journal of E-Politics*, 2017a, 8 (1), pp. 14–29.
- Berg J. The dark side of e-petitions? Exploring anonymous signatures, Website *First Monday*, 2017b, 2, (February 6, 2017) [URL: <http://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/6001/5910#author> (available: 25.07.2017)].
- Conroy M. Feezell J., Guerrero M. Facebook and Political Engagement: A Study of Online Political Group Membership and Offline Political Engagement, *Computers in Human Behavior*, 2012, 28 (5), pp. 153–1546.
- Dokuka S. V. Praktiki ispol'zovanija onlajnovykh social'nykh setej [Dokuka S.V. The Practice of Using Online Social Networks], *Sociologicheskie issledovaniya*, 2014, 1, pp. 137–145. (In Russian)
- Earl J. The Future of Social Movement Organizations: The Waning Dominance of SMOs Online, *American Behavioral Scientist*, 2015, 59 (1), pp. 35–52.
- Earl J., Hunt J., Garrett R., Dal A. New Technologies and Social Movements. In: *The Oxford Handbook of Social Movements*, ed. by D. Della Porta, M. Diani. Oxford: Oxford University Press, 2015, pp. 353–371.
- Gibson R., Cantijoch M. Conceptualizing and Measuring Participation in the Age of the Internet: Is Online Political Engagement Really Different to Offline?, *Journal of Politics*, 2013, 75 (3), pp. 701–716.

Gol'brajkh V.B. Ehkologicheskie obshhestvennye iniciativy v Internete kak novaja praktika politicheskogo uchastija [Golbraih V.B. Environmental Public Initiatives on the Internet as a New Practice of Political Participation], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija*, 2016, 4, pp. 340–350. (In Russian)

Hirzalla F., van Zoonen L. Beyond the Online/Offline Divide: How Youth's Online and Offline Civic Activities Converge, *Social Science Computer Review*, 2011, 29 (4), pp. 481–498.

Holmskaja M. R. Politicheskoe uchastie kak ob#ekt issledovanija. Obzor otechestvennoj literatury [Holmskaja M. R. Political Participation as an Object of Research. (A Review of Russian Scientific Literature), *Polis. Politicheskie issledovanija*, 1999, 5, pp. 170–176. (In Russian)

Jungherr A., Jurgens P. The political click: political participation through e-petitions in Germany, *Policy & Internet*, 2010, 2 (4), pp. 131–165.

Kabanov J.A. Jelektronnyj avtoritarizm. Institut jelektronnogo uchastija v ne-demokraticeskikh stranah [Kabanov J.A. Electronic Futhoritarianism. Institution of Electronic Participation in Non-democratic Countries], *Politija*, 2016, 4, pp. 36–55. (In Russian)

Ksenofontova, I.V. Novye solidarnosti v Internete: ot diskussii k dejstvuju (na primere dvizhenija "Za chestnye vybory") [Ksenofontova, I.V. New Solidarity on the Internet: from Discussion to Action (on the Example of the Movement "For Fair Elections")], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2013, 2, pp. 125–137. (In Russian)

Norris P. *Count Every Voice: Democratic Participation Worldwide*. New York: Cambridge University Press, 2002.

Onlajn-praktiki rossijan: social'nye seti [Online Practices of Russians: Social Networks], Website FOM, 2016, January 28. [URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/12495> (available: 27.07.2017)] (In Russian).

Puig-i-Abril E., Rojas H. Being Early on the Curve Online Practices and Expressive Political Participation, *International Journal of Internet Science*, 2007, 2 (1), pp. 28–44.

Savel'ev J. B. Osnovnye tipy uchastija v obshhestvennoj zhizni evropejskikh stran [Saveliev J. B. The Main Types of Participation in Public Life in European Countries], *Sociologicheskie issledovanija*, 2013, 12. pp. 64–71. (In Russian)

Sadilova A.V. Problemnye aspekty Internet-praktik vzaimodejstvija vlasti i obshhestva [Sadilova A.V. The Problematic Aspects of the Internet Practice of Interaction between Authority and Society], *Vestnik Permskogo universiteta. Politologija*, 2016, 3, pp. 99–108. (In Russian)

Sokolov A. V. Internet-prostranstvo: novye vozmozhnosti dlja politicheskogo uchastija [Sokolov A. V. Internet Space: New Opportunities for Political Participation], *Vestnik Permskogo universiteta. Serija: Politologija*, 2013, 4, pp. 98–115. (In Russian)

Theocharis Y. The Conceptualization of Digitally Networked Participation, 2015, *Social Media + Society*, 2 (1), pp. 1–14.

Theocharis Y., Van Deth J. The Continuous Expansion of Citizen Participation: a New Taxonomy, Website *European Political Science Review*, 2016, November 21. [URL: <https://doi.org/10.1017/S1755773916000230> (available: 23.07.2017)].

Tsepilova O.D. Obshchestvennye dvizheniya v rajone jekologicheskogo bedstvija: istoriya vzniknoveniya, razvitie, social'nye posledstvija (na primere g. Kirishi) [Tsepilova O.D. Social Movements in the Area of Ecological Disaster: the History of Emergence, Development, Social Consequences (on the Example of the City of Kirishi)], *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, 2002, 5 (1), pp. 70–100. (In Russian)

van Deth J. Studying Political Participation: Towards a Theory of Everything?, 2001, Introductory paper prepared for delivery at the Joint Sessions of Workshops of the European Consortium for Political Research Workshop “Electronic Democracy: Mobilization, Organization and Participation via new ICTs”, Grenoble, 6–11 April 2001. Website <https://www.academia.edu>. [URL: <https://www.academia.edu/2233354> (available: 24.07.2017)].

Vie S., Carter D., Meyr J. 2016. Occupy Rhetoric: Responding to Charges of “Slacktivism” With Digital Activism Successes In *Handbook of Research on Citizen Engagement and Public Participation in the Era of New Media*, ed. by Marco A., Yuping, New York: IGI Global, 2016, pp. 179–193.

Wolfsfeld G., Yarchi M., Samuel-Azran T. Political Information Repertoires and Political Participation, *New Media & Society*, 2016, 18 (9), pp. 2096–2115.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЛАСТНЫЕ ГРУППЫ

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЛАСТНЫЕ ГРУППЫ: ОСНОВНЫЕ СОЦИАЛЬНО-СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ¹

А.Б. Даугавет, А.В. Дука, Д.Б. Тев

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2016.3.5>

Аннотация. В статье рассматривается связь социально-структурных характеристик региональной политико-административной элиты с ее инновационным потенциалом и ролью в развитии общества. Актуальность и значимость данной проблемы обусловлены необходимостью для властных группы адекватно реагировать на меняющиеся обстоятельства (особенно в условиях кризиса), тем самым позитивно воздействуя на развитие региона и страны. Эмпирической основой исследования служит биографическая база данных, собранных по десяти субъектам Российской Федерации. База данных включила сведения о дате и месте рождения, типе и месте образования, карьерном пути и других характеристиках 936 представителей региональных политической и административной элит. Метод исследования можно определить как структурно-биографический, поскольку изучалась структура региональных властных элитных групп в связи с биографией их членов. Проведенный анализ позволил сделать ряд выводов, касающихся человеческого капитала властных персон, возможного влияния социально-структурных харак-

---

¹ Статья написана в рамках проекта «Региональные властные группы: основные социально-структурные характеристики и роль в развитии современного российского общества» Комплексной программы фундаментальных исследований Отделения общественных наук РАН «Мировоззренческие, социально-политические, правовые, психологические и духовно-нравственные факторы развития современного российского общества».

теристик региональных элит на их политическое поведение, инновационный потенциал и роль в функционировании и развитии общества. Существенными тенденциями рекрутирования властных групп являются олигархизация (что связано с сужением бассейна рекрутирования), профессионализация (что, однако, не связано с возможной их эффективностью) и плутократизация, которая может снижать ориентацию на инновационное развитие. Одновременно институционализация региональных элит достигает высокого уровня. В целом, можно утверждать, что инновационный потенциал региональных политико-административных элит невысок. Вместе с тем, отчетливо выражена региональная дифференциация элитного сообщества. Выявленные характеристики региональной административной элиты представляются более благоприятными для позитивного развития регионов.

Ключевые слова: элиты, властные группы, институционализация элит, инновации, инновационный потенциал, биографии, структурно-биографический метод, рекрутирование, олигархизация, плутократизация.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Инновации стали важной характеристикой состояния общества и его перспектив. Как указывают исследователи, «инновационное развитие в последние годы становится едва ли не единственным выходом из состояния кризиса, технологической отсталости, бедности, дефицита ресурсов, экологического неблагополучия, а также существенным конкурентным преимуществом в борьбе за геополитическое лидерство» (Селезнев 2015: 14). Положение России по сравнению с другими странами не столь обнадеживающее. Если по «Инновационному индексу Блумберга» место нашей страны достаточно неплохое — 14-е (The Bloomberg Innovation Index 2015), причем наша позиция во многом связана с унаследованной еще с советских времен системой массового образования, то индексы других аналитических центров фиксируют иное. В соответствии с «Глобальным инновационным индексом» наша страна находится на 48 месте (Cornell University, INSEAD, WIPO 2015: xxx). В «Социальном инновационном индексе» Россия занимает 30-место (Old problems 2016: 11, 39). «Американо-израильский инновационный индекс», показывающий инновационное сотрудничество, устойчиво ставит Россию на последнее место (The U.S.-Israel Innovation Index 2016).

Традиционно считается, что властные элиты достаточно существенно влияют на развитие общества. Они могут (а нормативно —

должны) быть субъектами модернизации (Гаман-Голутвина 2007: 22–38)¹. Более того, именно они выступают инициаторами инноваций в обществе, что считается, чуть ли не панацеей. Резоны в этом есть, но и преувеличений достаточно. Имеются значительные ограничения инновационной активности. Часть этих ограничений связана с факторами, носящими макрокультурный характер. Обществоведческая традиция, восходящая к классическим исследованиям М. Вебера, трудам И.Г. Гердера и Ш. Монтескьё, А. де Токвиля, достаточно убедительно это демонстрирует.

Вместе с тем, властные группы, как показывают исследования в разных странах, культурно несколько отличаются от основной массы населения в сторону своей большей «прогрессивности» — открытости к демократическим изменениям и новым формам социального и экономического взаимодействия². Однако, есть свидетельства и обратного свойства (Fletcher 1989). Существенным может оказаться контекст угрозы положению элиты (McClosky 1964). Необходимо подчеркнуть, что, как утверждает О.В. Гаман-Голутвина, демократия тесно связана с инновационностью (Гаман-Голутвина 2006: 42).

Наряду с культурными основаниями важное значение для формирования инновационного пути развития страны исследователями придается наличным ресурсам (финансовым, временным, интеллектуальным, внешнеполитическим и т.п.) (Гаман-Голутвина 2006: 33, 34) и «демократическим формам организации общества» (Гаман-Голутвина 2006: 42). Противоположностью этому типу развития выступает мобилизационный (Гаман-Голутвина 2006: 35). Соответственно, властные группы, могут ориентироваться на тот или иной тип развития. Однако, контекст и историческая траектория влияют на активность элит. В России мобилизационная модель доминирует, но это не является фатальным. О.В. Гаман-Голутвина вслед за Лоуренсом Харрисоном (Harrison

---

¹ Часть авторов основным агентом инновационного развития полагает государство (см., например: Примаков 2014). Но основным «собственником» государства или, по крайней мере, его «управителем» являются элиты.

² Первая важная работа: (Stouffer 1955). Пересмотр результатов этого исследования и соответствующую дискуссию см.: (Jackman 1972; Saint Peter, Williams, Johnson 1977). Сравнительные страновые исследования см.: (Хоффманн-Ланге 2012; Miller, Hesli, Reisinger 1995; Miller, Hesli, Reisinger 1997; Miller, Reisinger, Hesli 1998; Сафронов 2009; Сафронов 2008 и др.).

2000) называет отличительные черты культуры, способствующей динамичному развитию общества: нацеленность на будущее, труд и успех, бережливость, образование, поощрение способностей, общественная солидарность, строгость этических норм, справедливость и честность, рассредоточение власти, секуляризм (Гаман-Голутвина 2012: 23–40). Правда Л. Харрисон всё же большое значение придает религиозным основаниям культуры, которые в современности существуют уже в снятом (в гегелевском смысле) виде. Причем, способствующими прогрессу и инновациям являются иудаизм, конфуцианство и протестантизм (Харрисон 2016). Очевидно, что даже и без «прогрессивного» религиозного фундамента у нас в стране возникают проблемы с целеполаганием и направленностью деятельности элит. Как несколько раньше отмечала исследовательница, «глубокий индифферентизм современной элиты к идее развития поистине катастрофичен» (Гаман-Голутвина 2007: 25). О.В. Гаман-Голутвина полагает, что нынешнее состояние отечественных элит можно определить как пост-имперское, характеризующееся потерей пассионарности («имперская элита устала от имперского бремени» (Гаман-Голутвина 2012: 32)). Но одновременно российские элиты стали номадическими, потерявшими в значительной мере связь со своей территорией, а увязывающими свое существование с глобальными процессами и глобальным сообществом (Гаман-Голутвина 2012: 33). Окончательный диагноз: «недостает одного, но ключевого ресурса — «длинной» политической воли. Пассионарности. Куража» (Гаман-Голутвина 2012: 38). Выход из нынешней российской ситуации находится в институциональной трансформации, а «архимедовым рычагом выступает фактор эффективного лидерства, создающего эффективные институты» (Гаман-Голутвина 2012: 39).

Вместе с тем, присутствует и несколько иная точка зрения, хотя посылки и выводы кажутся сходными. Президент Института национальной стратегии Михаил Ремизов в выступлении на секции «Новая элита России» форума «Стратегия-2020. Новая тактика», прошедшего под эгидой «Единой России», призывая к мобилизации российских элит, указывает на такие черты «правлящего слоя» как, во-первых, «короткий горизонт сознания», под которым имеет в виду «короткий горизонт целеполагания, целеориентации»¹. Он связан, главным образом, с пол-

---

¹ Об этом же, но несколько иначе интерпретируя основания и причины, писал А. Неклесса (Неклесса 2008).

ным отсутствием склонности к мышлению в надличностных категориях». Во-вторых, «фетишизм в отношении к деньгам и предметам потребления». В-третьих, «провинциализм. Российский истеблишмент воспринимает интеграцию в западную элиту как самоцель». Как выход — «вместо манифеста о вольности дворянству нам нужен пакт о закреплении элит». Субъектом мобилизации, по мысли аналитика, может быть только институт президентства (Ремизов 2009). Таким образом, вектор развития ставится в зависимость от личных усмотрений и персональных особенностей высшего должностного лица. Об амбивалентности такого варианта писала Гаман-Голутвина: «конечно, режим В.В. Путина, выстроенный в формате «вертикали власти», значительно более эффективен, нежели режим Б.Н. Ельцина, выстроенный в формате «системы сдержек и противовесов». Все зависит от того, какие цели ставит перед собой власть» (Гаман-Голутвина 2007: 35). Цели же, помимо контекста и ситуации, в значительной степени определяются культурой.

В этом отношении нормативное регулирование, на которое указывают исследователи (см., напр.: Кашаев 2011; Кисуркин 2012), безусловно, имеет важное значение для инновационной активности. Однако оно всё же является вторичным по отношению к инновационной устремленности властных групп. Они регулируют и определяют то, что для них оказывается существенным. Тем более, что, как справедливо отмечает Элеонор Глор, инновации идеологически мотивированы (Some Thoughts 1999).

Предполагаемые некоторыми исследователями условия осуществления элитой своей инновационной миссии оказываются важными, правильными, но декларациями. Например: «успешная инновационная модернизация недогоняющего типа на основе широкой солидарности — между властью, активными группами населения, включая представителей бизнеса, и народом, проводимая с опорой на духовные, культурные и «миростроительные» ценности восточно-христианской цивилизации, может стать вкладом России в теорию и практику современного развития, может оказаться важнейшей предпосылкой для «российского чуда» — трамплином в сообщество стран-лидеров» (Окара 2009: 254, 255). Трудно сомневаться в истинности такого рода суждений, но возникает проблема в их верификации, эмпирической проверке.

На индивидуальном уровне особенности элитных персон, способствующие инновационной активности, в психологии связывается

с трансформационным лидерством. Первоначально (Martin 2016) этот термин появился в книге Джеймса Даунтауна, исследовавшего феномен харизмы и его влияние на религиозное лидерство (Downton 1973). Через несколько лет Джеймс Макгрегор Бёрнс при анализе политических лидеров ввел важные термины «транзакционное лидерство» и «трансформационное лидерство» (Burns 1978). Именно его работу Бернард Басс, с чьим именем связывают построение и развитие теории трансформационного лидерства, указывает как начальную для концептуализации данной идеи (Bass 1999: 9). В поздней работе указывается еще один источник вдохновения — теория харизматического лидера Роберта Хауса (Bass, Riggio 2006: xi). Это не случайно, поскольку в теории упор делается на личных качествах лидера, которые определяют стиль взаимоотношения с последователями / подчиненными и стиль управления.

В условиях авторитарной системы управления (в рамках изолированного института или всего общества) индивидуальные характеристики оказываются решающими. Особенности социализации лидера, его индивидуального становления, отличие от «стандартного» пути включения в социально-управленческий мир может способствовать выходу за рамки устоявшейся «правильной» системы функционирования институциональных порядков. Так, например, часть историков считает, что одним из существенных факторов, предопределивших направленность и радикальность реформ в начале XVIII века, было исключение Петра Алексеевича из «культурной среды, которая в прежние времена «лепила» царевичей». Выпав из традиционной образовательной православной среды и не обучившись толком грамоте, молодой царь оказался податлив иной культурной модели, европейско-протестантской, что и сказалось на его инновационно-реформаторской деятельности (см., напр.: Анисимов 1995: 7, 8).

В условиях системы с дисперсной властью, когда в силу социально-экономической диверсификации и политической плюрализации происходит мультипликация (суб)элитных групп (Манхейм 1994: 314. В этом же контексте см.: Riesman 1953; Dahl 1958; Dahl 1961), персональные особенности сглаживаются. Существенным являются общие социализационные характеристики большинства. Об этом специально будет сказано ниже.

В связи с этим большое значение приобретают агрегированные особенности властных групп. Г.К. Ашин указывал на важные характери-

стики элиты, связывая их с ее рекрутированием: «качество элиты зависит от способов ее рекрутирования, от того, насколько элита «прозрачна», открыта для наиболее активных, образованных способных к инновациям людей из всех классов и слоев общества» (Ашин 1998: 90). Это существенно для понимания того, как и какие персоны входят в элитное сообщество. И, безусловно, это важно для понимания того, насколько элитные персоны и элитные группы готовы к новому или могут ориентироваться на инновационную активность.

В данном тексте мы подробно не останавливаемся на самом феномене инновации. В литературе существуют достаточно хорошие обзорные тексты, посвященные истории концептуализации и исследования самого явления (см., напр.: Pierce, Delbecq 1977; Быстрова и др. 2008: 99–117; Oeij, Dhondt, Korver 2011; Edison, Ali, Torkar 2013: 1390, 1391, 1394–1395; Социальный потенциал инновационного развития... 2014: 10–38; Dino 2015: 140, 141; Сунгуров 2015: 14–50. Также см.: Some Thoughts 1999).

Мы оставляем в стороне очень важный аспект инноваций, связанный с экономической активностью акторов самого разного уровня. Традиция, идущая от Г. Тарда и Й. Шумпетера, справедливо делает акцент на предпринимателе как центральном агенте экономического развития. Однако, в условиях, хотя и не командной системы, но, в значительной мере, политико-административно определяемой, роль элитных групп чрезвычайна. Тем более, что инновация не сводится лишь к новшествам в экономике и технике.

Мы утверждаем, что не только культура имеет значение, но и структура имеет значение. Более того, структура и культура находятся в комплементарном единстве. В исследовательской литературе показывается, что персональные характеристики членов групп доминирования, которые в агрегированном виде выступают структурными характеристиками элитных сообществ, оказывают существенное влияние на их политическую и управленческую культуру. Это, в свою очередь оказывает воздействие на функционирование институтов и формирование политического режима.

ИССЛЕДОВАНИЕ

В рамках реализации нашего проекта основное внимание было уделено инновационному потенциалу региональных властных элит. Акту-

альность и значимость данной проблемы обусловлены необходимостью для инстанций принимающих важнейшие решения адекватно реагировать на меняющиеся обстоятельства (особенно в условиях кризиса) и тем самым позитивно воздействовать на развитие региона и страны. Осуществить это вне поиска нового и открытости этому новому невозможно. Однако сама инновационность элит является проблемой для их функционирования. Это в некотором смысле противоречие их существования. Элиты находятся внутри социально-экономической и политической системы. Более того, их существование связано с сохранением и стабилизацией существующих социальных порядков. И они, вместе с тем, должны подвергать эти порядки сомнению. Баланс новаторства и консерватизма создает динамическое равновесие, которым и характеризуется сфера принятия решений в социально успешных обществах.

Оценка инновационного потенциала невозможна без анализа социально-структурных характеристик властных групп. В рамках этой задачи был проведен анализ биографических, включая карьерные, данных, собранных по десяти регионам России на 2015 год. Он позволяет сделать некоторые выводы, касающиеся человеческого капитала властных персон, возможного влияния социально-структурных характеристик региональных элит на политическое поведение властных групп, их роли в функционировании и развитии общества. Для анализа динамики социально-структурных характеристик сделано сравнение с данными, полученным в 2009 году, по шести регионам. Данный текст представляет собой первую часть публикации по инновационному потенциалу региональных элит анализируемых регионов.

Ранее нами была разработана идеально-типическая модель инновационной элиты, включающая на индивидуальном уровне персональные характеристики, благоприятствующие принятию и поддержке новаций в политической, социальной и экономической сферах (см.: Быстрова, Дука, Колесник, Невский, Тев 2008). При этом региональные элиты выступают агрегированным агентом социальных действий, что связано с институциональным характером их функционирования. Модель включает социально-психологические характеристики индивидов, социализационные характеристики, индивидуальные психологические характеристики и структурные характеристики элиты как социальной группы. Конечно, надо иметь в виду, что отдельные члены элитного сообщества могут существен-

ным образом повлиять на элитную активность, что связано с их персональными лидерскими характеристиками. Однако мы здесь мы рассматриваем и анализируем усредненные характеристики, свойственные региональной элите в целом, как корпоративному актору инновационной активности.

В определенной степени можно определить наш метод исследования как *структурно-биографический анализ*, имея в виду, что изучалась структура региональных властных элитных групп в связи с биографией их членов. Таким образом, генетико-динамическая составляющая бытования (и анализа) региональных элит рассматривалась в качестве необходимого элемента. Внутренняя первичная дифференциация основывалась на позиции персон в структурно-функциональных секторах социального управления. Источником информации послужили справочники, материалы СМИ, официальные сайты правительств и Законодательных собраний десяти регионов (Санкт-Петербург, Москва, Ленинградская, Ростовская, Калининградская, Костромская, Новосибирская области, Ставропольский и Хабаровский края, Республика Дагестан), сайт Государственной Думы и Совета Федерации, а также и другие интернет-ресурсы. Первоначально создавались полнотекстовые файлы с биографической, деловой, политической и социальной информацией по каждому представителю региональной элиты. Затем информация упорядочивалась и структурировалась в персональных файлах, представляющих собой анкеты. После этого происходила кодировка и ввод данных для статистической обработки в пакете SPSS. Помимо машинной обработки формализованных данных, осуществлялся и анализ индивидуальных карьер на основе неформализованных биографических данных.

Было собрано, закодировано и введено в базу данных 936 анкет (табл. 1).

Представленность генеральной совокупности достаточно высокая. Политики охвачены на 100 процентов, высшие администраторы в зависимости от региона от 70 до 100 процентов. Объясняется это большей доступностью информации о политиках в силу большей публичности депутатов и различной степенью закрытости правительств. В одних случаях это объясняется персональным стилем высшего должностного лица субъекта федерации. В других — опасением утечки потенциально «вредной» информации или просто безразличием к «под-

Таблица 1

**База данных по региональной политико-административной элите
(человек)**

Регион	Элитная группа		Итого
	администраторы	Политики*	
Санкт-Петербург	30	62 (50)	92
Ленинградская область	46	57 (50)	103
Ростовская область	37	67 (51)	104
Калининградская область	32	46 (41)	78
Костромская область	37	40 (34)	77
Хабаровский край	28	35 (27)	63
Москва	84	65 (36)	149
Новосибирская область	36	83 (74)	119
Ставропольский край	0	50 (50)	50
Республика Дагестан	0	101 (90)	101
Итого	330	606 (503)	936

* Дается общее число депутатов представительных органов власти субъектов РФ, депутатов ГД от данных субъектов и представителей в СФ. В скобках указано сколько из них депутатов региональных legislatures.

властному» населению и его информированности. В выборку попали не только собственно региональные депутаты, но также депутаты Федерального Собрания от регионов. В ряде случаев количество элитных персон превышает число элитных позиций. Это связано с тем, что за время сбора первичной информации часть наших «подопечных» меняла свои позиции, умирала.

Остановимся на некоторых важных характеристиках региональных элитных сообществ. Необходимо отметить, что выделяемые нами факторы являются до некоторой степени формальными и иногда взаимно несогласующимися. Конкретная ситуация, социально-экономический и политический контекст оказывают сильное влияние. Это надо иметь в виду при приложении данной модели к реальности. В этом отношении было бы важным дополнением исследование с использованием качественных методов.

В данном тексте будут рассмотрены следующие характеристики региональной политико-административной элиты: возраст, политические поколения, место первичной социализации, образование, карьерные траектории.

1. Возраст

Возраст, как отмечается многими исследователями, является существенным показателем predisposedности к открытости, новому, инновациям (Аношкина, Резванов 2001; Советова 2010; Буянова 2014). Причем, в возрастной группе 30–39 лет наблюдается максимальная ориентация на инновации, а среди персон после 40 лет снижается доля ориентированных на инновацию, усиливается доля консервативно ориентированных лиц, особенно выраженная в группе 50–59 лет. Естественно, что возраст является одним из факторов predisposedности к инновациям. Исследования показывают, что на принятие новшеств более серьезно влияют персональные психологические характеристики, такие как, например, ригидность (Carbon, Schoormans 2012).

На рис.1 показано возрастное распределение нашей выборки.

Как видно, разброс достаточно большой: от 27 лет до 90. И, конечно, его дает депутатский корпус. Понятно, что достичь значимых позиций

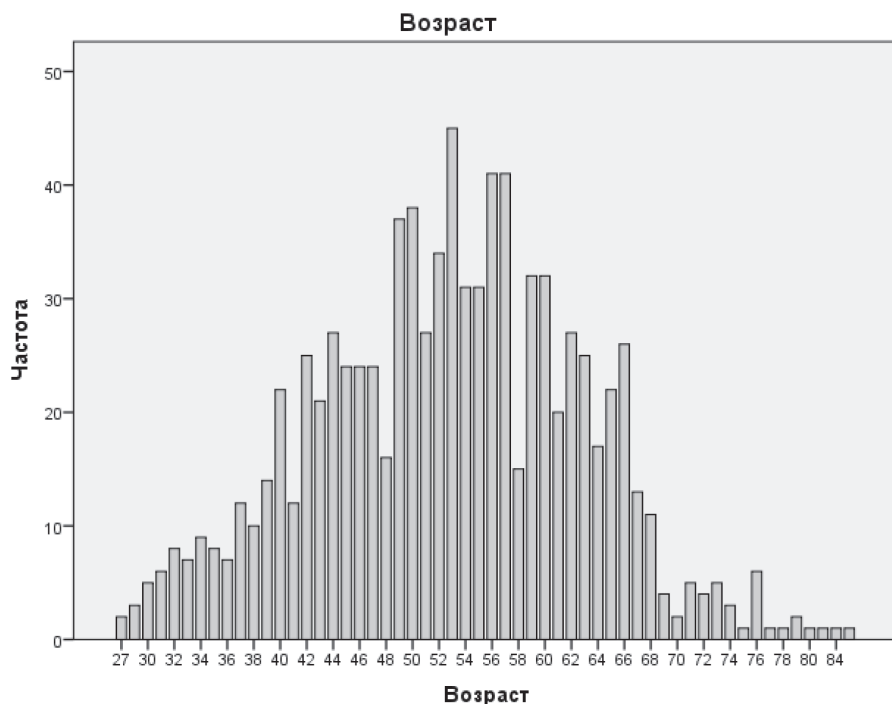

Рис. 1. Распределение элитных персон по возрасту. N=889

в администрации в молодом возрасте не так просто — необходимо время, чтобы дослужиться. Также у бюрократов существует и предельный возраст службы в отличие от политиков. В таблице 2 представлено распределение по возрастным категориям у администраторов и депутатов.

Таблица 2

**Распределение элитных персон по возрастным группам
(в процентах*, N=889)**

Элитная группа	Возрастные группы		
	39 лет и младше	40–59 лет	60 лет и старше
Администраторы	15	70	15
Политики	8	61	31
Всего	10	64	26

* Округлено.

С точки зрения ориентации на инновации политики проигрывают бюрократам. Однако необходимо сказать, что если иметь в виду возрастную группу, в которой в наибольшей степени присутствуют консервативные диспозиции (50–59 лет), то здесь у политиков ситуация несколько лучше: 36% против 42% у администраторов. Члены элитного сообщества старшей возрастной группы (60 лет и старше) в массе своей имеют умеренную диспозицию (энергии активно сопротивляться новшествам у них меньше, чем у более молодых).

Соотношение возрастных групп в элите исследуемых регионов очень различное (табл. 3). В части регионов преобладание среднего возраста в политико-административной элите может создавать определенные трудности в реализации инновационных проектов.

Благоприятным для внедрения новшеств можно считать такое соотношение возрастных групп, когда потенциально консервативная группа абсолютно не доминирует в элитном сообществе, а группа с инновационным потенциалом может влиять на принятие решений и их реализацию. Помимо этого, необходимо, чтобы соотношение между двумя секторами элит позволяло проводить инновации и контролировать их проведение. Перевес какой-либо группы в регионе может служить источником внутриэлитной напряженности или конфликта.

Можно предположить, что часть регионов находятся в зоне низкого инновационного потенциала в силу понижающего возрастного фактора. Это, прежде всего, Ростовская и Ленинградская области, Республика

Таблица 3

**Распределение региональных элит по возрастным категориям
(в процентах*, N=936)**

Регион / Субъект РФ	Элитная группа	Возрастные категории		
		39 лет и младше	40–59 лет	60 лет и старше
Санкт-Петербург	Администраторы	17	59	24
	Политики	2	58	40
Ленинградская область	Администраторы	9	80	11
	Политики	5	63	22
Ростовская область	Администраторы	3	90	7
	Политики	3	55	42
Калининградская область	Администраторы	16	78	6
	Политики	7	78	15
Костромская область	Администраторы	16	67	17
	Политики	17	58	25
Хабаровский край	Администраторы	18	68	14
	Политики	0	46	54
Москва	Администраторы	20	66	14
	Политики	12	52	36
Новосибирская область	Администраторы	11	58	31
	Политики	14	59	27
Ставропольский край	Администраторы	-	-	-
	Политики	14	59	27
Республика Дагестан	Администраторы	-	-	-
	Политики	6	70	24

* Округлено до целых.

Дагестан. В последнем случае «отягощающим» фактором выступает социальная структура и социальные отношения, во многом имеющие основания в традиционном обществе.

2. Политические поколения элиты

Помимо психофизиологического возрастного фактора необходимо иметь в виду Социальное время, в которое происходит социализация индивидов, может оказать кардинальное воздействие на характер ими оценки ситуации в стране, способы и направленность их действий. В российском обществоведении существует несколько подходов к вы-

делению поколений (см., напр.: Левада 2001; Политическая социализация 2008). В данном исследовании мы опираемся на идеи Н.А. Головина, выделившего восемь политических поколений в советский и постсоветский период на основании наиболее существенных социополитических событий, повлиявших на социализационный процесс индивидов (Головин 2004: 119-147). В нашей работе релевантными оказываются пять выделяемых им поколений (табл. 4).

Таблица 4

**Политические поколения политико-административных элит
(в процентах, N=889)**

Элитные группы	Политические поколения				
	Военное поколение (1919–1933 гг.)	Поколение оттепели (1934–1952 гг.)	Поколение застоя (1953–1964 гг.)	Поколение перестройки (1965–1971 гг.)	Поколение кризиса (1972–1990 гг.)
Администраторы	0,4	12,9	48,6	19,0	20,1
Политики	0,3	25,1	43,5	18,2	12,9
Всего	0,3	20,9	45,1	18,4	15,2

С рассматриваемой здесь перспективы в наибольшей степени воспринимающими новое могут оказаться персоны, на социализацию которых повлияла Оттепель и Перестройка. Как видно, таких оказывается не так мало. Можно ожидать, что открытость и ориентация на новизну у части политиков и администраторов из этих поколений в определенной степени актуализируется. В этом отношении то несогласование потенциального действия различных факторов, о котором говорилось выше, здесь наглядно проявляется. В данном случае это возраст членов элитного сообщества и принадлежность их к политическим поколениям.

Региональная дифференциация достаточно большая. «Дети оттепели» значительно представлены в элитах Хабаровского края (33%), Ростовской области (26%), Санкт-Петербурга (25%). Минимально — Калининградской области (10%), Дагестане (17%). По 19% в Москве, Ленинградской и Костромской областях. Доля перестроечного поколения существенна в Калининградской области (33%), Ленинградской области (24%) и Костромской области (23%). Значительно ниже среднего показателя — в Москве (10%), Санкт-Петербурге (11%) и Хабаровском

крае (14%). Полученные характеристики групп доминирования субъектов федерации демонстрируют возможную разнонаправленность внутри элитного сообщества представленных регионов. Вместе с тем, два региона, в которых доля поколения застоя выше среднего присутствуют в списке с потенциально негативным действием возрастного фактора. Это Дагестан (51%) и Ростовская область (50%). Обгоняет их только Санкт-Петербург (54%). Консервативная политика властей последнего достаточно известна.

3. Место первичной социализации

Карл Манхейм, анализируя элиты модернизирующегося общества, указывал на изменение соотношения коренных и мобильных элементов. Первый, связанный с сельской местностью, ориентирован на локальность, традицию, почву. Второй, городской, — на ценности, противостоящие локальности, на интернациональные связи. С этим связаны культурные внутриэлитные конфликты (Манхейм 1994: 318–320). Исследователями показано, что место первичной социализации может иметь важное значение. Установки членов элитного сообщества в том числе зависят от того, в какого типа населенном пункте вырос индивид (Miller, Timpson, Lessnoff 1996: 238, 269–271).

В нашем исследовании мы исходили из того, что место рождения большей частью является и местом первичной социализации. Исключения статистически малы. По результатам сравнения данных за 2009 г. и 2015 г. можно заключить, что сохраняется значительная доля членов элитного сообщества, прошедших первичную социализацию в малых городах или сельских населенных пунктах. В целом по выборке это больше половины, колеблясь от 20% в Санкт-Петербурге до 98 % в Дагестане. Если же взять только село, то в Санкт-Петербурге 7 % бывших сельских жителей среди элиты (все сосредоточены в политическом сегменте, среди администраторов таких не оказалось), в Дагестане — 69 %, по выборке — 45 %. Выше доля этой категории среди политиков по сравнению с администраторами (табл. 5). Очевидно, что дифференциация регионов по урбанизации и укорененности городской культуры различна. Первичная социализация, согласно психологическим и социологическим исследованиям, оказывает сильное воздействие на позитивное восприятие нового и готовность к социальным экспериментам. Этот фактор дифференцирует (статистически) предрасположенность к консервативным и новаторским решениям и действиям.

Таблица 5

**Место рождения политической и административной
региональной элиты (N=580)**

Элитная группа	Размерность	Место рождения: Столичные и нестоличные города			Итого
		Столичные города (Москва, Санкт-Петербург)	Нестоличные города	Село	
Админи- страторы	Частота	51	57	65	173
	% в Элитной группе*	29	33	38	100
Политики	Частота	74	137	196	407
	% в Элитной группе*	18	34	48	100

* Округлено до целых.

Возраст элитных персон связан с местом первичной социализации. Это, с одной стороны, достаточно банально. Процесс урбанизации продолжается. Тем более, что именно города дают образование, которое в дальнейшем позволяет продвигаться в политико-административной сфере. С другой стороны, как показало одно наше предыдущее исследование, периферийная амбициозность является сильным фактором продвижения вверх (Дука 2011), что косвенно может быть связано с большей предрасположенностью к изменениям.

Примечательно, что среди депутатов больше уроженцев сельской местности, чем среди бюрократов. Если брать поколенческие различия, то и у администраторов, и у политиков рубежом изменения соотношения родившихся в малых городах и селах с теми, кто родился в столичных городах и областных центрах является середина 1960-х годов. Перестроечное поколение администраторов и последующее на 9% меньше в своем составе имеет уроженцев социальной периферии, чем предыдущие поколения (43% против 52%). У депутатов произошли еще большие изменения: 51% против 68%.

Среди регионального политико-административного элитного сообщества младшей возрастной группы уроженцы села — исчезающий вид (рис. 2).

Происходит существенное изменение бассейна рекрутирования региональной элиты. Он сужается, уменьшаются возможности попада-

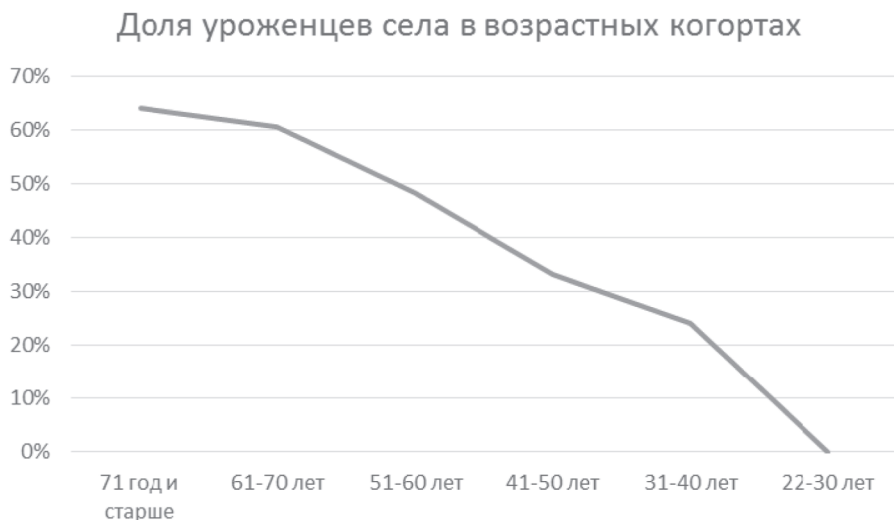

Рис. 2. Динамика доли уроженцев села в возрастных когортах региональной политико-административной элиты (в процентах, N=577)

ния в элиту периферийных элементов. Это означает также, что мало-ресурсные слои населения принципиально выпадают в гонке за властные позиции. В более общем плане, как отмечают отечественные исследователи, «Сегодня поляризация «село — город» стала наиболее существенным разграничением, характеризующим поселенческие различия образовательных ориентаций и поведения молодежи в сфере образования» (Константиновский, Вознесенская, Чередниченко, Хохлушкина 2008: 200). И как следствие — социальная мобильность сельской молодежи серьезно блокируется.

4. Образовательные характеристики

4.1. Значимость исследования образовательных характеристик властных элит

Значимость исследования образовательных характеристик властных групп определяется рядом обстоятельств. Во-первых, характер образования элитных персон может быть важным показателем специфики и тенденций изменения общественной системы, в рамках которой рекрутируются и функционируют элиты, и присущих ей отношений власти. Как отмечал Д. Мэттьюз, «меняющиеся характеристики политических лидеров служат показателем меняющегося распределения

власти в обществе» (Matthews 1954: 5). Во-вторых, образовательный опыт элитных персон может выступать значимой детерминантой их политики, ее содержания и направленности. Уровень и тип высшего образования отражают специфику условий социализации, которая, в свою очередь, может существенно влиять на интересы, ценности и политические предпочтения индивидов. Соответственно, знание этих особенностей элитного образования может быть необходимым для объяснения и прогнозирования политического поведения властных групп, их роли в функционировании и развитии общества. Наконец, общность, однородность образовательных характеристик членов элиты является одной из предпосылок внутриэлитной сплоченности. В этом смысле, анализ образовательной структуры властных групп является существенным для оценки потенциала внутриэлитной интеграции, которая, в свою очередь, может выступать важным условием стабильности и эффективности власти.

4.2. Региональная политико-административная элиты: основные показатели уровня образования

Если судить по формальным показателям, то региональная политико-административная элита в исследуемых субъектах РФ обладает довольно высоким уровнем образования, который, впрочем, существенно варьируется по регионам. Высшее образование является практически всеобщей характеристикой чиновников и депутатов регионального уровня. Более того, значительное меньшинство властных персон, как показывают таблицы 6 и 7, получило дополнительное (второе и, в редких случаях, третье) высшее образование.

Как видно из Таблиц 6 и 7, почти 40% как административной, так и политической элиты имеют второе высшее образование. Однако присутствуют значительные региональные вариации: в частности, если в Ростовской, Калининградской областях и Хабаровском крае половина администраторов, то в Костромской области лишь каждый пятый чиновник получил второе высшее образование.

Важным показателем уровня образования является наличие ученой степени. Как видно из таблицы 8, значительное меньшинство региональных политиков и чиновников имеет степень кандидата или доктора наук.

Причем уровень «остепенённости» различных функциональных групп региональной элиты — ее политической и административной

Таблица 6

**Региональная административная и политическая элита: наличие
второго высшего образования, в %**

Субъект РФ	Административная элита (n = 330)	Политическая элита (n = 606)
Санкт-Петербург	47	53
Ленинградская область	37	44
Ростовская область	51	37
Калининградская область	50	43
Костромская область	19	32,5
Хабаровский край	50	40
Москва	36	46
Новосибирская область	36	31
Ставропольский край	н/д	34
Дагестан	н/д	27
Итого	39	38

Таблица 7

**Региональная административная и политическая элита: наличие
третьего высшего образования, в %**

Субъект РФ	Административная элита (n = 330)	Политическая элита (n = 606)
Санкт-Петербург	10	10
Ленинградская область	7	19
Ростовская область	11	10
Калининградская область	19	17
Костромская область	8	7,5
Хабаровский край	14	3
Москва	6	6
Новосибирская область	11	8
Ставропольский край	н/д	6
Дагестан	н/д	4
Итого	10	9

фракций — практически одинаков (примерно треть элитных персон), но сильно варьируется по субъектам РФ. Так, в Костромской области только 8% чиновников имеют ученую степень, тогда как в Ростовской области этот показатель приближается к половине; в Калининградской

Таблица 8

**Региональная административная и политическая элита: наличие
ученой степени, в процентах**

Субъект РФ	Административная элита (n = 330)	Политическая элита (n = 606)
Санкт-Петербург	37	35,5
Ленинградская область	35	25
Ростовская область	49	40
Калининградская область	31	11
Костромская область	8	25
Хабаровский край	14	34
Москва	42	49
Новосибирская область	31	22
Ставропольский край	н/д	23
Дагестан	н/д	30
Итого	33	32

области лишь примерно каждый десятый политик защитил диссертацию, однако то же самое можно сказать о почти половине московских депутатов. Также следует отметить, что среди членов региональной административной элиты ученая степень с течением времени становится все более распространенной. Так, если в 2005 г. примерно четверть (26%) петербургских чиновников имела такую квалификацию, то в 2014 г. этот показатель достиг 37%, в Ленинградской области динамика еще более внушительна: доля «остепененных» чиновников за тот же период возросла с 11% до 35%, то есть более чем втрое. Почти в четыре раза больше стало обладателей ученых степеней среди высокопоставленных чиновников Калининградской области: с 2007 по 2014 г. их доля возросла с 8% до 31%. В то же время, среди региональной политической элиты такой динамики не наблюдается: в трех из четырех регионах, по которым возможно сравнение, доля «остепенённых» депутатов за аналогичный период даже снизилась (наиболее существенно, с 51,5% до 40%, в Ростовской области), и только в Ленинградской области — незначительно возросла.

Словом, с формальной точки зрения, региональная политико-административная элита довольно хорошо образованна, причем уровень образования высокопоставленного чиновничества исследуемых субъектов РФ имеет выраженную тенденцию к росту.

4.3. Тип образования региональной политико-административной элиты: от «технарей» к экономистам и юристам?

Одной из важнейших характеристик властной элиты является тип образования. Политико-административные элиты разных стран существенно различаются по типу образования, но, как свидетельствуют зарубежные исследования, важной тенденцией, наблюдаемой в целом ряде государств (например, в таких, как США, Франция и Мексика) является доминирование властных персон, имеющих юридическую подготовку. Кроме знания законов, важного в деятельности государственных служащих, юридическое образование и профессия формируют ряд навыков, которые полезны для политико-административной карьеры, например, умение аргументированно излагать свою точку зрения, способность выступать посредником между конфликтующими сторонами и пр. Наконец, еще одним преимуществом юриста в плане политико-административной карьеры, является то, что, поскольку в относительно стабильных обществах законодательство меняется сравнительно медленно, он может легко вернуться к своей профессии после перерыва, и такая возможность служит важной страховкой на случай ухода с публичной должности¹.

В отличие от ряда зарубежных стран, в России среди политико-административной элиты юридическое образование является далеко не самым распространенным. Как показывают таблицы 9 и 10, с точки зрения типа первого высшего образования, региональная административно-политическая элита весьма неоднородна. Однако видно, что во всей совокупности депутатов и администраторов относительно преобладают персоны с базовой подготовкой по техническим специальностям.

Как видим, «технари», будучи самой многочисленной категорией (хотя, в целом, все же меньшинством членов региональной элиты), составляют примерно треть всей совокупности администраторов и более 40% депутатов. Вместе с тем, заметны существенные межрегиональные вариации. В частности, только четверть костромских администраторов имеет базовое техническое образование, но то же самое можно сказать

---

¹ О широком присутствии лиц с юридической подготовкой среди высокопоставленных политиков и чиновников зарубежных стран и его причинах см.: (Schlesinger 1957; Cohen 1969; Lewis 1970: 565; Podmore 1977; Dogan 1979: 5; Lammers, Nyomarkay 1982; Dogan 2003: 37-39; Linz, Jerez, Corzo 2003: 86; Kerbo, McKinstry 1995: 139).

Таблица 9

Тип первого высшего образования региональной административной элиты, в процентах (N=277)

Субъект федерации	Тип образования								
	Техническое	Экономическое	Юридическое	Гуманитарное	Военное	Управленческое	Военно-медицинское	Медицинско-ветеринарное	Другое
Санкт-Петербург	39	36	14	4	4	0	0	0	3
Ленинградская область	40	24	12	9	9	0	0	3	3
Ростовская область	28	19	0	9	28	3	0	10	3
Калининградская область	35	19	10	10	16	3	0	7	0
Костромская область	25	15	5	25	15	0	0	10	5
Хабаровский край	33	22	15	7	4	0	0	11	8
Москва	30	21	12	13	13	7	1	3	0
Новосибирская область	47	10	10	17	3	0	0	13	0
Всего	34	21	10	11	12	3	1	6	2

о почти половине новосибирских чиновников. Лишь треть депутатов Санкт-Петербурга, но более половины (55%) ростовских парламентариев имеет первое техническое образование. Впрочем, персоны с первым техническим образованием относительно доминируют почти во всех региональных элитных группах (единственным исключением является административная элита Костромской области, в которой доли чиновников с первым техническим и гуманитарным образованием одинаковы).

Важным представляется вопрос о динамике типа первого высшего образования властных групп. Как показывают исследования политико-административных элит федерального уровня, унаследованная от советского времени технократическая тенденция постепенно ослабляется:

Таблица 10

**Тип первого высшего образования региональной политической элиты
(в процентах, N=524)**

Субъект федерации	Тип образования								
	Техническое	Экономическое	Юридическое	Гуманитарное	Военное	Управленческое	Военно-медицинское	Медицинско-ветеринарное	Другое
Санкт-Петербург	33	9	11	9	21	0	3	5	9
Ленинградская область	53	15	2	2	13	4	0	9	2
Ростовская область	55	10	8	8	11	0	0	6	2
Калининградская область	36	16	5	12	24	5	0	2	0
Костромская область	33	31	0	14	11	3	0	8	0
Хабаровский край	42	12	0	17	9	6	0	12	2
Москва	44	4	8	13	15	6	0	2	8
Новосибирская область	45	17	5	11	10	1	0	5	6
Ставропольский край	35	17	15	15	7	2	2	7	0
Дагестан	51	26	10	2	0	0	0	6	5
Всего	43	15	7	10	12	2	1	6	4

доля властных персон с первым техническим образованием сокращается, тогда как процент экономистов и юристов, напротив, растет (Воронкова, Сидорова, Крыштановская 2011: 76, 77; Крыштановская 1995: 63; Шентякова 2011: 151, 152). Однако анализ региональной элиты показывает в этом отношении противоречивую картину. Как видно из Таблицы 11, в депутатском корпусе четырех регионов (Санкт-Петербурга, Ленинградской, Ростовской и Калининградской областей), по которым возможен динамический анализ, в период с 2005–2007 гг. по 2014 г. ослабления доминирования технократов практически не наблюдалась, в то время как доля экономистов повысилась лишь незначительно.

Таблица 11

**Доля депутатов с первым техническим, экономическим
и юридическим образованием (в процентах)**

Тип образования	Субъект РФ							
	Санкт-Петербург (2005) (n=66)	Санкт-Петербург (2014) (n=57)	Ленинградская обл. (2005) (n=36)	Ленинградская обл. (2014) (n=53)	Ростовская обл. (2007) (n=66)	Ростовская обл. (2014) (n=62)	Калининградская обл. (2005) (n=37)	Калининградская обл. (2014) (n=42)
Техническое	30	33	44	53	56	55	40,5	36
Экономическое	9	9	11	15	8	10	8	17
Юридическое	11	10,5	3	2	8	8	8	5

В целом, по четырем регионам, доля технически образованных политиков даже незначительно возросла, с 43% до 45%, тогда как доля экономистов поднялась с 9% до 12%, а удельный вес юристов немного снизился — с 8% до 6,5% депутатов.

Иные тенденции наблюдаются в региональной административной элите. В тех же четырех регионах доля высших администраторов с первым техническим образованием с 2005–2007 по 2012–2014 г. сократилась более чем на треть, с 54% до 35,5%. В то же время, доля экономистов резко возросла, с 9% до 24%, а доля юристов тоже поднялась, но менее значительно — с 5 до 9%. Таблица 12 показывает, что хотя динамика типа первого высшего образования административной элиты различалась по регионам, везде доля «технарей» существенно упала (причем в Ростовской области вдвое), а доля персон с первым экономическим образованием значительно выросла в трех из четырех анализируемых субъектов РФ.

В плане понимания динамики образовательного профиля региональной элиты, интерес представляет также сравнение типа образования ее различных возрастных категорий. И здесь, как показывают таблицы 13 и 14, среди двух функциональных фракций — политической и административной — наблюдаются сходные тенденции.

Таблица 12

**Доля администраторов с первым техническим, экономическим
и юридическим образованием (в процентах)**

Тип образования	Субъект РФ							
	Санкт-Петербург (2005) (n=66)	Санкт-Петербург (2014) (n=28)	Ленинградская обл. (2005) (n=29)	Ленинградская обл. (2014) (n=33)	Ростовская обл. (2007) (n=23)	Ростовская обл. (2014) (n=32)	Калининградская обл. (2005) (n=22)	Калининградская обл. (2014) (n=31)
Техническое	54,5	39	48	39	56,5	28	59	35,5
Экономическое	8	36	10	24	22	19	0	19
Юридическое	8	14	0	12	0	0	10	10

Таблица 13

**Тип первого высшего образования различных возрастных категорий
политической элиты (в процентах, N = 524)**

Возрастные категории	Тип образования		
	Техническое	Экономическое	Юридическое
22–40 лет	18	35	20
41–55 лет	43	15	6
56–90 лет	53	10	4

Таблица 14

**Тип первого высшего образования различных возрастных категорий
административной элиты (в процентах, N = 261)**

Возрастные категории	Тип образования		
	Техническое	Экономическое	Юридическое
22–40 лет	19	31	33
41–55 лет	38	18	3
56–90 лет	47	19	9

Как видим, среди самой молодой категории политиков и администраторов доля персон с первым техническим образованием, соответственно, почти в 3 и 2,5 раза меньше, чем среди представителей старшей возрастной группы. У персон с базовым экономическим и юридическим образованием — противоположная, но не менее впечатляющая динамика. В результате, «технари», уверенно преобладающие среди старшей и, в меньшей степени, средней возрастных категорий политиков и администраторов, отчетливо уступают первенство экономистам и юристам среди младшей группы элитных персон.

Какими факторами обусловлены ослабление технократической тенденции и растущая распространенность экономической и юридической подготовки среди административной элиты, а также, хотя и только в разрезе возрастной структуры, среди региональных политиков? Надо сказать, что эта динамика согласуется с общими сдвигами в образовательной структуре выпускников вузов в постсоветский период. В частности, в период с 1990 по 2006 гг. среди специалистов, окончивших государственные вузы, доля тех, кто получил образование в области экономики и управления возросла с 14% до 29%, в области гуманитарно-социальных наук (включая право) — с 12% до 22%¹ (причем надо учесть тот факт, что выпуск по этим специальностям в негосударственных вузах в 1990–2000-е гг. рос гораздо более быстрыми темпами (Выпуск специалистов ... 2014). Напротив, с 1990 по 2008 г. доля выпускников с инженерно-техническим образованием сократилась с 36,4% до 21,6% (Арефьев, Арефьева 2014). Этот сдвиг, по-видимому, проявившийся в образовательном профиле элиты, особенно ее младшего сегмента, как представляется, связан с тем, что радикальная общественная трансформация изменила востребованность разных типов знания и образования. В постсоветской России, с одной стороны, деиндустриализация экономики, сокращение занятости в промышленности ослабили, по крайней мере, относительно, потребность в технически образованных специалистах. С другой стороны, развитие капитализма, маркетизация и автономизация экономики, подчинение ее особым, рыночным законам, повысили значимость экономических знаний и образования. Одновременно, формирование капиталистической системы хозяйствования, в которой центральную роль играют договорные правоотношения между товаровладельцами,

---

¹ Подсчитано по: (Выпуск специалистов ... 2013).

способствовало росту востребованности и престижа юридического образования.

Нужно учесть и то, что тип образования политико-административных элит, во многом, отражает характер их функционирования и рекрутирования в различных обществах. В советское время, когда, в условиях директивного планирования, государство непосредственно и детально контролировало процесс производства, напрямую управляло предприятиями и отраслями народного хозяйства, наличие технических знаний было необходимым для эффективной деятельности правящих групп. Как следствие, специалисты промышленности с инженерным образованием, знающие производство, активно выдвигались на политико-административную работу (Мохов 2003: 180, 181). В современном российском обществе, где экономика выступает одним из важнейших объектов государственного регулирования, в то же время сохраняя относительную самостоятельность и функционируя по собственным, рыночным законам, наличие экономической подготовки является более существенным для политико-административной элиты, чем техническое образование. Кстати, руководство экономических структур — предприятий различных форм собственности является наиболее значимым за пределами государственной системы бассейном рекрутирования нынешних региональных администраторов и, в еще большей степени депутатов (например, в среднем, каждый шестой чиновник и каждый четвертый депутат занимал ключевую позицию в экономических структурах непосредственно перед вхождением в нынешнюю должность). Также для властной элиты определенное значение имеет и юридическая подготовка, поскольку право играет существенную, хотя и меньшую, чем в развитых странах¹, роль в осуществлении государственной власти. Тем более что, как можно предполагать, в постсоветской России, по сравнению с советским временем, господство частной собственности на средства производства (и, соответственно, автономия хозяйствующих субъектов от государства), а также несколько более либеральная политическая система повышают вероятность оспаривания решений государственных органов в судах.

Связь типа высшего образования со спецификой функционирования политико-административных элит, особенностями их роль в об-

---

¹ Примечательно, что в рейтинге правовых государств (по «Индексу верховенства закона») РФ занимает одно из последних мест См.: (Волкова 2012).

ществе подтверждается и анализом дополнительного образования региональных администраторов и депутатов. Как показывает таблица 15, второе высшее образование члены региональной административной элиты, как правило, получают по специальностям, наиболее релевантным их властной деятельности: управленческой, экономической и юридической.

Таблица 15

Тип второго высшего образования региональной административной элиты, в % (N=130)

Субъект РФ	Тип образования							
	Техническое	Экономическое	Юридическое	Гуманитарное	Военное	Управленческое	Военно-медицинское	Медицинско-ветеринарное
Санкт-Петербург	0	14	22	0	14	50	0	0
Ленинградская область	6	23,5	23,5	0	12	35	0	0
Ростовская область	0	32	16	5	21	26	0	0
Калининградская область	0	19	19	0	6	56	0	0
Костромская область	0	14	0	0	29	57	0	0
Хабаровский край	0	50	21	0	0	29	0	0
Москва	0	27	30	0	7	30	3	3
Новосибирская область	8	8	0	0	0	84	0	0
Всего	1	25	19	1	10	42	1	1

Как видно из таблицы 15, среди региональных администраторов с известным типом второго высшего образования, 86 % получили его в области управления, экономики или права; свыше 90 % чиновников с третьим образованием получили его по этим же специальностям.

Таблица 16 демонстрирует сходную картину и среди региональной политической элиты.

Из таблицы 16 видно, что среди региональных политиков, имеющих второе высшее образование, 86 % получили его в области управления, экономики или права, и почти 90 % политиков с третьим образованием получили его по тем же специальностям.

Таблица 16

**Тип второго высшего образования региональной политической элиты
(в процентах, N=230)**

Субъект РФ	Тип образования								
	Техническое	Экономическое	Юридическое	Гуманитарное	Военное	Управленческое	Военно-медицинское	Медицинско-ветеринарное	Другое
Санкт-Петербург	3	12	15	0	15	52		0	3
Ленинградская область	0	12	8	8	12	60		0	0
Ростовская область	4	20	12	4	4	56		0	0
Калининградская область	0	25	15	0	15	45		0	0
Костромская область	0	23	15	0	0	54		8	0
Хабаровский край	0	29	7	0	14	50		0	0
Москва	0	10	17	0	0	73		0	0
Новосибирская область	8	15	23	8	11	27		0	8
Ставропольский край	12	6	23	0	0	59		0	0
Дагестан	0	37	22	0	0	41		0	0
Всего	3	18	16	2	7	52		1	1

Наконец, важно подчеркнуть, что экономика с большим отрывом лидирует среди тех специальностей, по которым члены элиты имеют ученую степень кандидата или доктора наук. Так, из тех чиновников, которые защитили кандидатские диссертации, в среднем по восьми регионам, 41 % получил степень по экономике, еще 11 % — в области права. Также на экономику приходится треть защищенных администраторами докторских диссертаций (еще 5 % — на право). Аналогичная ситуация и среди политиков: в среднем по десяти регионам, примерно треть (34%) депутатов защитили кандидатские диссертации по экономическим специальностям, еще 11 % — в области права. На экономику приходится 29 % защищенных депутатами докторских диссертаций (еще 4 % — на право).

Получая дополнительное высшее образование и ученую степень в областях, непосредственно связанных с административно-политической деятельностью, представители элиты не только приобретали компетентность, необходимую для эффективного властвования и управления, но и легитимировали свои претензии на власть посредством соответствующего диплома. Это получение членами элиты дополнительных квалификаций, особенно по специальностям, в корне отличным от тех, по которым они имеют базовое образование, также может свидетельствовать об определенном инновационном потенциале властных персон, их способности к приобретению новых знаний, умений и навыков, к освоению новых областей деятельности с целью достижения более высоких позиций в изменяющейся социально-профессиональной структуре. Впрочем, поскольку члены элиты получали эти квалификации, часто уже занимая руководящие позиции, вопрос о том, были ли они результатом действительного процесса обучения и научной работы или просто приобретались с помощью власти и денег, вполне правомерен. Биографическая база данных не дает однозначного ответа на этот вопрос, но многочисленные скандалы с плагиатом в «элитных» диссертациях свидетельствуют не в пользу первого варианта.

Говоря о типе образования, нужно в заключение отметить, что важность этой характеристики властных групп связана, конечно, с тем, что, по словам Р. Патнэма, «различные типы образования, действительно, оказывают ощутимо различное влияние на элитные аттитюды» (Putnam 1976: 94). Вообще, влияние типа образования на политические ориентации подтверждается рядом исследований. Например, исследование, проведенное в 19 странах, показало, что студенты в области социальных, гуманитарных наук и права являются более политизированными и левыми, чем их коллеги в области естественных и прикладных наук (Putnam 1976: 94, 95). Еще одно исследование германской и французской элит выявило, что университетская специализация позволяет в определенной, хотя и довольно слабой степени, предсказать аттитюды властных персон (Edinger, Searing 1967). Наконец, проведенное в США исследование обнаружило зависимость политических ориентаций от научной специальности: ученые в области естественных, и, в особенности, технических и экономических наук оказались существенно консервативнее, чем их коллеги в области права и, особенно, социальных и гуманитарных наук (Ladd, Lipset 1972). Эти различия объяснялись

спецификой научных дисциплин, включая такие их характеристики, как степень интеллектуальности, консенсусный или диссенсусный характер, тесноту связей с миром бизнеса и пр. При этом авторы исследования отмечали, что различия в аттитюдах и ориентациях представителей разных научных областей могут варьироваться от общества к обществу и во времени: в частности, в СССР, жесткий идеологический контроль над общественными науками, которые выполняли консервативную функцию поддержки режима, вероятно, не поощрял приток в них критически мыслящих людей (Ladd, Lipset 1972: 1095).

Выводы этих исследований дают основания полагать, что тип образования (а также ученой степени) представителей властных групп может некоторым образом влиять на их аттитюды и ориентации (а, следовательно, и политику, и роль в развитии общества), однако эмпирических данных на этот счет по самим элитам недостаточно. Можно выдвинуть ряд предположений относительно характера такого влияния применительно к политико-административной элите. В частности, довольно высокая распространенность среди элиты базового технического образования может существенно влиять на ее установки и политику, поскольку повышает «вероятность доминирования технократизма как специфического мировидения, связанного с ним дискретного рассмотрения функционирования общества, «тоннельного видения» проблем, шаблонных путей их решения» (Быстрова, Дука, Колесник, Невский, Тев 2008: 186). В свою очередь, те представители властной элиты, которые окончили «силовые» учебные заведения (а, как показывают таблицы 9 и 10, почти каждый восьмой чиновник и депутат имеет первое военное образование), а также прошли службу в силовых структурах, могут быть, в силу своей социализации в жестко иерархической среде, особенно склонны к авторитарному стилю управления (см., напр.: Крыштановская 2005: 283, 284; Дука 2012: 104, 105). Наконец, при прочих равных условиях, чиновники с юридической подготовкой могут придавать большее значение формально-правовой стороне процесса выработки и осуществления политики, а элитные персоны с постсоветским экономическим образованием (а также опытом работы на ключевых позициях в бизнес-структурах) — демонстрировать большую приверженность буржуазным ценностям и политике неолиберализма. Следует, однако, отметить, что подтвердить или опровергнуть эти предположения можно только в результате специального исследования.

5. Характеристики карьеры региональных элит

Александр Иванович Неклесса, анализируя современную российскую элиту пишет: «В конце концов мы получили собственный элитный коктейль — поколение «П» — из представителей спецслужб, их многочисленной, разветвленной агентуры и в той или иной степени криминализованной среды. При всем различии этих людей есть у них одно общее свойство — они «люди тени», воспитанные в духе морального релятивизма, короткого (оперативно-тактического) горизонта планирования и психологии подполья» (Неклесса 2008). Это и схожие с этим мнения достаточно распространены в публицистике и аналитике. Следствия из этих суждений достаточно серьезны. Однако, возникает вопрос об ингредиентах этого «коктейля», а также насколько такая общая характеристика точно отражает состав и состояние наших групп доминирования и может быть основанием эмпирического рассмотрения бытования и функционирования отечественной региональной властной элиты.

5.1. Значимость исследования карьерных властных элит

Значимость карьеры, социально-профессионального бассейна и каналов рекрутирования политико-административных элит как предмета научного исследования определяется рядом обстоятельств. С одной стороны, их особенности, во многом, являются отражением и следствием структуры власти, присущей данному обществу или сообществу. В этой связи, анализ карьеры и каналов рекрутирования элитных персон позволяет пролить свет на характер отношений, сложившихся между различными властными группами и институциональными сферами внутри данного общества или сообщества. С другой стороны, особенности карьеры и каналов рекрутирования и, соответственно, специфика условий социализации членов властных элит могут, в некоторой мере, определять их политические ориентации и предпочтения, их склонность к защите или, напротив, ущемлению интересов определенных социальных групп, а, следовательно, их политику и роль в обществе. Впрочем, исследователи приходят к разным выводам на этот счет. Как показывают в своем обзоре П. Норрис и Д. Ловендуски (Norris, Lovenduski 1995: 210), ряд авторов ставит под сомнение наличие значимых связей между характеристиками социально-профессионального происхождения и политическими аттитюдами элит. Сами они, основываясь на анализе членов парламента Великобритании, заключают, что «профессиональ-

ный класс политиков не сильно связан с их социальными ценностями, политическими приоритетами или законодательными ролями» (Norris, Lovenduski 1995: 224). Однако, как показывает ряд других исследований (Edinger, Searing 1967; Kim 1974; Razi 1981), социально-профессиональное происхождение и особенности карьеры все же могут в известной степени влиять на политические ориентации властных групп. В частности, исследование французской и западногерманской элит, проведенное Л. Эдингером и Д. Сирингом в 1964 г., показало, что большинство переменных социального происхождения (*social background*), в той или иной степени, связано с явными и латентными аттитюдами элиты. Причем в германском случае, одним из самых существенных, с точки зрения размаха и силы, предсказателей аттитюдов была такая характеристика, как работа членов элиты в предшествующие годы (Edinger, Searing 1967). В общем, как отмечают другие исследователи, «хотя соответствие между происхождением, с одной стороны, и аттитюдами, ценностями и поведением, с другой далеко от абсолютного, исследования показали достаточно сильные корреляции для того, чтобы сделать стоящим это направление исследования» (Kerbo, Della Fave 1979: 6).

В этой связи нужно отметить и то, что гомогенность социально-профессиональных характеристик элитных персон, сходство их карьерного опыта может быть предпосылкой общности их политических аттитюдов и предпочтений, благоприятным условием для формирования среди элиты консенсуса по поводу ключевых ценностей. Как отмечали Ким и Паттерсон, «социальная гомогенность, возможно не является «ни необходимым, ни достаточным условием элитной интеграции», но, безусловно, существует очень выраженная тенденция к тому, чтобы члены элиты разделяли общий опыт в своем социальном и политическом происхождении. Такой общий опыт облегчает межличностное взаимодействие внутри политической элиты и оказывает прямые и косвенные воздействия на согласованность и совместимость ценностей членов элиты». В общем, изучение характеристик карьеры и профессионального бассейна рекрутирования региональной политико-административной элиты важно еще и потому, что позволяет оценить перспективы внутриэлитной интеграции, которая, свою очередь, считается важным фактором стабильности и эффективности политической системы (См.: Field, Higley 1980: 119; Putnam 1976: 128).

В качестве важной отправной точки, основания для анализа карьеры региональной политико-административной элиты можно исполь-

зовать присутствующее в литературе разделение между двумя типами рекрутирования в зависимости от проницаемости его каналов (См.: Putnam 1976: 47, 48). С «гильдейским» или, можно сказать, «внутренним» типом рекрутирования, предполагающим профессионализацию, в чистом виде мы сталкиваемся в том случае, когда элитная персона всю свою карьеру провела в той, административной или политической, сфере, в которой она занимает ключевую позицию в настоящее время. В качестве примера можно привести высокопоставленного чиновника, который пришел работать в администрацию после окончания вуза простым специалистом и постепенно «дорос» до элитной должности. Второй, более проницаемый, открытый или, так сказать, «внешний», тип рекрутирования мы наблюдаем тогда, когда на элитные позиции в администрации и политике приходят персоны, сделавшие карьеру в иных институциональных и профессиональных сферах, например, в бизнесе, образовании, силовых структурах и пр. Тесная взаимосвязанность различных областей общественной жизни благоприятствует такому рекрутированию. Естественно, что конкретные, индивидуальные элитные карьеры могут быть смешанными, сочетая различные типы профессионального опыта.

5.2. Карьера административной элиты

Зарубежные исследования показывают, что в разных странах наблюдаются различные паттерны карьеры высокопоставленных чиновников. В частности, в США (См., напр.: Anker, Seybold, Schwartz 1987: 103–105; Domhoff 2006: 165–171; Dye, Pickering 1974; Freitag 1975; Kerbo, Della Fave 1979) распространено внешнее рекрутирование административной элиты, которая активно пополняется выходцами из бизнеса, юриспруденции, образования и пр. Проработав некоторое время в органах исполнительной власти, такие персоны возвращаются обратно в те сферы, из которых пришли. Описанная практика получила название «вращающейся двери». В других странах, например, в Италии и Германии (см., напр.: Cassese 1999: 58; Cotta, Verzichelli 2003: 127; Hartmann 2010: 303–305, 307; Hoffmann-Lange 2001: 205; Scheuch 2003: 107) различные функциональные фракции элиты обособлены друг от друга с точки зрения карьеры, для высокопоставленного чиновничества характерна высокая степень профессионализации, и рекрутирование административной элиты из бизнеса и других сфер — редкое явление.

Доминирующей тенденцией рекрутирования региональных администраторов в восьми исследуемых субъектах РФ также является профессионализация: к моменту занятия нынешней должности подавляющее их большинство уже более или менее длительное время работали на административных постах.

Таблица 17

Работа членов административной элиты, предшествующая и предпредшествующая нынешней должности (в процентах)

Работа	Предшествующая работа (n = 312)	Предпредшествующая работа (n = 289)
Депутат	1	2
Администратор	78	63
Политический активист	1	2
Бизнесмен	16	24
Специалист	1	2
Наука, культура, образование	1	2
Силовик	1	4
Охранник	0	0
Юрист	0	0
Медик	1	1

Как показывает таблица 17, в целом по восьми регионам почти четыре пятых административной элиты непосредственно перед вхождением в нынешнюю должность уже работали чиновниками, и почти у двух третей предпредшествующая должность была административной. Причем по уровню профессионализации высшая региональная административная элита (губернатор и его заместители) практически не отличается от остальной массы чиновников. Впрочем, наблюдаются существенная вариативность в региональном разрезе: если в Ростовской области только 68 % членов административной элиты занимали административную должность перед занятием нынешней позиции, то в Москве этот показатель составляет 86 %. Если в Петербурге менее чем у половины (48 %) высокопоставленных чиновников предпредшествующая должность была административной, то в Ростовской области это можно сказать о трех четвертях членов региональной административной элиты.

О длительности работы членов административной элиты на административных постах свидетельствует и нижеследующая таблица 18.

Таблица 18

**Работа членов административной элиты
в 1993, 1995, 2000, 2004, 2008 и 2010 гг. (в процентах)**

Работа	1993 (n=237)	1995 (n=235)	2000 (n=257)	2004 (n=271)	2008 (n=282)	2010 (n=289)
Депутат	1	1	1	1,5	3	2
Администратор	24	31	47	62	71	81
Политический активист	1	0	1	1	0	0
Бизнесмен	21	24	25	22	19	13
Специалист	4	1	3	3	1	0
Наука, культура, образование	7	6	4	2	1	0
Силовик	16,5	15	9	5	3	2
Охранник	0	1	0	0	0	0
Юрист	0	0	2	1	1	1
Медик	4	4	3	1,5	1	1
Учащийся	21,5	17	5	1	0	0

Как видим, уже в первой половине 1990-х гг. почти четверть нынешних высокопоставленных региональных чиновников работала на административных должностях, а к 2000 г. этот показатель достиг почти половины.

Причем тенденция профессионализации усиливается, о чем свидетельствует сравнительный анализ данных по четырем регионам (Санкт-Петербургу, Ленинградской, Ростовской и Калининградской областям). Если в целом по указанным регионам в 2005–2007 гг. предшествующая должность была административной только у 57 % высокопоставленных чиновников, то в 2012–2004 г. — уже у 72,5 % членов элиты. Если 2005–2007 гг. в среднем по четырем регионам у 44% нынешних высших администраторов предпредшествующая должность была административной, то в 2012–2014 гг. — уже у 60 %.

Несмотря на выраженную профессионализацию и внутреннее рекрутирование, административная элита, в плане своей карьеры, является только относительно закрытой группой. Как показывает таблица 18, подавляющее большинство высокопоставленных чиновников имеет определенный опыт работы вне административной сферы в постсоветский период. При этом обращает на себя внимание ряд тенден-

ций. Во-первых, политическая элита (депутатский корпус) не является важным источником рекрутирования администраторов: лишь 1 % чиновников непосредственно перед назначением на нынешнюю должность работал депутатом, и только у 2 % такой была предпредшествующая работа. Эта тенденция, вероятно, отражает слабость парламентских институтов на региональном уровне и их контроля над административными структурами. Во-вторых, более заметной тенденцией является милитаризация административной элиты: в 1995 г. каждый седьмой нынешний высокопоставленный чиновник работал в силовых структурах. Наконец, основным источником внешнего рекрутирования высокопоставленных региональных чиновников служит бизнес — высшее руководство экономических структур. Как видно из таблицы 17, почти каждый шестой чиновник непосредственно перед вхождением в нынешнюю должность занимал ключевую позицию на предприятиях различных форм собственности, и почти у каждого четвертого администратора с руководством экономическими структурами была связана предпредшествующая работа. Причем, бизнес является «поставщиком» большего количества региональных чиновников, чем все остальные источники внешнего рекрутирования административной элиты вместе взятые. С точки зрения оценки масштабов плутократического рекрутирования, показательны и данные о занятии нынешнего административной элиты в различные годы. Как видно из таблицы, в 1993 г. каждый пятый, а в 2000 г. — каждый четвертый нынешний высокопоставленный региональный чиновник руководил бизнес-структурой.

Следует отметить, что степень плутократического рекрутирования административной элиты существенно варьируется по регионам. Наиболее высокие показатели плутократизации высокопоставленного регионального чиновничества характерны для Санкт-Петербурга. Почти каждый четвертый (23 %) петербургский администратор непосредственно перед тем, как занять нынешнюю должность, был бизнесменом, и у 38 % членов городской административной элиты с руководством экономическими структурами была связана работа, предпредшествующая нынешней должности. В то же время в Хабаровском крае только 11 % администраторов пришло непосредственно из бизнеса, а в Ростовской области только у 12,5 % чиновников с руководством предприятиями была связана работа, предпредшествующая нынешней должности.

Что касается динамики плутократизации, то ее можно проследить по четырем регионам (Санкт-Петербургу, Ленинградской, Ростовской и Калининградской областям). В целом, картина относительно стабильна. Доля чиновников, непосредственно рекрутированных из бизнеса, практически не изменилась (20 % в 2012–2014 гг. против 20,5 % в 2005–2007 гг.), тогда как удельный вес чиновников, у которых с руководством бизнесом была связана предпредшествующая работа, несколько снизился (с 30 % в 2005–2007 гг. до 24 % в 2012–2014 гг.), что, вероятно, связано со значительно возросшим уровнем профессионализации элиты, о котором говорилось выше.

Какие факторы обуславливают существенный уровень плутократизации региональной административной элиты? Во-первых, сильная и многообразная зависимость процесса накопления капитала от политики региональных властей порождает заинтересованность бизнеса в контроле над административными структурами в разнообразных формах, включая и такую прямую, как «колонизация» их своими ставленниками. Во-вторых, бизнесмены обладают различными ресурсами, с помощью которых они в состоянии существенно влиять в своих интересах на кадровую политику региональных властей. Например, финансовыми средствами, которые могут использоваться для спонсирования избирательных кампаний кандидатов в губернаторы, покупки должностей и пр. Кроме того, в силу объективной зависимости, с точки зрения доходов бюджета и политической легитимности, от экономического роста и важной роли в регулировании экономики региональные администрации испытывают потребность в таких управленцах, которые компетентны в экономических вопросах и пользуются доверием и авторитетом в стратегически важных отраслях региональной экономики и деловом сообществе в целом. Важным источником такого рода кадров выступает бизнес, выходцы из которого назначаются на ключевые административные должности, особенно в экономическом блоке. В-третьих, постоянное и тесное взаимодействие региональных властей с крупными компаниями в процессе выработки и осуществления политики, особенно по экономическим вопросам, способствует сокращению социальной дистанции, формированию знакомств и личных связей между администраторами и бизнесменами, что создает благоприятные условия для обмена кадрами.

Итак, плутократизация, силу ряда факторов, является одной из основных тенденций рекрутирования региональной административной

элиты, хотя и гораздо менее сильно выраженной, чем профессионализация. Какие последствия с точки зрения политики и роли элиты в обществе может иметь сочетание двух этих важнейших тенденций? Профессионализация может рассматриваться как показатель и предпосылка автономии высшего регионального чиновничества, его способности проводить политику, относительно независимую от интересов различных социальных групп, составляющих региональное сообщество. Однако то, что бизнес является значимым «поставщиком» и важнейшим источником «внешнего» рекрутирования административной элиты способствует тому, чтобы его интересы все же занимали привилегированное место в региональной политике по сравнению с интересами других социальных групп, выходцы из которых слабо представлены среди высокопоставленного регионального чиновничества. Следует, впрочем, отметить, что плутократизация регионального государственного аппарата может иметь противоречивые последствия. Н. Пулантзас неслучайно отмечал, что государство «лучше всего служит интересам класса капиталистов, если члены этого класса не участвуют непосредственно в государственном аппарате, то есть когда господствующий класс не является политически правящим классом» (Poulantzas 1972: 246). Тесная связь конкретных чиновников с определенными бизнес-структурами, из которых они пришли на государственную службу, может подрывать способность административной элиты проводить политику в интересах бизнеса в целом, поскольку такая политика нередко требует обуздания эгоизма особых интересов отдельных компаний и отраслей. Как писал К. Оффе, «государство, которое ... должно быть «идеальным коллективным капиталистом» <...> должно быть <...> структурой, выступающей по отношению к особым и узким интересам индивидуальных капиталистов и их политических организаций как надзорная, опекающая сила, — во всяком случае, такая сила, которая является отчужденной и суверенной властью» (Offe 1993: 108).

5.3. Карьера политической элиты

Как и административная, политическая элита также демонстрирует выраженную тенденцию к профессионализации.

Как видим из таблицы 19, в целом, более половины членов региональной политической элиты на момент вступления в нынешнюю должность уже работали депутатами, а у трети с работой в парламенте была связана предпредшествующая работа. Впрочем, наблюдаются

Таблица 19

**Работа членов политической элиты, предшествующая и
предпредшествующая нынешней должности (в процентах)**

Работа	Предшествующая работа (n = 519)	Предпредшествующая работа (n = 478)
Депутат	56	33
Администратор	9	11
Политический активист	5	5
Бизнесмен	24	39
Специалист	0	1
Наука, культура, образование	3	5
Силовик	1	3
Охранник	0	0
Юрист	1	1
Медик	1	1
Рабочий/колхозник	0	1
Учащийся	0	0

значительные различия между регионами. Наиболее профессионализированным является депутатский корпус Санкт-Петербурга и Дагестана. В Санкт-Петербурге — 77 %, а в Дагестане — 73,5 % депутатов на момент вступления в должность уже были членами регионального парламента. Для сравнения, то же самое можно сказать только о 46 % депутатов Калининградской области и 52% парламентариев Ленинградской области.

О длительности депутатской работы членов региональных законодательных собраний свидетельствует следующая таблица 20.

Как видим, в первой половине 1990-х гг. — каждый седьмой, а в 2000 г. — примерно каждый пятый член региональной элиты уже занимал депутатскую позицию.

Сравнительный анализ данных по четырем регионам (Санкт-Петербургу, Ленинградской, Ростовской и Калининградской областям) показывает, что уровень профессионализации политической элиты относительно стабилен. Так, если в целом по указанным регионам в 2005–2007 гг. 59 % членов политической элиты работали депутатами на момент вступления в должность, то в 2012–2014 гг. этот показатель составлял немногим меньше (53%). Если в 2005–2007 гг. у 29,5 % депута-

Таблица 20

Работа членов политической элиты в 1993, 1995, 2000, 2004, 2008 и 2010 гг. (в процентах)

Работа	1993 (n=405)	1995 (n=423)	2000 (n=453)	2004 (n=467)	2008 (n=501)	2010 (n=497)
Депутат	14	12	21	36	61	75
Администратор	10	14	13	10	8	7
Политический активист	1,5	3	3	5	4	2
Бизнесмен	37,5	44	44	38	23	14
Специалист	10	3	2	2	1	1
Наука, культура, образование	3	7	6	4	2	1
Силовик	9	7	4	2	1	0
Охранник	0	0	0	0	0	0
Юрист	1	1	2	1	0	0
Медик	3	3	2	1	0	0
Рабочий/колхозник	1	0	0	0	0	0
Учащийся	10	6	3	1	0	0

тов с работой в парламенте была связана предпредшествующая работа, то в 2012–2014 гг. это показатель не изменился, составив 30%.

В целом, однако, по уровню профессионализации региональная политическая элита значительно уступает административной. Во-первых, это связано с особенностью правовых норм, регулирующих деятельность депутатов и чиновников регионального уровня. Все региональные администраторы обязаны работать в органах исполнительной власти на профессиональной основе и не вправе заниматься другой оплачиваемой деятельностью (кроме педагогической, научной и иной творческой). Напротив, во многих регионах значительная часть депутатов вправе работать на непостоянной основе, совмещая свои обязанности с основной работой. Впрочем, в этом смысле ситуация сильно варьируется по исследуемым субъектам РФ. Так, Законодательное собрание Петербурга, по закону, работает полностью на профессиональной основе, то же самое можно сказать о Московской городской Думе пятого созыва, члены которой были включены в исследовательскую совокупность (в столичном парламенте шестого созыва положение изменилось, и только 18 из 45 депутатов вправе работать на освобожденной

основе (В Мосгордуме... 2014)). В Ленинградской области на профессиональной основе работают 41 из 50 депутатов (В заксобрании Ленобласти... 2015), в Калининградской областной думе — 21 из 40 (Калининградская областная Дума... 2015); в Народном собрании Республики Дагестан — 40 из 90 народных избранников (Закон Республики Дагестан ... 2015). В Костромской областной Думе пятого созыва — только 8 из 36 депутатов были профессионалами (Пятый созыв... 2015). В Законодательной Думе Хабаровского края на постоянной основе могут работать не более половины депутатов (Законодательная Дума... 2015). Таким образом, мы видим, что в силу особенностей институционального дизайна региональных парламентов и норм, регулирующих их функционирование, политическая элита, в значительной мере, состоит из непрофессионалов, для которых не депутатство, а другая работа служит основным источником дохода, занимая большую часть их рабочего времени.

Во-вторых, на уровень профессионализации властных групп влияют и особенности процедуры рекрутирования их членов. Если высокопоставленные региональные чиновники, кроме губернатора, назначаются на свои должности (хотя и по согласованию с депутатами), то депутаты избираются населением субъекта федерации. Механизм рекрутирования политической элиты является более демократичным и дает больший контроль над процессом ее формирования «внешним» по отношению к ней социально-профессиональным группам, выходцы из которых существенно более широко представлены в ее составе, чем среди администраторов. Однако проявляется весьма выраженное неравенство в доступе членов различных социально-профессиональных групп в региональную политическую элиту. Хотя члены низших классов — рабочие и крестьяне составляют значительную долю избирателей, для них такой доступ фактически закрыт. Как видно из таблицы 19, всего 1 % депутатов регионального уровня были рабочими или крестьянами по характеру своей предпредшествующей работы. Причем такие депутаты встречались только в двух регионах — Ростовской и Ленинградской областях. Как показывает таблица 20, в 1993 г. тоже лишь 1 % членов нынешней политической элиты занимал «рабоче-крестьянскую» позицию, в последующие годы доля депутатов, занимающих такое положение в социально-профессиональной структуре, сократилась до нуля. Эта ситуация, в целом, неудивительна, учитывая неразвитость в России таких политических партий и социальных дви-

жений, прежде всего, левого толка, в форме и посредством которых члены неимущих классов могли бы объединять свои скромные ресурсы и относительно успешно участвовать в политической жизни. В современной России нет по-настоящему массовых, тесно связанных с профсоюзами и притом электорально успешных левых партий, которые в странах Запада в свое время служили, в известной степени, политическим лифтом для членов подчиненных классов.

По сравнению с низшими классами, группы, занимающие средние, промежуточные позиции в социально-профессиональной структуре, несколько шире, хотя тоже довольно скромно, представлены в региональной политической элите. Так, в целом, по десяти исследуемым регионам около 5 % депутатов непосредственно перед вхождением в нынешнюю должность были специалистами различных предприятий и организаций или работали в сфере науки, культуры, образования, медицины и юриспруденции. У 8 % депутатов с такого рода профессиональной деятельностью была связана позиция, предпосредствующая нынешней должности. Кроме того, как показывает таблица 2, в 1993 г. в такую профессиональную деятельность были вовлечены 17 % нынешних депутатов, но в последующие годы этот показатель неуклонно снижался.

Одна из относительно широко представленных в региональном депутатском корпусе категорий — это бывшие администраторы. Как показывает таблица 20, примерно каждый десятый депутат были чиновником на своей предшествующей и предпосредствующей работе. В 1993 г. — каждый десятый, а в 1995 г. — каждый седьмой региональный парламентарий работал на административных позициях. В некоторых случаях в депутатский корпус переходят чиновники довольно высокого уровня, которые занимают в законодательных собраниях ключевые посты. В частности, нынешней председатель Законодательной думы Хабаровского края ранее работал первым заместителем председателя краевого правительства, а председатель Законодательного собрания Ростовской области перед избранием депутатом был заместителем главы областной администрации. Такого рода рекрутирование высокопоставленных чиновников на командные высоты в региональных законодательных собраниях можно рассматривать как форму проявления и, одновременно, способ закрепления зависимости представительной власти от административных структур.

Как и в случае в административной элите, основным источником внешнего рекрутирования региональной политической элиты являет-

ся бизнес — высшее руководство экономических структур различных форм собственности. Причем его роль в качестве поставщика региональных депутатов гораздо весомее его роли как бассейна рекрутирования высокопоставленных чиновников. Как показывает таблица 20, примерно четверть депутатов занимали ключевые позиции в экономических структурах непосредственно перед вхождением в нынешнюю должность, и у почти 40% с руководством предприятиями была связана предпредшествующая работа. Фактически мы видим, что бизнес составляет больше депутатов, чем все остальные источники внешнего рекрутирования политической элиты вместе взятые. Более того, если посмотреть на показатель предпредшествующей работы членов политической элиты, а также их работы в 1990-е — первой половине 2000-х гг., то окажется, что плутократизация является более выраженной тенденцией рекрутирования регионального депутатского корпуса, чем профессионализация. В частности, 2000 г. только одна пятая нынешних депутатов работали депутатами, тогда как 44 % руководили различными предприятиями.

Говоря о динамике, следует отметить, что данные по четырем регионам (Санкт-Петербургу, Ленинградской, Ростовской и Калининградской областям) свидетельствуют о том, что уровни плутократизации политической элиты немного возросли. Так, если в 2005–2007 гг. 24 %, то в 2013–2014 гг. — 26 % депутатов непосредственно перед вхождением в нынешнюю должность были руководителями предприятий; если в 2005–2007 гг. у 33 %, то в 2013–2014 — уже у 39 % депутатов с руководством бизнесом была связана предпредшествующая работа.

Представляют интерес и существенные региональные вариации масштабов плутократического рекрутирования политической элиты. Наиболее низкие уровни плутократизации демонстрирует депутатский корпус Санкт-Петербурга, Москвы и Дагестана, где, соответственно, 5 %, 10 % и 12 % парламентариев непосредственно перед избранием руководили экономическими структурами. Наиболее широко представлены бизнесмены среди политической элиты Ростовской и Калининградской областей, в которых, соответственно, 38 % и 35 % народных избранников занимали ключевые позиции на предприятиях перед тем, как занять нынешнюю должность.

Широкое присутствие бизнесменов в представительных органах субъектов РФ, в общем, неудивительно и подтверждается рядом исследований (см., напр.: Сакаева 2012: 97; Тев 2012: 105–109; Тев 2012: 65–73;

Чирикова 2005: 196–197). Как уже отмечалось, процесс накопления капитала сильно зависит от политики органов государственной и муниципальной власти, связи в которых являются одним из важных условий успешного ведения бизнеса. В этом смысле, бизнесмены могут быть заинтересованы в депутатском мандате, который облегчает доступ к чиновникам и другим влиятельным персонам, дает возможность участвовать в законотворческом процессе в интересах своей фирмы, отрасли или делового сообщества в целом, а также позволяет получать различные преференции от региональных и местных властей в обмен на лояльность при принятии тех или иных политических решений, включая утверждение назначений. Конечно, многие бизнесмены — весьма занятые люди и, кроме того, капиталисты нередко избегают излишней публичности, придерживаясь принципа «деньги любят тишину». В принципе, чтобы отстаивать свои интересы, им не обязательно самим избираться в представительные органы, они могут использовать с этой целью других депутатов, финансируя их избирательные кампании или просто подкупая их. Но всегда существует вероятность оппортунизма таких ставленников, которые могут, в силу разных причин, отказаться от выполнения своих обязательства перед спонсорами. Поэтому собственное присутствие капиталиста в органе представительной власти может быть более надежной стратегией. Кроме того, надо иметь в виду, что интерес бизнеса к депутатскому мандату не ограничивается материальной, лоббистской составляющей, существенную роль играют и другие мотивы, в частности, соображения престижа и статуса, стремление к самореализации и пр. Наконец, важной предпосылкой выбора капиталистами стратегии прямого, личного, а не только опосредованного присутствия в органах представительной власти является институциональный дизайн региональных парламентов. Как уже говорилось, в России, включая исследуемые регионы, во многих таких органах значительная, даже преобладающая часть депутатов, по закону, вправе работать на непостоянной основе, предполагающей возможность совмещения депутатства с основной работой, например, в бизнесе. Таким образом, бизнесмены могут занимать депутатские посты, не покидая командных высот в экономических структурах, что важно с точки зрения сохранения контроля над капиталом, прежде всего, для наемных менеджеров. Отсутствие института парламентского совместительства, вероятно, ослабило бы интерес многих представителей бизнеса к депутатским мандатам в силу высоких издержек смены

работы¹. В этом смысле, не случайно, что наименьший уровень плутократизации характерен для региональных парламентов Санкт-Петербурга и Москвы, где все депутаты должны работать на профессиональной постоянной основе и не вправе совмещать свои обязанности с коммерческой деятельностью.

В плане ресурсов, которые можно мобилизовать для успешной избирательной кампании, крупные бизнесмены намного превосходят большинство других социально-профессиональных групп. Важнейший ресурс, находящийся в распоряжении капиталистов, это, конечно, финансовые средства, от доступа к которым, несмотря на государственное финансирование, существенно зависят политические партии, прежде всего, «Единая Россия» и ЛДПР. Так, согласно финансовому отчету «партии власти» за 2014 г., государственное финансирование составило чуть более половины поступлений в ее бюджет, тогда как львиная доля остальных средств была собрана за счет пожертвований (Сводный финансовый отчет... «Единая Россия»... 2015; см. также: Сводный финансовый отчет... ЛДПР... 2015). Впрочем, говоря о политических ресурсах бизнеса, не следует также забывать и об организационных возможностях возглавляемых капиталистами фирм, а также о средствах массовой информации, которыми нередко владеют предприниматели. Кроме того, руководители крупнейших предприятий, являющиеся основными работодателями и налогоплательщиками в городах и регионах, обладают значительной структурной властью. Объективная зависимость благосостояния избирателей и доходов бюджета от успешной работы таких предприятий облегчает их руководству представление своих частных интересов в качестве всеобщих, что является важной предпосылкой успешной предвыборной агитации. Наконец, стоит также добавить, что находящиеся в многообразной зависимости от крупного капитала региональные власти нередко оказывают административную поддержку кандидатам-бизнесменам.

Высокая степень плутократизации региональной политической элиты, почти полное отсутствие в ней представителей рабочего класса, сравнительно слабая представленность средних слоев и абсолютное доминирование в ее составе выходцев из властных групп (так, почти 90 % парламентариев перед вхождением в нынешнюю должность занимали

---

¹ О роли института парламентского совместительства в плутократизации региональных законодательных собраний см., напр.: (Афанасьев 1998).

позиции депутатов, администраторов или бизнесменов) позволяют говорить о довольно высоком уровне ее социальной однородности. Это обстоятельство может способствовать внутриэлитной интеграции. Так же плутократизация депутатского корпуса благоприятствует тому, чтобы интересы бизнеса или класса капиталистов (такие, например, как обеспечение благоприятного инвестиционного климата) занимали привилегированное, приоритетное место в его политике (тем более что этому способствуют и структурные факторы) и, более того, отождествлялись парламентариями с интересами регионального сообщества в целом. Тесная связь региональной политической элиты с бизнесом, существенно ограничивает ее способность выступать в качестве субъекта инициирования и осуществления социальных реформ, отвечающих интересам большинства жителей региона. Вместе с тем, понятно, что депутаты, связанные с бизнесом, имеют не только общие («общеклассовые»), но и специальные, особенные интересы, обусловленные спецификой условий накопления капитала, характерных для тех предприятий и отраслей, которые они представляют. В этом смысле, широкое присутствие бизнесменов в депутатском корпусе может способствовать дезинтеграции региональной политической элиты, пронизанной противоречиями и соперничеством различных особенных деловых интересов.

Фиксируемая нами плутократизация региональных элит связана, как указывают исследователи (Пшизова 2007; Гаман-Голутвина 2012), с трансформацией политики в специфическую сферу бизнеса. Это означает, что политико-административные элиты ориентируются в своем политическом поведении на бизнес-стратегии (Пшизова 2007: ч. II: 75). Бизнес-сфера при всей своей кажущейся ориентации на новое, инновации, всё же ориентируется на прибыль и доходность своей деятельности. И здесь субъективно-групповая оптимальность может быть вполне связана с ориентацией на консервацию существующих институтов, структур, отношений. Помимо этого, бизнес-стратегия совершенно не чужда и коррупции, выступающей в данном контексте как оптимизирующий институт.

Если определять основные сферы социальной активности как суббассейны рекрутирования, то диахронный сравнительный анализ показывает, что три сферы — политико-административная, хозяйственно-экономическая и силовая в настоящее время являются местом предшествующей работы для девяноста и более процентов членов по-

литико-административного сегмента регионального элитного сообщества. За шесть лет до этого только в Санкт-Петербурге и Хабаровске (из сравниваемых регионов) доля рекрутантов из этих сфер была выше половины. Происходит профессионализация, сужение бассейна рекрутирования и переплетение политико-административного, экономического и военных секторов. Отсюда такие важные характеристики российского общества как административно-бюрократический характер управления, плутократическое господство с акцентом на силовое подкрепление административного и экономического принуждения. Следствием является централизованное доминирование исполнительной власти и соответствующих элитных групп. Общей характеристикой эволюции властных групп является олигархизация, что связано с сужением бассейна рекрутирования. Вместе с тем, можно наблюдать профессионализацию всех секторов властных элит, что, однако, не связано с возможной их эффективностью. Одновременно институционализация региональных элит достигает высокого уровня. Вместе с тем, следует подчеркнуть гетерогенность региональных элит, что связано естественным образом с большой региональной дифференциацией.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

На основании исследования социально-структурных характеристик властных групп десяти регионов можно утверждать, что инновационный потенциал региональных политико-административных элит невысок. Вместе с тем, отчетливо выражена региональная дифференциация элитного сообщества. Выявленные характеристики региональной административной элиты представляются более благоприятными для позитивного развития регионов.

Еще один аспект описываемой проблемы связан с возможностями внутри данной социетальной системы осуществлять необходимые действия, направленные на позитивное развитие. Если общесоциетальные структурные характеристики — слабость развития гражданского общества, нерешенность для большинства населения страны проблем экзистенциальной безопасности, что препятствует распространению в российском обществе таких ценностей, как стремления к свободе, самореализации, обеспечению равенства прав и заботы о других людях, и возможности эффективно соорганизовываться для решения возникающих коллективных и индивидуальных проблем — могут способство-

вать значительной автономии властных групп для решения необходимых преобразований, то особенности развития элит этому не способствуют. Прежде всего, следует отметить отсутствие в достаточной степени от-рефлексируемых членами элитного сообщества ориентиров развития страны как целого образования, а также доминирования общих интересов над групповыми и индивидуальными. Как показывают исследования наших зарубежных коллег, без этого не возникает такого феномена как «государство развития» (“developmental state”, “acceleration state”), и не приходится рассчитывать на реализацию идей или планов ускоренного социально-экономического развития страны по примеру некоторых азиатских и латиноамериканских государств.

Существенно снижающим фактором для ориентации на инновационное развитие может выступать плутократизация административно-политической элиты.

Литература и источники

Анисимов Е.В. Шведская модель с русской особенностью: Реформа власти и управления при Петре Великом // Реформы и власть. СПб.: Издание журнала «Звезда», 1995. С. 3–40.

Аношкина В.Л., Резванов С. В. Образование. Инновация. Будущее. (Методологические и социокультурные проблемы). — Ростов-на-Дону: Изд-во РО ИПК и ПРО, 2001.

Арефьев А.Л., Арефьева М.А. Об инженерно-техническом образовании в России. URL: http://www.socioprognoz.ru/files/File/publ/Inkzenerno_tehnicheskoe.pdf (дата обращения: 20.09.2014).

Афанасьев М.Н. В России сформированы представительные собрания правящих региональных групп // Власть. 1998. № 2. С. 43–45.

Ашин Г.К. Формы рекрутирования политических элит // Общественные науки и современность. 1998. № 3. С. 85–96.

Буянова С. М. Возраст как фактор отношения к инновациям // Экономическая психология и поведенческая экономика в условиях глобальных социальных и экономических изменений: Материалы Всероссийской научной конференции / Отв. ред. А.Н. Лебедев. М.: ООО «Издательство «Спутник+», 2014. С. 81–84.

Быстрова А.С., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Российские региональные элиты: инновационный потенциал в контексте глобализации // Глобализация в российском обществе: сб. науч. трудов / Под ред. Елисевой И.И. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 99–242.

В заксобрании Ленобласти отказались сокращать число парламентариев, получающих зарплату. URL: <http://tass.ru/politika/2005154> (дата обращения: 29.05.2015).

В Мосгордуме на постоянной основе будут работать 18 депутатов. URL: <http://rbcdaily.ru/politics/562949992433221> (дата обращения: 23.09.2014).

Волкова А. Рейтинг правовых государств: Россия провалилась по всем показателям. URL: <http://rating.rbc.ru/article.shtml?2012/11/29/33830812> (дата обращения: 20.12.2012).

Воронкова О.А., Сидорова А.А., Крыштановская О.В. Российский истеблишмент: пути и методы обновления // Полис. 2011. №1. С. 66–79.

Выпуск специалистов государственными высшими учебными заведениями по группам специальностей (тысяч человек), до 2006 года включительно // Статистика российского образования. URL: http://stat.edu.ru/scr/db.cgi?act=listDB&t=2_6_17&tttype=2&Field=All (дата обращения: 17.06.2013).

Выпуск специалистов негосударственными высшими учебными заведениями по группам специальностей (тысяч человек) (2014) // Статистика российского образования. URL: http://stat.edu.ru/scr/db.cgi?act=listDB&t=2_6_18&tttype=2&Field=All (дата обращения: 18.09.2014).

Гаман-Голутвина О.В. Метафизика элитных трансформаций в России // Полис. 2012. №4. С. 23–40.

Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006.

Гаман-Голутвина О.В. Проблема субъекта модернизации в России: историко-концептуальные аспекты и современное состояние // Элиты и лидеры: традиционализм и новаторство: [сборник] / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории; [редкол.: Е.Ю. Сергеев (отв. ред.) и др.]. Москва: Наука, 2007. С. 22–38.

Головин Н.А. Теоретико-методологические основы исследования политической социализации. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2004.

Дука А.В. Амбициозные мигранты и интеллигентные петербуржцы (дифференциации в региональной элите) // Российские властные институты и элиты в трансформации: Материалы восьмого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / Отв. ред. А.В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2011. С. 285–304.

Дука А.В. К вопросу о милитократии: силовики в региональных властных элитах // Властные структуры и группы доминирования: Материалы десятого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / Отв. ред. А.В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2012. Р. 94–120.

Закон Республики Дагестан от 13 июля 1995 года N 1 «О статусе депутата Народного собрания Республики Дагестан» (с изменениями на: 12.01.2015). URL: <http://docs.cntd.ru/document/802037539> (дата обращения: 06.07.2015).

Законодательная Дума Хабаровского края. URL: <http://www.duma.khv.ru/?a=270100256> (дата обращения: 09.08.2015).

Калининградская областная Дума пятого созыва (2011–2016). URL: <http://duma39.ru/duma/index.php> (дата обращения: 06.07.2015).

Кашиев О.С. Усиление инновационного потенциала России путем развития административно-правового регулирования // Государственное управление в XXI веке: традиции и инновации. 9-я Международная конференция (25–27 мая 2011 г.). Часть 2. М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 358–363.

Кисуркин А.А. Факторы, влияющие на инновационное развитие региона, и их классификация по уровням управления // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 2. [Электронный научный журнал | ISSN 2070-7428.] URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=5762> (дата обращения: 08.10.2017).

Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А., Хохлушкина Ф.А. Образование и жизненные траектории молодежи: 1998–2008 годы. М.: ЦСПиМ, 2011. Электронный ресурс. Режим доступа: URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Konstantinovsky_Obrazovanie.pdf (доступно 20.12.2015)

Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005.

Крыштановская О. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. №1. С. 51–65.

Левада Ю.А. Поколения XX века: возможности исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. №5 (55). С. 7–13.

Манхейм К. Человек и общество в эпоху преобразования // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 277–411.

Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1945–1991 гг.). Пермь: Пермское книжное издательство, 2003.

Некlessа А. Время коротких горизонтов // Независимая газета. 26.06.2008. URL: http://www.ng.ru/ideas/2008-06-26/10_modernizatsia.html (доступно 20.10.2016)

Окара А.Н. Милитократия vs. креатократия: выбор модели модернизации в современной России как социально- философская проблема // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2009. №4 (15). С. 253–260.

Политическая социализация российских граждан в период трансформации / Под ред. Е.Б. Шестопал. М.: Некоммерческое партнерство «Новый Хронограф», 2008.

Примаков Е.М. Государство как главный источник инновационного развития // Примаков Е.М. Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России. М.: Изд. Московского ун-та, 2014. С. 83–98.

Пишизова С. Н. Политика как бизнес: российская версия (I–II). — Полис. 2007. № 2. С. 109–123; № 3. С. 65–77.

Пятый созыв в цифрах. URL: http://www.kosoblduma.ru/press/article/Piatyiy_sozyv_v_cifrah.html (дата обращения: 07.08.2015).

Ремизов М. Мобилизационный пакт для элиты // Известия. 6.04.2009. URL: <https://iz.ru/news/347198> (доступно 20.10.2016).

Сакаева М.М. Парламент как «окно возможностей»: исследование поведения предпринимателей с депутатским мандатом в ходе реализации рыночных интересов // Экономическая социология. 2012. Т. 13. № 3. С. 96–122.

Сафронов В. Поддержка политической системы в России: взгляды элиты и массовой публики // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009. № 6. С. 16–29; 2010. № 1. С. 23–35.

Сафронов В. Политическая культура Санкт-Петербурга: поддержка демократии элитой и массовой публикой // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. СПб., 2008. №6. С. 16–29.

Сводный финансовый отчет политической партии Всероссийская политическая партия «Единая Россия». Отчетный период: 2013–2014 годы. URL: http://www.cikrf.ru/politparty/finance/svodn_otchet_14/EDINAYA.pdf (дата обращения: 17.03.2015).

Сводный финансовый отчет политической партии Политическая партия ЛДПР — Либерально демократическая партия России (ЛДПР). Отчетный период: 2013–2014 годы. URL: http://www.cikrf.ru/politparty/finance/svodn_otchet_14/LDPR.PDF (дата обращения: 17.03.2015).

Селезнев П.С. Элиты как инициаторы инноваций в современном мире (на примере Российской Федерации) // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2015. № 4 (20). С. 13–19.

Советова О.С. Основы социальной психологии инноваций. СПб.: Издательство СПбГУ, 2010.

Социальный потенциал инновационного развития экономики: украинские реалии / Под ред. В.В. Вороны и Т.О. Петрушиной. Киев: Институт социологии НАН Украины, 2014.

Сунгуров А.Ю. Как возникают политические инновации: «фабрики мысли» и другие институты-медиаторы. М.: РОССПЭН, 2015.

Тев Д.Б. Партии «второго эшелона» в региональных парламентах: особенности бассейна рекрутирования депутатов КПрФ, Справедливой России и ЛДПР // Вестник Пермского государственного университета. Серия «Политология». 2012. № 1 (17). С. 88–111.

Тев Д.Б. Региональный депутатский корпус партий «второго эшелона»: сравнительный анализ бассейна рекрутирования парламентариев КПрФ, «Справедливой России» и ЛДПР // Властные структуры и группы доминирования / Материалы десятого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / Под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 52–75.

Харрисон Л. Евреи, конфуцианцы и протестанты: Культурный капитал и конец мультикультурализма / Лоуренс Харрисон; пер. с англ. Ю. Кузнецова. М.: Мысль, 2016.

Хоффманн-Ланге У. Ценностные ориентации и поддержка демократии среди элитных и массовых групп в старых и новых демократиях // Политические

элиты в старых и новых демократиях: сб. ст. / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной, А. П. Клемешева. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. С. 72–89.

Чирикова А.Е. Региональные парламенты: ресурсный потенциал и неформальные правила политической игры // Власть и элиты в российской трансформации: Сб. научных статей / Под ред. А.В. Дуки. СПб: Интерсоцис, 2005. С. 194–222.

Шентякова А.В. Политическая и административная элита: качественный состав и каналы рекрутирования // Российские властные институты и элиты в трансформации: Материалы восьмого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации». Ред. Дука А.В. СПб.: Интерсоцис, 2011. С. 145–156.

Anker L., Seybold P., Schwartz M. The Ties That Bind Business and Government, in: *The Structure of Power in America: The Corporate Elite as a Ruling Class*, ed. by Schwartz M. New York: Holmes & Meier, 1987, p. 96–121.

Bass, Bernard M. Two Decades of Research and Development in Transformational Leadership, *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 1999, 8 (1), pp. 9–32.

Burns, James MacGregor. *Leadership*. New York: Harper & Row, 1978.

Carbon C.-C., Schoormans J.P.L. Rigidity rather than age as a limiting factor in the appreciation of innovative design, *Swiss Journal of Psychology*, 2012, 71 (2), pp. 51–58.

Cassese S. Italy's Senior Civil Service: An Ossified World, in: *Bureaucratic Elites in Western European States. A Comparative Analysis of Top Officials*, ed. by Page E.C., Wright V. Oxford: Oxford University Press, 1999, p. 55–64.

Cohen M. Lawyers and Political Careers, *Law & Society Review*, 1969, 3 (4), pp. 563–574.

Cornell University, INSEAD, and WIPO (2015): *The Global Innovation Index 2015: Effective Innovation Policies for Development*, Fontainebleau, Ithaca, and Geneva. 418 pp. URL: <https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/reportpdf/gii-full-report-2015-v6.pdf#> (available: September 20, 2016).

Cotta M., Verzichelli L. Ministers in Italy: Notables, Party Men, Technocrats and Media Men, in: *Who Govern Southern Europe? Regime Change and Ministerial Recruitment, 1850–2000*, ed. by Almeida P.T., Pinto A.C., Bermeo N. London: Frank Cass, 2003, p. 109–142.

Dahl, Robert A. A Critique of the Ruling Elite Model, *The American Political Science Review*, 1958, 52 (2), pp. 463–469.

Dahl, Robert. *Who Governs? Democracy and Power in an American City*. New Haven; London: Yale University Press, 1961.

Dino R.N. Crossing Boundaries: Toward Integrating Creativity, Innovation, and Entrepreneurship Research Through Practice, *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, 2015, 9 (2), pp. 139–146.

Dogan M. How to Become a Cabinet Minister in France: Career Pathways, 1870–1978, *Comparative Politics*, 1979, 12 (1), p. 1–25.

Dogan M. Is there a Ruling Class in France? In: *Elite configurations at the apex of power*, ed. by Dogan M. Leiden-Boston: Brill, 2003, p. 17–90.

Domhoff G.W. *Who Rules America? Power, Politics and Social Change*. New York: McGraw-Hill, 2006.

Downton, James V. *Rebel leadership: commitment and charisma in the revolutionary process* / James V. Downton, Jr. New York: Free Press, 1973.

Dye T.R., Pickering J.W. Governmental and Corporate Elites: Convergence and Differentiation, *The Journal of Politics*, 1974, 36 (4), pp. 900–925.

Edinger L.J., Searing D.D. Social Background in Elite Analysis: A Methodological Inquiry, *American Political Science Review*, 1967, 61 (2), pp. 428–445.

Edison, H.; Ali, N.B.; Torkar, R. Towards innovation measurement in the software industry. *Journal of Systems and Software*, 2013, 86 (5), pp. 1390–1407.

Field G.L., Higley J. *Elitism*. London: Routledge & Kegan Paul, 1980.

Fletcher J.F. Mass and Elite Attitudes about Wiretapping in Canada: implications for democratic theory and politics, *The Public Opinion Quarterly*, 1989, 53 (2), pp. 225–245.

Freitag P.J. The Cabinet and Big Business: A Study of Interlocks, *Social Problems*, 1975, 23 (2), pp. 137–152.

Harrison L.E. Promoting Progressive Culture Change, in: *Culture Matters: How Values Shape Human Progress*, ed. by L.E. Harrison and S.P. Huntington. N.Y.: Basic Books, 2000.

Hartmann M. Elites and Power Structure, in: *Handbook of European Societies. Social Transformations in the 21st Century*, ed. by Immerfall S., Therborn G. Berlin, New York: Springer, 2010, p. 291–324.

Hoffmann-Lange U. Elite Research in Germany, *International Review of Sociology*, 2001, 11 (2), pp. 201–216.

Jackman R.W. Political Elites, Mass Publics, and Support for Democratic Principles, *The Journal of Politics*, 1972, 34 (3), pp. 753–773.

Kerbo H.R., Della Fave L.R. The Empirical Side of the Power Elite Debate: an Assessment and Critique of Recent Research, *Sociological Quarterly*, 1979, 20 (1), pp. 5–22.

Kerbo H.R., McKinstry J.A. *Who Rules Japan? The Inner Circles of Economic and Political Power*. Westport, CT: Praeger, 1995.

Kim C. Attitudinal Effects of Legislative Recruitment: The Case of Japanese Assemblymen, *Comparative Politics*, 1974, 7 (1), pp. 109–126.

Ladd E.C.Jr., Lipset S.M. Politics of Academic Natural Scientists and Engineers, *Science*. 1972, 176 (4039), pp. 1091–1100.

Lammers W.W., Nyomarkay J.L. The Canadian Cabinet in Comparative Perspective, *Canadian Journal of Political Science*, 1982, 15 (1), pp. 29–47.

Lewis E.G. Social Backgrounds of French Ministers, 1944–1967, *The Western Political Quarterly*, 1970, 2 (3), pp. 564–578.

Linz J.J., Jerez M., Corzo S. Ministers and Regimes in Spain: From the First to the Second Restoration, 1874–2002, in: *Who governs Southern Europe? Regime Change and Ministerial Recruitment, 1850–2000*, ed. by Almeida P.T., Pinto A.C., Bermeo N. London: Frank Cass Publishers, 2003, p 38–108.

Martin. Transformational Leadership Guide: Definition, Qualities, Pros & Cons, Examples, Site “CLEVERISM,” August 16, 2016. URL: <https://www.cleverism.com/transformational-leadership-guide/> (available December 20, 2016).

Matthews D.R. United States Senators and the Class Structure, *The Public Opinion Quarterly*, 1954, 18 (1), pp. 5–22.

McClosky H. Consensus and Ideology in American Politics, *American Political Science Review*, 1964, 58 (2), pp. 361–382.

Miller A.H., Hesli V.L., Reisinger W.M. Comparing Citizen and Elite Belief Systems in Post-Soviet Russia and Ukraine, *Public Opinion Quarterly*, 1995, 59 (1), pp. 1–40.

Miller A.H., Hesli V.L., Reisinger W.M. Conceptions of Democracy Among Mass and Elite in Post-Soviet Societies, *British Journal of Political Science*, 1997, 27 (2), pp. 157–190.

Miller A.H., Reisinger W.M., Hesli V.L. Establishing Representation in Post-Soviet Societies: Change in Mass and Elite Attitudes Toward Democracy and the Market, 1992–1995, *Electoral Studies*, 1998, 17 (3), pp. 327–349.

Miller W.L., Timpson A.M., Lessnoff M. *Political Culture in Contemporary Britain: People and Politicians, Principles and Practice*. Oxford, U.K.: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1996.

Norris P., Lovenduski J. *Political Recruitment: Gender, race and class in the British parliament*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

Oeij P.R.A., Dhondt S., Korver T. Workplace Innovation, Social Innovation, and Social Quality, *The International Journal of Social Quality*, 2011, 1 (2), pp. 31–49.

Offe C. Class Rule and the Political System: On the Selectiveness of Political Institutions, in: *The State: Critical Concepts*, ed. By Hall J.A. London, New York: Routledge, 1993. Vol. 1, p. 104–129.

Old problems, new solutions: Measuring the capacity for social innovation across the world: An Economist Intelligence Unit study. Ed. by Naka Kondo. London, 2016. 46 pp. URL: https://www.eiuperspectives.economist.com/sites/default/files/Social_Innovation_Index.pdf (available: December 10, 2016).

Pierce J., Delbecq A.L. Organization Structure, Individual Attitudes and Innovation, *The Academy of Management Review*, 1977, 2 (1), pp. 27–37.

Podmore D. Lawyers and Politics, *Journal of Law and Society*, 1977, 4 (2), pp. 155–185.

Poulantzas N. The Problem of the Capitalist State, in: *Ideology in Social Science. Readings in Critical Social Theory*, ed. by Blackburn R. London: Fontana, 1972, p. 238–252.

Putnam R.D. *The Comparative Study of Political Elites*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1976.

Razi G. Democratic-Authoritarian Attitudes and Social Background in a Non-Western Society: A Study of the Iranian Elite, *Comparative Politics*, 1981, 14 (1), pp. 53–74.

Riesman, David. *The Lonely Crowd: A Study of the Changing American Character*. N.Y.: Doublday Anchor Edition, 1953.

Saint Peter L., Williams J. A. Jr., Johnson D.R. Comments on Jackman's 'Political Elites, Mass Publics, and Support for Democratic Principles', *Journal of Politics*, 1977, 39 (1), pp. 176–184.

Scheuch E. The Structure of the German Elite across Regime Changes, in: *Elite Configurations at the Apex of Power*, ed. by Dogan M. Leiden, Boston: Brill, 2003, p. 91–133.

Schlesinger J.A. Lawyers and American Politics: A Clarified View, *Midwest Journal of Political Science*, 1957, 1 (1), pp. 26–39.

Some Thoughts on Definitions of Innovation, *The Innovation Journal: The Public Sector Innovation Journal*, 1999, 4 (3). 8 pp. (URL: <http://www.innovation.cc/discussion-papers/thoughts-innovation.htm>, available: August 15, 2007)

Stouffer S.A. *Communism, Conformity, and Civil Liberties: A cross-section of the nation speaks its mind*. New York: Doubleday, 1955.

The Bloomberg Innovation Index. 2015. URL: <https://www.bloomberg.com/graphics/2015-innovative-countries/> (available: October 18, 2016).

The U.S. — Israel Innovation Index: Comparing International Linkages in Innovation. 2016 / Developed by The US— Israel Science and Technology Foundation. 8 pp. URL: http://www.usistf.org/wp-content/uploads/2016/05/USISTF_2016_index_web.pdf (available: September 20, 2016).

REGIONAL POWER GROUPS

THE REGIONAL POWER GROUPS: MAIN SOCIO-STRUCTURAL CHARACTERISTICS AND INNOVATION POTENTIAL

A. Daugavet, A. Duka, D. Tev

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2016.3.5>

Abstract. *The article examines the link between socio-structural characteristics of regional political and administrative elites, with their innovative potential and role in the development of society. The relevance and significance of the problem due to the need for powerful groups to respond adequately to changing circumstances (especially in crisis), and thus positively influencing the development of the region and the country. The empirical basis of the research is the biographical database of the elite persons of the ten constituent entities of the Russian Federation. The database included information about the date and place of birth, type and place of education, career path and other characteristics of 936 representatives of regional political and administrative elites. The research methodology that was used can be defined as structural-biographical. We studied the structure of the regional power elite groups in connection with the biography of their members. The analysis allowed to draw a number of conclusions relating to human capital of power persons, the possible influence of socio-structural characteristics of the regional elites in their political behavior, innovation potential and role in the functioning and development of society. Significant trends in the recruitment of power groups that were discovered are oligarchization (which is associated with the narrowing of the pool of recruitment), professionalization (which, however, is not related to their possible effectiveness) and plutocratization, which may reduce the focus on innovative development. At the same time the institutionalization of regional elites reaches high level. In general, it can be argued that the innovative capacity of the regional political-administrative elites is low. In addition, the regional differentiation of the elite community is distinctly expressed. The characteristics of the regional administrative elite are more favourable for the positive development of the regions.*

Keywords: *elite, ruling group, institutionalization of elite, innovation, innovation potential, biographies, structural and biographical analysis, recruitment, oligarchization, plutocratization.*

References

- Afanas'ev M.N. V Rossii sformirovany predstavitel'nye sobraniia praviashchikh regional'nykh grupp [Afanasiev M.N. In Russia representative assemblies of the ruling regional groups have been formed]. *Vlast'*, 1998, 2, pp. 43–45. (In Russian).
- Anisimov Ye. V. Shvedskaya model' s russkoy osobostyu: Reforma vlasti i upravleniya pri Petre Velikom [The Swedish model with Russian specialness: Reform of government and administration under Peter the Great], *Reformy i vlast'*. St. Petersburg: Izdaniye zhurnala "Zvezda", 1995, pp. 3–40. (In Russian)
- Anker L., Seybold P., Schwartz M. The Ties That Bind Business and Government, in: *The Structure of Power in America: The Corporate Elite as a Ruling Class*, ed. by Schwartz M. New York: Holmes & Meier, 1987, p. 96–121.
- Anoshkina V.L., Rezvanov S.V. Obrazovaniye. Innovatsiya. Budushchee. (Metodologicheskiye i sotsio-kul'turnye problemy) [Education. Innovation. Future. (Methodological and socio-cultural issues)]. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo RO IPK i PRO, 2001. (In Russian)
- Aref'ev A.L., Aref'eva M.A. Ob inzhenerno-tekhnicheskom obrazovanii v Rossii. [Arefiev AL, Aref'eva MA About engineering education in Russia]. URL: http://www.socioprognoz.ru/files/File/publ/Inkzenerno_tekhnicheskoe.pdf (available: 20.09.2014). (In Russian).
- Ashin G.K. Formy rekrutirovaniya politicheskikh elit [Forms of recruitment of political elites], *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, 1998, 3, pp. 85–96. (In Russian)
- Bass, Bernard M. Two Decades of Research and Development in Transformational Leadership, *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 1999, 8 (1), pp. 9–32.
- Burns, James MacGregor. *Leadership*. New York: Harper & Row, 1978.
- Buyanova S.M. Vozrast kak factor otnosheniya k innovatsiyam [Age as a factor in relation to innovation], *Ekonomicheskaya psikhologiya i povedencheskaya ekonomika v usloviyakh global'nyh sotsial'nyh i ekonomicheskikh izmeneniy* [Economic psychology and behavioral Economics in the context of global social and economic change] / ed. by A.N. Lebedev. Moscow: Sputnik+, 2004, pp. 81–84. (In Russian)
- Bystrova A.S., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevskii A.V., Tev D.B. Rossiiskie regional'nye elity: innovatsionnyi potentsial v kontekste globalizatsii [Bystrova A.S., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevsky A.V., Tev D.B. Russian Regional Elites: Innovative Potential in the Context of Globalization], In: *Globalizatsiia v rossiiskom obshchestve: sb. nauch. trudov* [Globalization in Russian society: a collection of scientific papers], ed. by Eliseeva I.I. Spb.: Nestor-Istoriia, 2008. P. 99–242. (In Russian).
- Carbon C.-C., Schoormans J.P.L. Rigidity rather than age as a limiting factor in the appreciation of innovative design, *Swiss Journal of Psychology*, 2012, 71 (2), pp. 51–58.
- Cassese S. Italy's Senior Civil Service: An Ossified World, in: *Bureaucratic Elites in Western European States. A Comparative Analysis of Top Officials*, ed. by Page E.C., Wright V. Oxford: Oxford University Press, 1999, p. 55–64.

Chirikova A.E. Regional'nye parlamenty: resursnyi potentsial i neformal'nye pravila politicheskoi igry. [Chirikova A.E. Regional Parliaments: Resource Potential and Informal Rules of Political Game], In: *Vlast' i elity v rossiiskoi transformatsii: Sb. nauchnykh statei* [Power and Elites in the Russian Transformation: A Collection of Scientific Articles], ed. by A.V. Duka. SPb: Intersotsis, 2005. P. 194–222. (In Russian).

Cohen M. Lawyers and Political Careers, *Law & Society Review*, 1969, 3 (4), pp. 563–574.

Cornell University, INSEAD, and WIPO (2015): *The Global Innovation Index 2015: Effective Innovation Policies for Development*, Fontainebleau, Ithaca, and Geneva. 418 pp. URL: <https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/reportpdf/gii-full-report-2015-v6.pdf#> (available: September 20, 2016).

Cotta M., Verzichelli L. Ministers in Italy: Notables, Party Men, Technocrats and Media Men, in: *Who Govern Southern Europe? Regime Change and Ministerial Recruitment, 1850–2000*, ed. by Almeida P.T., Pinto A.C., Bermeo N. London: Frank Cass, 2003, p. 109–142.

Dahl, Robert A. A Critique of the Ruling Elite Model, *The American Political Science Review*, 1958, 52 (2), pp. 463–469.

Dahl, Robert. *Who Governs? Democracy and Power in an American City*. New Haven; London: Yale University Press, 1961.

Dino R.N. Crossing Boundaries: Toward Integrating Creativity, Innovation, and Entrepreneurship Research Through Practice, *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, 2015, 9 (2), pp. 139–146.

Dogan M. How to Become a Cabinet Minister in France: Career Pathways, 1870–1978, *Comparative Politics*, 1979, 12 (1), p. 1–25.

Dogan M. Is there a Ruling Class in France? In: *Elite configurations at the apex of power*, ed. by Dogan M. Leiden-Boston: Brill, 2003, p. 17–90.

Domhoff G.W. *Who Rules America? Power, Politics and Social Change*. New York: McGraw-Hill, 2006.

Downton, James V. *Rebel leadership: commitment and charisma in the revolutionary process* / James V. Downton, Jr. New York: Free Press, 1973.

Duka A.V. Ambitsionnye migrant i intelligentnye peterburzhtsy (differentsyatsii v regional'noy elite) [Ambitious migrants and intelligent native petersburgian (differentiation of regional elite)], Rossiyskiye vlastye instituty i elity v transformatsii [Russian government institutions and elites in transformation] / ed. by A.V. Duka. St. Petersburg: Intersitsis, 2011, pp. 285–304. (In Russian)

Duka A.V. K voprosu o militokratii: siloviki v regional'nykh vlastnykh elitakh [On the issue of militocracy: the siloviki in regional power elite], In: *Vlastnye struktury i gruppy dominirovaniya: Materialy desyatogo Vserossiyskogo seminara «Sociologicheskie problemy institutov vlasti v usloviyakh rossijskoj transformatsii»* [Power structures and groups of dominance: Proceedings of the Tenth All-Russian seminar "Sociological Problems of the power institutions in the conditions of Russia's transformation], ed. by A.V. Duka. SPb.: Intersotsis, 2012, pp. 94–120. (In Russian).

Dye T.R., Pickering J.W. Governmental and Corporate Elites: Convergence and Differentiation, *The Journal of Politics*, 1974, 36 (4), pp. 900–925.

Edinger L.J., Searing D.D. Social Background in Elite Analysis: A Methodological Inquiry, *American Political Science Review*, 1967, 61 (2), pp. 428–445.

Edison, H.; Ali, N.B.; Torkar, R. Towards innovation measurement in the software industry. *Journal of Systems and Software*, 2013, 86 (5), pp. 1390–1407.

Field G.L., Higley J. *Elitism*. London: Routledge & Kegan Paul, 1980.

Fletcher J.F. Mass and Elite Attitudes about Wiretapping in Canada: implications for democratic theory and politics, *The Public Opinion Quarterly*, 1989, 53 (2), pp. 225–245.

Freitag P.J. The Cabinet and Big Business: A Study of Interlocks, *Social Problems*, 1975, 23 (2), pp. 137–152.

Gaman-Golutvina O.V. Metafizika elitnyh transformatsiy v Rossii [*Metaphysics of elite transformations in Russia*], *Polis*, 2012, 4, pp. 23–40. (In Russian)

Gaman-Golutvina O.V. Politicheskiye elity Rossii: Vехi istoricheskoy evolyutsii. [The political elites of Russia: Milestones of the historical evolution]. Moscow: ROSSPEN, 2006. (In Russian)

Gaman-Golutvina O.V. Problema sub'yekta modernizatsii v Rossii: istoriko-kontseptual'nye aspekty i sovremennoye sostoyaniye [*The problem of the agent of modernization in Russia: historical and conceptual aspects and current state*], *Elity i lidery: traditsionalizm i novatorstvo* [Elites and leaders: traditionalism and innovation] / ed. by Ye.Yu. Sergeyev et al. Moscow: Nauka, 2007, pp. 22–38. (In Russian)

Golovin N.A. Teoretiko-metodologicheskiye osnovy issledovaniya politicheskoy sotsializatsii [*Theoretical and methodological basis of the study of political socialization*]. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2004. (In Russian)

Harrison L. Yevrei, konfutsianty i protestanty: Kul'turnyy kapital i konets mul'tikulturalizma [*Jews, Confucians, and Protestants. Cultural Capital and the End of Multiculturalism*]. Moscow: Mysl', 2016. (In Russian)

Harrison L.E. Promoting Progressive Culture Change, in: *Culture Matters: How Values Shape Human Progress*, ed. by L.E. Harrison and S.P. Huntington. N.Y.: Basic Books, 2000.

Hartmann M. Elites and Power Structure, in: *Handbook of European Societies. Social Transformations in the 21st Century*, ed. by Immerfall S., Thørbørn G. Berlin, New York: Springer, 2010, p. 291–324.

Hoffmann-Lange U. Elite Research in Germany, *International Review of Sociology*, 2001, 11 (2), pp. 201–216.

Hoffmann-Lange U. Value orientations and support for democracy among elites and mass publics in old and new democracies, In: *Politicheskiye elity v starykh i novykh demokratiyakh* [Political elites in old and new democracies] / ed. by O.V. Gaman-Golutvina and A.P. Klemeshev. Kaliningrad: Baltic University Press, 2012, pp. 318–332.

Jackman R.W. Political Elites, Mass Publics, and Support for Democratic Principles, *The Journal of Politics*, 1972, 34 (3), pp. 753–773.

Kaliningradskaia oblastnaia Duma piatogo sozyva (2011–2016). [Kaliningrad Regional Duma of the fifth convocation (2011–2016)]. URL: <http://duma39.ru/duma/index.php> (available: 06.07.2015). (In Russian).

Kashayev O.S. Usileniye innovatsionnogo potentsiala Rossii putem razvitiya administrativno- pravovogo regulirovaniya [*Strengthening the innovative capacity of Russia through the development of administrative-legal regulation*], In: Gosudarstvennoye upravlniye v XXI veke: traditsyi i innovatsii. 9-ya Mezhdunarodnaya konferentsiya (25–27 maya 2011 g.). [Public Administration in the 21st Century: Traditions and Innovations. 9th International Conference (May 25–27, 2011)]. Part 2. Moscow: Moscow University Press, 2011, pp. 358–363. (In Russian)

Kerbo H.R., Della Fave L.R. The Empirical Side of the Power Elite Debate: an Assessment and Critique of Recent Research, *Sociological Quarterly*, 1979, 20 (1), pp. 5–22.

Kerbo H.R., McKinstry J.A. *Who Rules Japan? The Inner Circles of Economic and Political Power*. Westport, CT: Praeger, 1995.

Kim C. Attitudinal Effects of Legislative Recruitment: The Case of Japanese Assemblymen, *Comparative Politics*, 1974, 7 (1), pp. 109–126.

Kisurkin A.A. Faktory, vliyayushchiye na innovatsionnoye razvitiye regiona, i ih klassifikatsiya po urovniam upravleniya [*Factors influencing the innovative development of the region, and their classification by levels of management*], *Sovremennye problem nauki i obrazovaniya*, 2012, 2 [e-scientific journal | ISSN 2070-7428] URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=5762> (available 08.10.2017). (In Russian)

Konstantinovskiy D.L., Voznesenskaya E.D., Cherednichenko G.A, Hohlushkina F.A. Obrazovaniye i zhiznennye nayeكتورii molodezhi: 1998–2008 gody [*Education and Life Trajectories of Youth: 1998 — 2008 Years*]. Moscow: TsSPiM, 2011. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Konstantinovskiy_Obrazovanie.pdf (available 20.12.2015). (In Russian)

Kryshtanovskaia O. *Anatomiia rossiiskoi elity* [Kryshtanovskaia O. Anatomy of the Russian elite]. M.: Zakharov, 2005. (In Russian). (In Russian).

Kryshtanovskaia O. Transformatsiia staroi nomenklatury v novuiu rossiiskuiu elitu. [Kryshtanovskaia O.V. Transformation of the old nomenclature to the new Russian elite]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 1995, 1, pp. 51–65. (In Russian).

Ladd E.C.Jr., Lipset S.M. Politics of Academic Natural Scientists and Engineers, *Science*. 1972, 176 (4039), pp. 1091–1100.

Lammers W.W., Nyomarkay J.L. The Canadian Cabinet in Comparative Perspective, *Canadian Journal of Political Science*, 1982, 15 (1), pp. 29–47.

Lewis E.G. Social Backgrounds of French Ministers, 1944–1967, *The Western Political Quarterly*, 1970, 2 (3), pp. 564–578.

Linz J.J., Jerez M., Corzo S. Ministers and Regimes in Spain: From the First to the Second Restoration, 1874–2002, in: *Who governs Southern Europe? Regime Change and Ministerial Recruitment, 1850–2000*, ed. by Almeida P.T., Pinto A.C., Bermeo N. London: Frank Cass Publishers, 2003, p 38–108.

Manheym K. Chelovek i obschestvo v epohu preobrazovaniya [*Mannheim K. Man and Society in an Age of Reconstruction*] / Transl. from English to Russian, In: Mannheim K. Diagnosis of Our Time. Moscow: Yurist, 1994, pp. 277–411. (In Russian).

Martin. Transformational Leadership Guide: Definition, Qualities, Pros & Cons, Examples, Site “CLEVERISM,” August 16, 2016. URL: <https://www.cleverism.com/transformational-leadership-guide/> (available December 20, 2016).

Matthews D.R. United States Senators and the Class Structure, *The Public Opinion Quarterly*, 1954, 18 (1), pp. 5–22.

McClosky H. Consensus and Ideology in American Politics, *American Political Science Review*, 1964, 58 (2), pp. 361–382.

Miller A.H., Hesli V.L., Reisinger W.M. Comparing Citizen and Elite Belief Systems in Post-Soviet Russia and Ukraine, *Public Opinion Quarterly*, 1995, 59 (1), pp. 1–40.

Miller A.H., Hesli V.L., Reisinger W.M. Conceptions of Democracy Among Mass and Elite in Post-Soviet Societies, *British Journal of Political Science*, 1997, 27 (2), pp. 157–190.

Miller A.H., Reisinger W.M., Hesli V.L. Establishing Representation in Post-Soviet Societies: Change in Mass and Elite Attitudes Toward Democracy and the Market, 1992–1995, *Electoral Studies*, 1998, 17 (3), pp. 327–349.

Miller W.L., Timpson A.M., Lessnoff M. *Political Culture in Contemporary Britain: People and Politicians, Principles and Practice*. Oxford, U.K.: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1996.

Mokhov V.P. *Regional'naiia politicheskaiia elita Rossii (1945–1991 gg.)*. [Mokhov V.P. The Regional Political Elite of Russia (1945–1991)]. Perm': Permskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2003. (In Russian).

Neklessa A. Vremya korotkih gorizontov [Time of the short horizons], *Nezavisimaya gazeta*, June 26, 2008, URL: http://www.ng.ru/ideas/2008-06-26/10_modernizatsia.html (available: October 20, 2016). (In Russian)

Norris P., Lovenduski J. *Political Recruitment: Gender, race and class in the British parliament*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

Oeij P.R.A., Dhondt S., Korver T. Workplace Innovation, Social Innovation, and Social Quality, *The International Journal of Social Quality*, 2011, 1 (2), pp. 31–49.

Offe C. Class Rule and the Political System: On the Selectiveness of Political Institutions, in: *The State: Critical Concepts*, ed. By Hall J.A. London, New York: Routledge, 1993. Vol. 1, p. 104–129.

Okara A.N. Militokratiya vs. Kreatokratiya: vybor modeli modernizatsii v sovremennoy Rossii kak sotsyal'no-filosofskaya problema [*Militocracy vs. creatocracy*:

the choice of the model of modernization in modern Russia as a socio — philosophical problem], *Vestnik Tihookeanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, 4, pp. 253–260. (In Russian)

Old problems, new solutions: Measuring the capacity for social innovation across the world: An Economist Intelligence Unit study. Ed. by Naka Kondo. London, 2016. 46 pp. URL: https://www.eiuperspectives.economist.com/sites/default/files/Social_Innovation_Index.pdf (available: December 10, 2016).

Piatyi sozyv v tsifrakh. [Fifth convocation in figures] URL: http://www.kosoblduma.ru/press/article/Piatyii_sozyv_v_cifrah.html (available: 07.08.2015). (In Russian).

Pierce J., Delbecq A.L. Organization Structure, Individual Attitudes and Innovation, *The Academy of Management Review*, 1977, 2 (1), pp. 27–37.

Pierce, Jon I; Delbecq, Andre L. Organization Structure, Individual Attitudes and Innovation, *The Academy of Management Review*, 1977, 2 (1), pp. 27–37.

Podmore D. Lawyers and Politics, *Journal of Law and Society*, 1977, 4 (2), pp. 155–185.

Poulantzas N. The Problem of the Capitalist State, in: *Ideology in Social Science. Readings in Critical Social Theory*, ed. by Blackburn R. London: Fontana, 1972, p. 238–252.

Primakov E.M. Gosudarstvo kak glavny istochnik innovatsionnogo razvitiya [Primakov E.M. State as the main source of the innovative development], In: Primakov E.M. Vyzovy i al'ternativy mnogopolyarnogo mira: rol' Rossii [Challenges and alternatives of multipolar world: Russia's role]. Moscow: Moscow University Press, 2014, pp. 83–98. (In Russian).

Pshizova S.N. Politika kak biznes: rossiyskaya versiya (I) [Politics as business: Russian version (I)], *Polis*, 2007, 2, pp. 109–123. (In Russian)

Pshizova S.N. Politika kak biznes: rossiyskaya versiya (II) [Politics as business: Russian version (II)], *Polis*, 2007, 3, pp. 65–77. (In Russian)

Putnam R.D. *The Comparative Study of Political Elites*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1976.

Razi G. Democratic-Authoritarian Attitudes and Social Background in a Non-Western Society: A Study of the Iranian Elite, *Comparative Politics*, 1981, 14 (1), pp. 53–74.

Remizov M. Mobilizatsionnyy pakt dlya elity [Mobilization pact for elite], *Izvestiya*, 6.04.2009. URL: <https://iz.ru/news/347198> (available 20.10.2016). (In Russian)

Riesman, David. *The Lonely Crowd: A Study of the Changing American Character*. N.Y.: Doublday Anchor Edition, 1953.

Safronov V. Podderzhka politicheskoy sistemy v Rossii: vzglyady elity i massovoy publiky [Support for the political system in Russia: opinions of the elite and the mass public], *Teleskop: Zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy*, 2009, 6, pp. 13–19; 2010, 1, pp. 23–35. (In Russian)

Safronov V. Politicheskaya kul'tura Sankt-Peterburga: podderzhka demokratii elitoy i massovoy publikoy [*The political culture of St. Petersburg: support for democracy by elites and the mass public*], *Teleskop: Zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy*, 2008, 6, pp. 16–29. (In Russian)

Saint Peter L., Williams J. A. Jr., Johnson D.R. Comments on Jackman's 'Political Elites, Mass Publics, and Support for Democratic Principles', *Journal of Politics*, 1977, 39 (1), pp. 176–184.

Sakaeva M.M. Parlament kak «okno vozmozhnostei»: issledovanie povedeniia predprinimatelei s deputatskim mandatom v khode realizatsii rynochnykh interesov. [Sakaeva M.M. Parliament as a “window of opportunity”: a study of the behavior of entrepreneurs with a deputy mandate in the implementation of market interests]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 2012, 13 (3), pp. 96–122. (In Russian).

Scheuch E. The Structure of the German Elite across Regime Changes, in: *Elite Configurations at the Apex of Power*, ed. by Dogan M. Leiden, Boston: Brill, 2003, p. 91–133.

Schlesinger J.A. Lawyers and American Politics: A Clarified View, *Midwest Journal of Political Science*, 1957, 1 (1), pp. 26–39.

Seleznov P.S. Elity kak initsiatory innovatsiy v sovremennom mire (na primere Rossiyskoy Federatsii) [*Elite as the initiators of innovation in the modern world (The Russian Federation case)*], *Gumanitarnyye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, 2015, 4, pp. 13–19. (In Russian)

Shentiakova A.V. Politicheskaya i administrativnaya elita: kachestvennyi sostav i kanaly rekrutirovaniia. [Shentyakova A.V. Political and administrative elite: qualitative composition and channels of recruitment], In: *Rossiiskie vlastnye instituty i elity v transformatsii: Materialy vos'mogo Vserossiiskogo seminarra «Sotsiologicheskie problemy institutov vlasti v usloviakh rossiiskoi transformatsii»* [Russian Power Institutions and Elites in Transformation: Proceedings of the 8th All-Russian Seminar “Sociological Problems of Institutions of Power in the Conditions of Russian Transformation”], ed. by Duka A.V. SPb.: Intersotsis, 2011. P. 145–156. (In Russian).

Some Thoughts on Definitions of Innovation, *The Innovation Journal: The Public Sector Innovation Journal*, 1999, 4 (3). 8 pp. (URL: <http://www.innovation.cc/discussion-papers/thoughts-innovation.htm>, available: August 15, 2007)

Sotsyal'nyy potentsyal innovatsionnogo razvitiya ekonomiki: ukrainskiye realii [Social potential of the innovative development of economy: the Ukrainian realities], ed. by V.V. Vorona and T.O. Petrushina. Kyiv: Institute of Sociology NAS of Ukraine, 2014. (In Russian)

Sovetova O.S. Osnovy sotsyal'noy psikhologii innovatsiy [Fundamentals of social psychology of innovation]. St. Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU, 2010. (In Russian)

Stouffer S.A. *Communism, Conformity, and Civil Liberties: A cross-section of the nation speaks its mind*. New York: Doubleday, 1955.

Sungurov A.Yu. Kak vznikayut politicheskiye innovatsii: “fabriki mysli” i drugie instituty-mediatory [How emerge political innovations: “think tanks” and other institutions the mediators], Moscow: ROSSPEN, 2015. (In Russian)

Svodnyi finansovyi otchet politicheskoi partii Politicheskaiia partiia LDPR — Liberal'no demokraticheskaia partiia Rossii (LDPR). Otchetnyi period: 2013–2014 gody. [Consolidated financial report of a political party The political party of the LDPR is the Liberal Democratic Party of Russia (LDPR). Reporting period: 2013–2014] URL: http://www.cikrf.ru/politparty/finance/svodn_otchet_14/LDPR. PDF (available: 17.03.2015). (In Russian).

Svodnyi finansovyi otchet politicheskoi partii Vserossiiskaia politicheskaiia partiia «Edinaia Rossiia». Otchetnyi period: 2013–2014 gody. [Consolidated financial report of the political party All-Russian political party “United Russia”. Reporting period: 2013–2014]. URL: http://www.cikrf.ru/politparty/finance/svodn_otchet_14/EDINAYA.pdf (available: 17.03.2015). (In Russian).

Tev D.B. Partii «vtorogo eshelona» v regional'nykh parlamentakh: osobennosti basseina rekrutirovaniia deputatov KPRF, Spravedlivoi Rossii i LDPR. [Tev D.B. The parties of the “second echelon” in regional parliaments: features of the pool of recruitment of the deputies of KPRF, A Just Russia and the LDPR], *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia «Politologiiia»*, 2012, 1 (17), pp. 88–111. (In Russian).

Tev D.B. Regional'ny deputatskij korpus partij «vtorogo jeshelona»: sravnitel'ny analiz bassejna rekrutirovaniia parlamentariev KPRF, «Spravedlivoj Rossii» i LDPR. [Tev D.B. The regional deputy corps parties “second echelon”: A Comparative Analysis of the recruiting pool of parliamentarians of KPRF, A Just Russia and LDPR], In: *Vlastnye struktury i gruppy dominirovaniia: Materialy desyatogo Vserossijskogo seminara «Sociologicheskie problemy institutov vlasti v usloviiah rossijskoj transformacii»* [Power structures and groups of dominance: Proceedings of the Tenth All-Russian seminar “Sociological Problems of the power institutions in the conditions of Russia's transformation], ed. by A.V. Duka. SPb.: Intersocis, 2012. P. 52–75. (In Russian).

The Bloomberg Innovation Index. 2015. URL: <https://www.bloomberg.com/graphics/2015-innovative-countries/> (available: October 18, 2016).

The U.S. — Israel Innovation Index: Comparing International Linkages in Innovation. 2016 / Developed by The US— Israel Science and Technology Foundation. 8 pp. URL: http://www.usistf.org/wp-content/uploads/2016/05/USISTF_2016_index_web.pdf (available: September 20, 2016).

V Mosgordume na postoiannoii osnove budut rabotať 18 deputatov. [In the Moscow City Duma on a permanent basis will work 18 deputies]. URL: <http://rbcdaily.ru/politics/562949992433221> (available: 23.09.2014). (In Russian).

V zaksobranii Lenoblasti otkazalis' sokrashchat' chislo parlamentariev, poluchaiushchikh zarplatu [In the Legislative Assembly, the Leningrad Oblast refused to reduce the number of parliamentarians who receive salaries]. URL: <http://tass.ru/politika/2005154> (available: 29.05.2015). (In Russian).

Volkova A. Reiting pravovykh gosudarstv: Rossiia provalilas' po vsem pokazateliam. [Volkova A. Rating of legal states: Russia has failed on all indicators]. URL:

<http://rating.rbc.ru/article.shtml?2012/11/29/33830812> (available: 20.12.2012). (In Russian).

Voronkova O.A., Sidorova A.A., Kryshantovskaia O.V. Rossiiskii isteblishment: puti i metody obnovleniia [Voronkova O.A., Sidorova A.A., Kryshantovskaya O.V. The Russian establishment: ways and methods of renewal]. *Polis*, 2011, 1, pp. 66–79.

Vypusk spetsialistov gosudarstvennymi vysshimi uchebnymi zavedeniiami po gruppam spetsial'nostei (tysiach chelovek), do 2006 goda vkluchitel'no [Graduation of specialists by state higher educational institutions by groups of specialties (thousand people), until 2006 inclusive], In, Statistika rossiiskogo obrazovaniia. [Statistics of Russian education]. URL: http://stat.edu.ru/scr/db.cgi?act=listDB&t=2_6_17&ttype=2&Field=All (available: 17.06.2013). (In Russian).

Vypusk spetsialistov negosudarstvennymi vysshimi uchebnymi zavedeniiami po gruppam spetsial'nostei (tysiach chelovek) [Graduation of specialists by non-state higher educational institutions by groups of specialties (thousands)] (2014), In: Statistika rossiiskogo obrazovaniia. [Statistics of Russian education]. URL: http://stat.edu.ru/scr/db.cgi?act=listDB&t=2_6_18&ttype=2&Field=All (available: 18.09.2014). (In Russian).

Zakon Respubliki Dagestan ot 13 iulia 1995 goda N 1 «O statuse deputata Narodnogo sobraniia Respubliki Dagestan» (s izmeneniiami na: 12.01.2015). [Law of the Republic of Dagestan of July 13, 1995 No. 1 “On the status of a deputy of the People’s Assembly of the Republic of Dagestan” (as amended on: 12.01.2015)]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/802037539> (available: 06.07.2015). (In Russian).

Zakonodatel'naia Duma Khabarovskogo kraia. [The Legislative Duma of the Khabarovsk Krai] URL: <http://www.duma.khv.ru/?a=270100256> (available: 09.08.2015). (In Russian).

ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ЭЛИТЫ СЕВАСТОПОЛЯ¹

А.С. Быстрова

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2016.3.6>

Аннотация. Работа посвящена исследованию процесса формирования российской элиты нового субъекта РФ города Севастополя. Автор базировался на теоретических положениях относительно процессов формирования элит, в частности рекрутирования, разработанных отечественными и зарубежными авторами. Источники информации для анализа: материалы официального сайта Правительства Севастополя, электронные и иные СМИ и т.д. По ряду причин исследование пришлось ограничить анализом состава Правительства Севастополя. В 2014–2017 гг. было три правительства, различающихся по числу и составу. Первое и особенно второе правительство во главе с вице-адмиралом С. И. Меняйло имели в своем составе значительное число членов, имевших большой опыт службы в силовых структурах. Отличительной чертой второго правительства является частая смена его членов. Третье правительство, возглавляемое молодым чиновником Д.В. Овсянниковым, отличается более профессиональным составом. Все его члены — выходцы из управленческих структур местного, регионального и федерального уровня. Примечательно, что все три правительства имели в своем составе значительную долю чиновников из других регионов или федерального центра.

Ключевые слова: присоединение Крыма, Севастополь, правительство Севастополя, формирование региональной элиты, рекрутирование.

Цель статьи — проанализировать и показать, как идет процесс формирования российской элиты нового субъекта РФ города Севастополя. Источники информации для анализа: материалы официального сайта Правительства Севастополя, электронные и иные СМИ и т.д. В исследовании пришлось ограничиться только анализом состава Правительства Севастополя, то есть, не включая руководителей комитетов, управлений, подведомственных правительству, если они не являлись членами

---

¹ Работа выполнена по государственному заданию (тема «Социально-культурные изменения и структурирование властных отношений в современной России», № государственной регистрации АААА-А17-117030110144-3).

правительства. Анализ проводился по трем замерам: состав правительства города на 22 мая 2014 года, состав правительства на 10 апреля 2016 года и состав правительства Севастополя на 10 ноября 2016 года, поскольку летом 2016 года произошла смена первого лица в городе. В ходе исследования были изучены следующие характеристики членов правительства: возраст, образование, предшествующая и предпринятая должностная деятельность, опыт работы в силовых ведомствах, укорененность по месту предшествующей и предпринятой работы.

Методологическим основанием исследования послужили известные общие теории элит, теории (концепции) трансформации общества и государства, смены политических режимов. Автор базировался также на теоретических положениях относительно процессов формирования элит, в частности рекрутирования, разработанных отечественными и зарубежными авторами.

Так как в центре нашего внимания формирование элиты нового субъекта РФ, то есть региональной элиты, естественен повышенный интерес к достижениям отечественных и зарубежных исследователей именно в этой области. По мнению одного из ведущих авторов — специалистов по элитологии нашей страны О.В. Гаман-Голутвиной, «региональные элиты представляют собой наиболее основательно изученный сегмент российских элит» (Гаман-Голутвина 2015: 177). Уважаемый исследователь указывает на особенность исследования региональных элит в стране. Это «множественность использовавшихся методов: глубинные неформализованные интервью, экспертные и массовые опросы, case-studies, анализ биографий, включенное наблюдение и др.» (Гаман-Голутвина 2015: 177). О.В. Гаман-Голутвина дает краткий обзор основных достижений наиболее известных ученых, работающих в данной области. При этом отмечается вклад А.В. Дуки и возглавляемого им сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН (Гаман-Голутвина 2015: 174, 176). Нельзя не сказать о большом вкладе самой О.В. Гаман-Голутвиной в развитие отечественной элитологии, включая исследования региональных элит.

Возвращаясь к исследовательской деятельности сектора социологии власти и гражданского общества, напомним, что в секторе сформирована база данных, обнимающая сведения об элитных группах более чем десятка субъектов РФ, начиная с 2004-2005 годов. Материалы «привязаны» к периодам смены глав регионов. Последнее расширение числа

исследуемых территорий связано с вхождением в состав РФ двух субъектов — Республики Крым и города Севастополя (2014 год).

Созданная база данных содержит бесценный материал для исследователей процесса формирования региональных элит РФ. Она послужила эмпирическим основанием для выполнения ряда академических научных проектов. Полученные результаты отражены в большом числе публикаций в научных изданиях.

Накопленный опыт позволил адекватно сформулировать цели и задачи исследования процесса формирования российских региональных элит на территории Крымского полуострова, на котором после его присоединения к РФ в 2014 году образовано два новых субъекта российского государства. Сотрудники сектора вполне отдают себе отчет в немалых трудностях, которые предстоит преодолеть властным группам новых субъектов РФ. Эти трудности во многом обусловлены проблемами включения в правовое и экономическое пространство страны, разрывом сложившихся связей с Украиной, необходимостью решать в короткие исторические сроки накопившиеся социальные и иные проблемы.

В ходе обсуждения процесса трансформации крымских и в частности севастопольских властных элит в секторе социологии власти и гражданского общества сотрудниками (2016 год) были высказаны ряд **гипотез и предположений** относительно процесса формирования новых элит, их характеристик, бассейна рекрутирования и т.д. Подытоженные научным руководителем сектора они приобрели следующий вид:

Можно предположить, что те элитные группы, которые выступали за независимость и дальнейшее присоединение к РФ, сохранили свои позиции. Но их политико-организационная структура приблизилась к общероссийским характеристикам.

Экономический сектор элитного сообщества, в зависимости от структуры собственности, направленности экономической деятельности, экономических связей (Украина, РФ, полуостров, зарубежные партнеры), будет ориентироваться и, соответственно, сохранять/не сохранять свои позиции на полуострове.

После присоединения Крыма и Севастополя часть экономических акторов будет вытеснена с полуострова и на их место придет российский бизнес. «Вторжение» российской экономической элиты будет сопровождаться выстраиванием представительства ее интересов в политико-административной сфере.

Часть политико-административной элиты будет рекрутироваться (приезжать «на укрепление») из «континентальной» России. Скорее всего, она будет назначаться на стратегические социально-политические и экономические позиции.

Возможные конфликты между «кремлевскими назначенцами» и местной элитой и способы их разрешения зависят от массовой поддержки той или иной стороны. В севастопольском случае это отчетливо прослеживается.

Предыдущее связано с характером исторического развития политической сферы полуострова. В частности, активность населения, элит и контрэлит во внутриполитической борьбе за автономию, независимость, присоединение к РФ и связанное с этим осознание своих возможностей, эффективности политических действий, чувство политической ответственности.

Можно предположить, что часть региональной элиты будет состоять из перебежчиков, «перекрасившихся», «прозревших».

Город Севастополь — субъект РФ¹. Святой, достойный поклонения — так сами севастопольцы презентуют свой город. Город-Герой Севастополь — морская крепость Юга России, главная база Черноморского флота, город, устремленный в будущее — так определяют город официальные лица. Севастополь основан в 1783 г. В соответствии с Конституцией Российской Федерации в настоящее время Севастополь — город федерального значения, отдельный субъект Федерации. 18 марта 2014 года был подписан Договор «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов». Договор ратифицирован 21 марта 2014 года. Представительная власть — Законодательное Собрание города Севастополя, исполнительная власть — Правительство города Севастополя. Здесь действуют федеральные законы РФ и законы города федерального значения Севастополя.

Общая численность населения по данным Всекрымской переписи 2014 года — 395 тыс. человек. Большинство населения (70 %) — русские, более 90 % — русскоязычные.

---

¹ Сведения приводятся по официальному сайту Правительства города Севастополя и некоторым другим источникам. В частности, использованы «Итоги социально-экономического развития города Севастополя за 2016 год», подготовленные Департаментом экономики города Севастополя (Итоги... 2016).

На 01.01.2017. количество предприятий промышленности (без учета предприятий по производству пищевых продуктов, табака и напитков, по распределению газа, воды и энергии) составило 578 единиц (по сравнению с 01.01.2016. — рост на 13 ед.). В 2016 году действовала государственная программа развития промышленности Севастополя на 2015-2020 годы (постановление Правительства Севастополя от 26.03.2015 № 220-ПП с изменениями). Сельскохозяйственные предприятия города Севастополя специализируются на выращивании винограда, плодов семечковых и косточковых культур, первичном виноделии. Индекс производства продукции сельского хозяйства за 2016 год по сравнению с 2015 годом составил 102,6 %. В январе — сентябре 2016 года предприятиями и организациями (включая инвестиции всех хозяйствующих субъектов с учетом неформальной деятельности) освоено 6912,2 млн. руб. инвестиций в основной капитал (120,8 % к сопоставимому периоду 2015 года).

Уровень материального достатка, судя по опубликованным статистическим данным, по сравнению со временем существования Севастополя в составе Украины повысился довольно существенно, несмотря на некоторый рост цен. Это улучшение, прежде всего, является результатом распространения на новые субъекты РФ законодательных норм российского государства. С 01.07.2016 минимальный размер оплаты труда (МРОТ) по городу Севастополю установлен на уровне МРОТ по Российской Федерации и составляет 7500,0 руб. в соответствии с Федеральным Законом Российской Федерации от 02.06.2016 № 164-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда». Среднемесячная заработная плата работников по полному кругу организаций в ноябре 2016 года составила 25579 руб., что меньше на 2,6 %, чем в предыдущем месяце и на 3,6 % — чем в ноябре 2015 года. По сравнению с уровнем заработной платы за ноябрь 2016 года по Российской Федерации в целом — меньше на 29,3 %. Средний размер пенсионной выплаты — 12643,82 рублей. Уровень безработицы — 8,7 % к численности экономически активного населения. Уровень регистрируемой безработицы снизился по сравнению с 01.01.2016 (0,23 %) и составил 0,19 % от численности экономически активного населения.

Общий вывод, который можно сделать после ознакомления с документами Правительства Севастополя, заключается в том, что экономика города в целом постепенно преодолевает трудности переходного периода, связанные с вхождением в состав РФ.

Министерство экономического развития Республики Крым опубликовало Итоги развития Республики Крым в составе Российской Федерации (июль 2017 года). Ряд показателей приводится в сравнении с трехлетним периодом в составе Украины, предшествовавшим присоединению к РФ (2011–2013 годы), иногда захватывая и более ранние годы (Итоги... 2017). Сравнение итогов двух новых субъектов скорее не в пользу города Севастополя. Проблемы, с которыми сталкивается население и власти двух новых субъектов РФ во многом схожи, поскольку обусловлены одними причинами. Последние, прежде всего, проистекают из былой несогласованности правового и экономического пространства новых субъектов РФ как бывшей части другого государства и самой РФ, наследия иной управленческой культуры.

Об особенностях менеджмента на полуострове как о важной проблеме говорят многие. Так, по словам А. Ольховского, бывшего депутата Законодательного собрания Санкт-Петербурга, бывшего члена экспертного совета комитета по экономической политике, инновационному развитию и предпринимательству Госдумы РФ, а ныне главы филиала Института стратегического планирования Республики Крым в Санкт-Петербурге, современных знаний о стратегическом планировании сейчас в Крыму на муниципальном уровне практически нет, а на региональном уровне эти знания не соответствуют требованиям федерального российского законодательства (Интеграция Крыма 2017). Писатель и бизнесмен Д. Лекух, комментируя упоминавшийся выше документ Министерства экономического развития Республики Крым «Итоги развития Республики Крым в составе Российской Федерации», главной проблемой считает качество управления, особенно среднего звена управленцев и в государственных структурах, и в бизнесе (Лекух 2017).

Однако у города-героя есть и свои специфические проблемы. В частности, более острыми, чем в других частях Крыма, представляются проблема дефицита земли, прав собственности, недоразвитость инфраструктуры и т.д. Развиваются протесты населения против генплана развития города. Севастополь настигла «голландская болезнь», когда предприятия города не в состоянии «переварить», освоить выделяемые региону средства на развитие. Об этом упомянул Президент РФ на встрече с педагогами в Кремле: в Севастополе «даже нет строительных мощностей, чтобы необходимое количество дорог построить». При этом В.В. Путин напомнил о проблеме воровства. Поэтому федераль-

ный центр не стал выделять больше средств (в 2-3 раза!), хотя такая возможность была (Замахина 2017).

Социально-демографические характеристики Правительства города Севастополя. В первом (из трех наших замеров) составе правительства — на 22.05.2014. было всего 12 человек, включая главу субъекта РФ города Севастополя С. И. Меняйло. С. И. Меняйло занимал должность губернатора и одновременно являлся председателем правительства.

Во втором замере — на 10.04.2016. было уже 25 человек. Губернатор С. И. Меняйло по-прежнему одновременно являлся председателем правительства.

Летом 2016 года произошла смена первого лица в городе, поэтому был произведен третий замер — на 10.11.2016. Численный состав правительства вернулся к первому варианту — членов правительства всего 12 человек. Обязанности губернатора исполняет Д.В. Овсянников. Он также является председателем правительства.

Первое, что следует отметить: ни в первом, ни в третьем замерах в составе правительства нет ни одной женщины. И только во втором замере обнаруживаем единственную женщину — директора Департамента культуры города Севастополя.

Возрастной состав правительства во всех трех замерах представлен в сводной по трем замерам таблице 1.

Как видно из данных таблицы 1, в первом составе правительства только один из его членов моложе 40 лет. В то же время половина членов правительства старше 50 лет. Четверть членов правительства находятся в диапазоне от 41 до 50 лет. Во втором составе правительства Севастополя (на 10.04.2016.) доля лиц, возраст которых более 50 лет,

Таблица 1

**Члены правительства города Севастополя — субъекта РФ
(2014–2016 годы): возрастной состав (человек)**

Дата замера	До 40 лет	41–50 лет	51–60 лет	иное	итого
22.05.2014	1	3	6	2*	12
10.04.2016	3	8	11	3**	25
10.11.2016	2	6	4		12

*нет данных о возрасте

**старше 60 лет

еще больше — 56 %. Также увеличился по сравнению с первым замером удельный вес тех членов правительства, возраст которых в диапазоне от 41 до 50 лет — с 25 % до 32 %. По-прежнему невелика доля чиновников моложе 40 лет.

Радикальным образом меняется картина в третьем замере (на 10.11.2016.). Главе региона Д.В. Овсянникову всего 39 лет. 67 % членов правительства молодого губернатора — это лица моложе 50 лет. В этом составе правительства города нет ни одного чиновника старше 60 лет.

Образование членов Правительства города Севастополя. М. Хартманн (Michael Hartmann) выделяет три различных типа формирования элиты. Они отличаются друг от друга двумя важными аспектами — специфическими путями рекрутирования (как институциональными, так и социальными) и степенью их внутрисекторальной мобильности. Традиционно рассматриваемые три типа (модели) формирования элит в Европе не являются уникальными, чисто европейскими (Hartmann 2010; Хартман 2012). Различия в типах формирования элит связывают с системой школьного и высшего профессионального образования, в рамках которых для граждан имеется различный набор возможностей использования имеющихся социальных лифтов. И школьное, и высшее профессиональное образование последовательно выступают институтами, осуществляющими функции фильтров, сита в процессе реализации индивидом потенциальных возможностей/ограничителей вертикальной мобильности. Об этом писал еще П. Сорокин: «Не окончив университета или колледжа, фактически нельзя (а в некоторых европейских странах запрещено даже юридически) достичь какого-либо заметного положения среди высоких правительственных рангов и во многих других областях, и наоборот, выпускник с отличным университетским дипломом легко продвигается и занимает ответственные правительственные посты вне зависимости от его происхождения и его семьи. Многие социальные сферы и ряд профессий практически закрыты для человека без соответствующего диплома» (Сорокин 1992: 252). Степень доступности качественного школьного и высшего профессионального образования являются в этом смысле важнейшим фактором. В то же время чрезмерное увеличение числа выпускников, претендующих на занятие высоких должностей и получение высоких доходов, ведет к чрезмерному же росту конкуренции и появлению большого числа недовольных, склонных к разрушительным действиям людей. (Сорокин 1992: 265).

И РФ и два ее новых субъекта, расположенные на Крымском полуострове, — это части бывшего Советского Союза. В СССР действовал номенклатурный принцип формирования высших эшелонов власти. В процессе формирования «советской элиты» важными оказывались иные факторы. Так, большое значение имел тип высшего образования — преимущество имели лица, получившие технические специальности, и почти обязательным было окончание партийной школы. В то же время почти обязательным было прохождение срочной службы в армии (для мужчин). Во многих биографиях встречается работа на управленческих должностях среднего уровня. Понятно, что в разные периоды существования советской власти роль образования менялась. Существовали различные институты ускоренной подготовки партийных и советских кадров, адекватные ускоренному же «обновлению» корпуса управленцев высшего звена в периоды репрессий.

Случай города Севастополя особенный. Анализ трех составов правительства города после его присоединения к РФ показывает, что преобладающий тип образования членов правительства изменялся, поскольку в него входили люди, образовательная подготовка которых (на взгляд тех, кто его формировал) и управленческий опыт в наибольшей степени соответствовали задачам «текущего момента».

Видимо, с обстоятельствами присоединения города к РФ связано то, что первое правительство на три четверти состояло из лиц, имеющих высшее военное образование. Во втором правительстве лиц, имеющих высшее военное образование меньше, чем в первом, но все еще велико — почти половина. Во втором составе появляются чиновники, имеющие профессиональную подготовку в области экономики, финансов и управления — 20 %, а также несколько человек с высшим юридическим образованием. Наконец, в третьем составе правительства, во главе которого молодой чиновник с довольно успешной карьерой, около 60 % членов имеют высшее экономическое, финансовое и управленческое образование. Как следует из приведенных данных об образовании членов правительства города, тип и качество полученного ими высшего образования существенно изменился — в сторону большего соответствия задачам регионального управления.

Отметим здесь также, что по происхождению высшие чиновники Севастополя в основном приехали из других регионов РФ (не Крыма), что отчасти можно объяснить дефицитом профессиональных кадров. Приведем в связи с этим слова главы Республики Крым Сергей Аксено-

ва. «Снять с должности человека легко, однако тогда возникает вопрос: кого назначить на его место. Если бы у нас была скамейка запасных, состоящая сплошь из профессионалов, прошедших серьезный жизненный путь и готовых мгновенно приступить к реализации вопросов, то многое в Крыму было бы совсем иначе, с другими результатами. К большому сожалению, ситуация обстоит не так», — по сообщению ТАСС, таким образом описал ситуацию глава Республики Крым на своей странице в Facebook. Далее С. Аксенов сообщил, что «кадровая скамейка практически пуста и зачастую состоит из тех, кто уже работал в органах власти при Украине». Глава РК при этом считает, что этих чиновников надо вовлекать в управленческую деятельность (Аксенов 2017). Задачу обучения местных чиновников ставит для себя филиал Института стратегического планирования Республики Крым в Санкт-Петербурге (Интеграция Крыма 2017).

Обобщенные данные по образованию членов правительства города Севастополя приведены в таблице 2.

Таблица 2

**Члены правительства города Севастополя — субъекта РФ
(2014–2016 годы): первое высшее образование (человек)**

Дата замера	Экономическое, Финансовое, управленческое	юридическое	техническое	военное	прочее	итого
22.05.2014		2		8	2*	12
10.04.2016	5	3	2	12	3	25
10.11.2016	7			1	4	12

*нет сведений об образовании

Предшествующая работа членов Правительства города Севастополя. Показатель предшествующей работы, то есть работы, предшествующей занятию нынешней должности, демонстрирует, из какой сферы деятельности рекрутируются чиновники.

В таблице 3 приводятся сводные данные о том, в какой сфере занимали ответственные должности члены правительства Севастополя — субъекта РФ. Мы видим, что основной бассейн рекрутирования правительственных чиновников — это сфера управления. Так, в первом составе правительства города (22.05.2014.) 50 % членов правительства до этого работали на различных должностях в высшем менеджменте предприятий и банков. Еще 33 % — это люди, занимавшие различные

Таблица 3

**Члены правительства города Севастополя — субъекта РФ
(2014–2016 годы): предшествующая работа (человек)**

Дата замера	Различные должности в высшем менеджменте предприятий и банков	Различные посты в администрациях (муниц., город., регион., федеральных органов)	Депутаты различного уровня	Различные должности в армии или служба в другом силовом ведомстве	прочее	итого
22.05.2014	6	4	1		1*	12
10.04.2016	5	19		1		25
10.11.2016		12				12

*нет сведений о предшествующей работе

посты в администрациях различного уровня в органах муниципального и государственного управления. Другими словами, основной бассейн рекрутирования севастопольских правительственных чиновников — это менеджмент бизнеса и сфера муниципального и государственного управления.

Второй состав правительства (10.04.2016.) демонстрирует тенденцию усиления роли муниципального и государственного управления как бассейна рекрутирования правительственных чиновников (76 %). Объяснение, на наш взгляд, лежит на поверхности: город нуждается в квалифицированных управленцах на всех уровнях, прежде всего, уровне правительства субъекта РФ. Доля выходцев из бизнеса, занимавших различные должности в высшем менеджменте предприятий и банков, составила 20 %.

Наконец, в третьем составе правительства города, во главе которого сравнительно молодой (39 лет), но имеющий богатый опыт чиновник, все члены правительства (100 %) — люди, занимавшие до прихода в правительство различные посты в администрациях (муниципальных, городских, региональных, федеральных органов управления) и имеющие, как мы показали ранее, профессиональное образование в обла-

сти экономики, финансов и управления. Обозначившаяся тенденция свидетельствует о серьезности намерений улучшить качество управления. На рис. 1 хорошо видна динамика бассейна рекрутирования по показателю предшествующей работы.

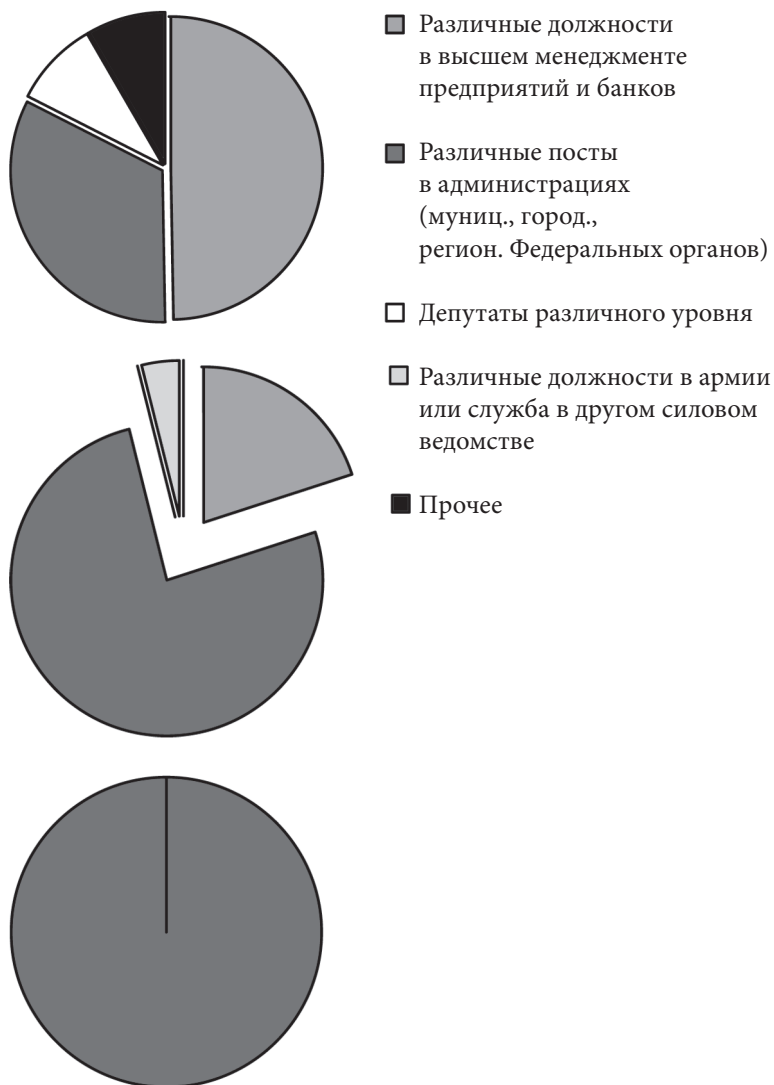

Рис.1. Динамика бассейна рекрутирования по предшествующей работе: члены правительства города Севастополя (2014–2016 годы)

Предпредшествующая работа членов Правительства города Севастополя. Показатель предпредшествующей работы позволяет бросить ретроспективный взгляд на процесс рекрутирования в элитные группы, оценить также степень профессионализации элитных персон, представляющих различные сектора элиты. То есть появляется возможность через карьерные перемещения индивидов проследить процесс формирования корпуса элиты и ее различных сегментов, в данном случае административно-политической элиты города Севастополя. В таблице 4 размещены сводные данные о предпредшествующей работе членов правительства города Севастополя — субъекта РФ.

Таблица 4

**Члены правительства города Севастополя — субъекта РФ
(2014–2016 годы): предпредшествующая работа (человек)**

Дата замера	Различные должности в высшем менеджменте предприятий и банков	Различные посты в администратциях (муниц., город., регион., федеральных органов)	Депутаты различного уровня	Различные должности в армии или служба в другом силовом ведомстве	прочее	итого
22.05.2014	5	3		2	2*	12
10.04.2016	6	11		7	1	25
10.11.2016	1	10		1		12

*нет сведений о предпредшествующей работе

Из данных таблицы 4 видно, что по показателю предпредшествующей работы роль управленческой сферы — и менеджмента бизнеса, и муниципального и государственного управления несколько ниже. Зато появляется служба на различных должностях в армии или других силовых ведомствах. В первом составе правительства это 17 %, во втором — 28 %, в третьем — один человек. Третий состав правительства в этом смысле все равно демонстрирует подавляющую роль сферы управления, преимущественно муниципального и государственного, как бассейна рекрутирования в процессе формирования элитного кор-

пуса. Роль силовых структур в процессе формирования административной элиты коррелирует со значительной долей лиц, имеющих высшее военное образование в первом и втором составах правительства Севастополя.

ОПЫТ РАБОТЫ В СИЛОВЫХ СТРУКТУРАХ ЧЛЕНОВ ПРАВИТЕЛЬСТВА ГОРОДА СЕВАСТОПОЛЯ

Севастополь — это город военно-морской, здесь расположена база Черноморского флота РФ. Видимо, поэтому власти РФ назначили исполнять обязанности губернатора Севастополя вице-адмирала в запасе (уволен в запас в 2011 году), бывшего заместителя командующего Черноморским флотом РФ С. И. Меняйло. С. И. Меняйло, несомненно, выглядел человеком, подходящим по многим параметрам. Для наших целей важно, что с ним прибыла команда людей, также имеющих большой опыт работы-службы в силовых структурах. Сам С. И. Меняйло прослужил в вооруженных силах более 30 лет. 25% членов первого состава правительства и.о. губернатора Меняйло прослужили более 27 лет каждый. О четырех персонах сведений об их опыте службы в силовых структурах нет.

Второй состав правительства, во главе которого стоял уже избранный губернатор С. И. Меняйло, численно превосходил первый в два раза. Важнее, что в его составе 2/3 членов имели значительный опыт службы в силовых структурах. Конечно, это не означает, что данные персоны «десантировались» в правительство непосредственно из силовых структур. Таковых практически не было ни в одном составе правительства города. Они успели потрудиться в бизнесе и органах муниципального и государственного управления. Однако навыки работы, методы управления персоналом, способы решения проблем не могли не нести на себе печати «силовиков». Так что в профессиональном плане им предстояло адаптироваться не только к переходной ситуации нового субъекта РФ, но и гражданским условиям управленческой деятельности.

Третий состав правительства во главе с и.о. губернатора Д.В. Овсянниковым имел в своем составе только одного бывшего военного высокого ранга.

Укорененность формирующейся элиты Севастополя по показателю места предшествующей работы. Быстро разворачивавшиеся

события «русской весны» в Крыму в целом и в Севастополе в частности означали необходимость быстрых решений относительно руководства Севастополем. Ситуация породила и.о. губернатора С. И. Меняйло и его правительство, в котором половина членов в Севастополе до событий весны 2014 года не жила.

Второе правительство, сформированное после избрания губернатора, также наполовину состояло из жителей других регионов. 28% были выходцами из Москвы и Московской области. Анализ биографий «приехавших тут» выявил странное обстоятельство. Некоторые «пришельцы» оказались замешаны в различных скандалах коррупционного свойства. Местные журналисты не оставили обнаруженные факты без внимания. Очень скоро появились многочисленные публикации в региональной прессе с заголовками, в которых мелькали слова «мафия», «коррупция». Публикации сопровождались карикатурами. Население города, привыкшее публично выражать свое мнение о делах власти на митингах, требовало на этих митингах отставки губернатора. Некоторые члены второго правительства скоро попали под следствие, кое-кто был уволен.

Третье правительство не нарушило сложившейся тенденции. Три четверти состава правительства Овсянникова также представляют выходцы из других регионов РФ, в том числе один — бывший житель столицы. Представляется, что такое положение — вынужденное ввиду недостатка в регионе квалифицированных кадров, соответствующих задачам, стоящим перед региональными и федеральными властями. Кроме того, недостаточное присутствие в складывающейся элите местных активистов, во многом воплощавших «русскую весну», выглядит несколько неожиданным в то время, как можно было бы ожидать большей циркуляции местной элиты. Поскольку некоторые исследователи выявили значимую связь между активностью населения в период назревающих перемен и степенью циркуляции элит (см.: *Parliamentary Elites in Central and Eastern Europe* 2014).

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ процесса формирования российской элиты нового субъекта РФ города Севастополя позволил проверить некоторые гипотезы, сформулированные в секторе социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН.

1. В период 2014–2017 годы в Севастополе действовали три правительства. Анализ их состава показал, что имеет место положительная динамика в формировании элитного корпуса. Речь идет об известном омоложении состава, преобладании членов правительства с высшим образованием в сфере экономики, финансов и управления. Последний по времени состав представляется более профессиональным и адекватным задачам поддержания жизни города.

2. В двух первых составах правительства Севастополя был значительный удельный вес людей, имевших длительный опыт работы на высоких должностях в силовых структурах. Видимо, это связано как с персоной губернатора — он вице-адмирал в запасе, так и опасениями федеральных властей, что могут потребоваться специальные навыки организации жизни города в условиях адаптации региона к российскому политическому, экономическому и правовому пространству.

3. Все три правительства выглядят как «десант с материка», особенно это чувствуется в третьем составе. Активность населения в «русской весне» не воплотилась в интенсивной циркуляции местных элит. В то же время два первых правительства «приютили» людей с неоднозначной репутацией и соответствующими привычками. Их присутствие вызвало протесты населения, вслед за этим увольнение и возбуждение уголовных дел.

4. Переходный, неустойчивый характер формирующегося корпуса административной элиты представляется естественным, поскольку с момента присоединения Крыма к РФ прошло всего около трех лет.

Литература и источники

Аксенов: Крым испытывает дефицит кадров, готовых заменить ушедших в отставку чиновников. 31.07.2017 // Сайт Информационного агентства России ТАСС. <http://tass.ru/politika/4452495>. Доступ 31.07.2017.

Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты в фокусе отечественных исследований // Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии: Научное издание/ Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. С. 157–193.

Замахина Т. Путин: Севастополю не дали больше денег, чтобы не «растырили» // Официальный сайт «Российской газеты» 21.06.2017. <https://rg.ru/2017/06/21/reg-ufu/putin-sevastopoliu-ne-dali-bolshe-deneg-chtoby-nestasyrili.html>. Доступ 18.07.2017.

Интеграция Крыма: «Бизнес реально ощутил ухудшение». Интервью А. Лобановского с А. Ольховским, главой филиала Института стратегического

планирования Республики Крым в Санкт-Петербурге. 24.07.2017 // Информационный сайт «Общественный контроль», <https://ok-inform.ru/business/97786-integratsiya-kryma-biznes-realno-oshchutil-ukhudshenie.html>. Доступ 24.07.2017.

Итоги развития Республики Крым в составе Российской Федерации (июль 2017 года) // Официальный сайт Министерства экономического развития Республики Крым. <http://minek.rk.gov.ru/file/File/minek/2017/07-July/27-Crimea%202014-2017.pdf> Доступ 7.08.2017.

Итоги социально-экономического развития города Севастополя за 2016 год / Департамент экономики города Севастополя // Портал Правительства Севастополя. <https://sevastopol.gov.ru/city/economic/>. Доступ 2.08.2017.

Лекух Д. «Экономическая правда» Крыма: что мешает республике развиваться // информационный сайт «ruposters», <https://ruposters.ru/news/31-07-2017/krymskaya-pravda>. Доступ 31.07.2017

Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов; Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 184–269.

Хартманн М. Модели образования элит в Европе // Властные структуры и группы доминирования: Материалы десятого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 10–39.

Hartmann, M. Elites and Power Structure. In: Handbook of European Societies. Social Transformations in the 21st Century Berlin New York, Springer (co-editor and co-author), 2010, pp. 291–323.

Parliamentary Elites in Central and Eastern Europe. Recruitment and Representation / Ed. by Elena Semenova, Michael Edinger and Heinrich Best. London: Routledge, 2014.

FORMATION OF THE RUSSIAN ELITE OF SEVASTOPOL

A. Bystrova

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2016.3.6>

Abstract. *The work is dedicated to the research of the formation process of the Russian elite of the new RF city of Sevastopol. The author is basing on theoretical outlays concerning elite's formation processes, in particular the process of recruiting, which was elaborated by both domestic and foreign authors. The information sources for the analyses are: materials of the official site of the Sevastopol's government, the electronic and other sources of mass information and so on. Due to a row of causes, we had to limit the research by the analyses of the Sevastopol's government. In the years' 2014-2017 there were three governments, which differed by both the number and composition. The first, and especially, the second government, led by the vice-admiral S.I. Menaylo, had in its composition a significant number of members, who had a big experience of the service in the force structures. The differing feature of the second government is the frequent change of its members. The third government, led by a young bureaucrat — D.V. Ovssiannikov, is differentiated by a more professional structure. His all members are outcomes of the governing structures of the local, regional and the federal levels. It is noteworthy, that in their compositions all three governments had officers from other regions or from the federal center.*

Keywords: *Crimea inclusion, Sevastopol, Sevastopol's government, the formation of the regional elite, elite recruitment.*

References

Aksenov: Kryim ispytyivaet defitsit kadrov, gotovyih zamenit ushedshih v otstavku chinovnikov. 31.07.2017. // Sayt Informatsionnogo agentstva Rossii TASS. [Aksyonov: Crimea is experiencing a shortage of staff, ready to replace the retired officials. 31.07.2017. // The website of the Information Agency TASS.] <http://tass.ru/politika/4452495>. Access 31.07.2017. (In Russian)

Integratsiya Kryima: «Biznes realno oschutil uhudshenie». Intervyu A. Lobanovskogo s A. Olhovskim, glavoy filiala Instituta strategicheskogo planirovaniya Respubliki Kryim v Sankt-Peterburge. 24.07.2017. // Informatsionnyiy sayt «Obschestvennyiy kontrol», [The integration of the Crimea: «Business tangible deterioration». Interview with A. lobanovskogo, A. Olkhovskiy, head of the branch of the Institute of strategic planning of the Republic of Crimea in St. Petersburg. 24.07.2017. // The information website «Public control»], <https://ok-inform.ru/business/97786-integratsiya-kryma-biznes-realno-oshchutil-ukhudshenie.html>. Access 24.07.2017. (In Russian)

Itogi razvitiya Respubliki Kryim v sostave Rossiyskoy Federatsii (iyul 2017 goda) // Ofitsialnyiy sayt Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Kryim. [The

results of the development of the Republic of Crimea in the Russian Federation (July 2017). // The official website of the Ministry of economic development of the Republic of Crimea]. [http://minek.rk.gov.ru/file/File/minek/2017/07-July/27/Crimea 2014–2017.pdf](http://minek.rk.gov.ru/file/File/minek/2017/07-July/27/Crimea%2014-2017.pdf). Access 7.08.2017. (In Russian)

Itogi sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya goroda Sevastopolya za 2016 god / Departament ekonomiki goroda Sevastopolya // Portal Pravitelstva Sevastopolya. [The results of the socio-economic development of Sevastopol for the year 2016 / the Department of Economics of the city of Sevastopol // Portal of the Government of Sevastopol]. <https://sevastopol.gov.ru/city/economic/>. Access 2.08.2017. (In Russian)

Gaman-Golutvina O.V. Politicheskie elityi v fokuse otechestvennykh issledovaniy // Strukturnye transformatsii i razvitie otechestvennykh shkol politologii: Nauchnoe izdanie [Gaman-Golutvina O. V. Political elites in the focus of domestic research. In: *Structural transformation and development of the national schools of science: the Scientific edition*] / Pod red. O.V. Gaman-Golutvinoy. M.: Izdatelstvo «Aspekt Press», 2015. S. 157–193.

Hartmann, M. Elites and Power Structure. In: Handbook of European Societies. Social Transformations in the 21st Century Berlin New York, Springer (co-editor and co-author), 2010, pp. 291–323.

Hartmann M. Modeli obrazovaniya elit v Evrope [Hartmann, M. Models of elite formation in Europe In: *Power structures and dominant groups: proceedings of the tenth all-Russian seminar “Sociological problems of power institutions in the context of Russian transformation”*] Vlastnyye strukturyi i gruppyi dominirovaniya: Materialy desyatogo Vserossiyskogo seminaru «Sotsiologicheskie problemyi institutov vlasti v usloviyakh rossiyskoy transformatsii» / pod red. A.V. Duki. SPb.: Intersotsis, 2012. S. 10–39. (In Russian)

Lekuh D. “Economic truth” of Crimea: what prevents the country to develop / informational website “ruposters”; [Lekuh D. “Ekonomicheskaya pravda” Kryima: chto meshaet respublike razvivatsya // informatsionniy sayt «ruposters» Lekuh D. “Economic truth” of Crimea: what prevents the country to develop / informational website “ruposters”], <https://ruposters.ru/news/31-07-2017/krymskaya-pravda>. Dostup 31.07.2017. (In Russian)

Parliamentary Elites in Central and Eastern Europe. Recruitment and Representation / Ed. by Elena Semenova, Michael Edinger and Heinrich Best. London: Routledge, 2014.

Sorokin P.A. Sotsialnaya stratifikatsiya i mobilnost // Sorokin P.A. Chelovek. Tsivilizatsiya. Obschestvo / [Sorokin P. A. Social stratification and mobility. In: *Sorokin P. A. Person. Civilization. Society*] Obsch. red., sost. i predisl. A.Yu. Sogomonov: Per. s angl. M.: Politizdat, 1992. S. 184–269. (In Russian)

Zamahina T. Putin: Sevastopolyu ne dali bolshe deneg, chtoby ne “rastyrili” // Ofitsialniy sayt «Rossiyskoy gazetyi» 21.06.2017. [Zamakhina T. Putin: Sevastopol was not given more money to not “Rastelli” / the Official website “Russian newspaper” 21.06.2017.] <https://rg.ru/2017/06/21-reg-ufo/putin-sevastopolu-ne-dali-bolshe-deneg-chtoby-ne-rastyirili.html>. Access 18.07.2017. (In Russian)

ВЛАСТЬ В ГОРОДЕ

ВЛАСТЬ В МОНОГОРОДЕ

А.Е. Чирикова, В.Г. Ледяев

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2016.3.7>

Аннотация. Статья опирается на результаты эмпирического исследования, проведенного в 2011–2015 гг. в пяти малых городах России, в том числе в моногороде в Пермском крае. Основной эмпирический материал был получен в ходе глубинных интервью с местными политиками, чиновниками, бизнесменами, местными и региональными экспертами.

Исследование показало, что конфигурация наиболее влиятельных акторов в моногороде заметно отличается от тех, которые мы обнаружили в других городах, где доминировали акторы, представляющие исполнительную власть. Наиболее влиятельными акторами в моногороде являются глава города, руководство градообразующего предприятия и лидеры районной администрации; при этом в оценке их властного потенциала наблюдаются заметные разногласия между экспертами. Другие акторы — городская и районная легислатуры, малый бизнес, общественные организации являются акторами второго уровня влияния, а руководитель исполнительной власти в городе, позиция которого в других локальных сообществах обеспечивала лидерство ее инкубенту, не обладал достаточным персональным ресурсом и потому фактически оказался зависимым от главы города.

Как и в других городах, открытые конфликты в публичном пространстве возникали лишь между акторами, представляющими различные структуры муниципальной власти; при этом наиболее острым был конфликт между городской и районной структурами власти, связанный не только с традиционными разногласиями по поводу распределения функций, но и с противоположными позициями, занятыми сторонами в вопросе о реформировании самой системы местного самоуправления. Менее конфликтными были отношения между местными администрациями и легислатурами, хотя наличие солидных фракций «заводских» в Город-

ском совете и, особенно, в Земском собрании во многом определяли городскую повестку и специфику локального политического процесса.

Наиболее значимая коалиция была сформирована между городскими властями и руководством градообразующего предприятия; в большинстве ситуаций коалиция успешно реализует свои интересы и с определенными оговорками может рассматриваться как основание городского режима в терминах К. Стоуна. Однако неформальная составляющая взаимоотношений заметно превалирует над формальной, а сколь-нибудь серьезные формальные организации, призванные защищать интересы бизнеса и способствовать оптимизации его взаимодействия с местными структурами власти отсутствуют. Это представляется вполне естественным в нынешнем (авторитарном) российском контексте, сужающим возможности политического действия и выстраивания коалиций между равноправными и автономными акторами в публичном пространстве.

Ключевые слова: власть, моногород, градообразующее предприятие, городская политика.

ВЛАСТЬ В МОНОГОРОДЕ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ

Власть в городских сообществах является одним из важных объектов эмпирического исследования в политической науке и социологии (Ледяев 2010: 23–52; Ледяев 2012). Ее изучение дает возможность не только объяснить источники и характер политических процессов на локальном уровне, но и обозначить перспективы развития тех или иных территорий.

К числу локальных сообществ, которые требуют специального внимания исследователей, относятся моногорода: конфигурация власти в них может заметно отличаться от других городов, при этом они чаще оказываются проблемными и социально неблагополучными, что наглядно демонстрирует современная российская практика.

Первое солидное эмпирическое исследование власти в моногороде, ставшее классическим, было проведено М. Кренсоном в г. Гэри (Индиана, США) (Crenson 1971). Кренсон попытался выяснить, почему в этом городе уделялось меньше внимания охране окружающей среды по сравнению с другими и пришел к выводу, что это стало результатом сильного скрытого влияния со стороны предприятия («Ю.С. Стил»), занимавшего доминирующее положение в экономике города. Внешне

ее политическая роль была весьма пассивной, однако ее интересы были хорошо представлены, поскольку те, кто принимал политические решения предполагали возможные реакции корпорации на принятие жестких антиполлюционных мер (снижение производства, сокращение рабочих мест, перенос производственных мощностей на другие территории и т.п.). Законодатели фактически действовали по принципу: что плохо для «Ю.С. Стил» — то плохо и для Гэри; поэтому корпорацию вполне устраивал существовавший уровень контроля за загрязнением окружающей среды в городе. Кренсон убежден, что отсутствие прогресса в создании системы действенного контроля за загрязнением воздуха стало результатом не простого стечения обстоятельств, а было обусловлено наличием влиятельного актора, незаинтересованного в решении проблемы. При этом власть корпорации осуществлялась не через принятие каких-либо решений, а путем предотвращения постановки «нежелательных» вопросов и/или их невключения в повестку дня.

Довольно много аналогий с ситуацией в Гэри было обнаружено российскими исследователями в г. Череповце (Бычкова, Гельман 2010: 73–82; Bychkova 2007). В экономике и политике этого города доминирует Череповецкий металлургический завод — одно из основных подразделений компании «Северсталь». Однако властный потенциал предприятия и его влияние на политические процессы не ограничивается «правлением предвиденных реакций»¹, а во многом обусловлен активным включением его руководства в городскую политику и процесс принятия решений. Его участие в общественно-политической жизни Череповца весьма значительно и проявляется в различных формах. Местная власть практически полностью зависит от городской экономической элиты. Компания выступает основным поставщиком управленческих кадров: все мэры Череповца — бывшие работники металлургического завода. Она же формирует стратегии городского развития, определяя круг вопросов, которые включаются в городскую повестку дня. Компании удастся в целом успешно поддерживать позитивный имидж и лояльное отношение со стороны горожан. Завод

---

¹ Термин «правление предвиденных реакций» (the rule of anticipated reactions) был впервые использован К. Фридрихом для объяснения тех случаев осуществления власти, где объект действует в соответствии с предполагаемыми намерениями субъекта, предвидя его реакции (Friedrich 1937: 16–18).

позиционируется компанией и местными властями как «символ прогресса и поступательного развития»; при этом негативное влияние завода, например, на городскую экологию, либо замалчивается, либо оправдывается как неизбежный продукт современного развития. При этом компания четко разделяет собственные интересы и интересы города, дистанцируясь от решения многих городских проблем, которые, по ее мнению, должен решать сам город (ЖКХ, транспорт, детские и медицинские учреждения).

Разумеется, структуру власти в городе нельзя рассматривать однозначно в терминах нулевой суммы и господства. Компания формирует благоприятный инвестиционный климат, способствующий притоку средств для развития местной инфраструктуры и жилищно-коммунальной сферы. Кроме того, испытывая потребность в квалифицированной рабочей силе, она вынуждена инвестировать в социальное развитие города и повышать его привлекательность. Исследователи заключают, что доминирование градообразующего предприятия не обязательно ведет к высокому и постоянно растущему уровню коррупции и увеличению неэффективных социальных затрат, а может оказывать благоприятное влияние на городское развитие, создавая условия для снижения транзакционных издержек. В отсутствии конкурентов, доминирующий актор тратит меньше ресурсов, что объективно способствует их перераспределению в пользу местного развития. Однако оборотной стороной режима роста в Череповце оказывается исключение ряда «неудобных» проблем из повестки дня и зависимость города от единственного экономического актора, что в определенных ситуациях (например, в условиях экономического кризиса) создает повышенные риски для его нормального функционирования.

В исследовании элит и политических процессов в моногородах Среднего Урала, проведенном Т. Витковской и О. Рябовой (Витковская, Рябова 2011) было обнаружено, что во всех локальных сообществах руководство градообразующих предприятий играло важную роль в местной политике. Интерес собственников и руководителей градообразующих предприятий к локальной политической сфере четко обозначился в нулевые годы, которые были относительно благоприятными для предприятий: город и завод стали восприниматься ими как некая единая экономическая, социальная и политическая система и пришло осознание необходимости активного участия в локальном политическом процессе.

В результате градообразующие предприятия в большинстве случаев становятся наиболее влиятельными акторами в локальном политическом пространстве, конкурирующими с главами муниципалитетов и складывающимися вокруг них неформальными группировками. В силу превосходства в ресурсах, именно градообразующие предприятия во многом определяют характер взаимоотношений между основными акторами в моногородах. Авторы выделяют две основные стратегии, избираемые ими в отношении структур местного самоуправления и, соответственно, две модели их взаимоотношений. Первую модель (она преобладала в нулевые годы) они назвали «моделью поглощения»: представители градообразующего предприятия оккупируют ключевые позиции в муниципальных органах власти и играют определяющую роль в принятии решений исполнительными и законодательными структурами. «Конвенциональная модель» складывается в результате отказа руководства градообразующего предприятия от явного доминирования в локальном политическом пространстве и ориентации обоих основных акторов на конструктивный диалог, которая воспринимается ими как более целесообразная и эффективная, чем конфликт. По мнению исследователей, в условиях кризиса данная модель взаимоотношения получает все большее распространение

ИЕРАРХИЯ ВЛИЯТЕЛЬНЫХ АКТОРОВ В МОНОГОРОДЕ

В нашем исследовании в пяти малых городах России¹ один из них был моногородом в Пермской крае; градообразующее предприятие — металлургический завод. Его выбор был обусловлен желанием определить, какую роль играет градообразующее предприятие во властных отношениях в локальном сообществе и какова специфика конфигура-

---

¹ Исследование проводилось в Пермском Крае, Ивановской и Тамбовской областях. Основной эмпирический материал был получен в ходе 76 интервью. Интервьюируемыми были руководители законодательной и исполнительной власти во всех локальных сообществах, ряд их заместителей (18), депутаты местных legislatures (12), чиновники и работники аппарата исполнительной власти (16) и legislatures, руководители местных газет и телевидения (6), предприниматели, бизнесмены и руководители предприятий (14), лидеры и активисты местных партийных и общественных организаций (5), эксперты (5). Отдельные фрагменты исследования были уже описаны нами ранее (Чирикова, Ледаев, Сельцер 2014: 88–105; Чирикова, Ледаев 2015: 6–32).

ции наиболее влиятельных акторов и их взаимоотношений в моногороде.

Исследование показало, что конфигурация наиболее влиятельных акторов в моногороде заметно отличается от тех, которые мы обнаружили в других городах (в порядке убывания): руководство градообразующего предприятия, глава города¹/районная администрация², сити-менеджер, малый бизнес, ЕР. При этом в моногороде иерархия наиболее влиятельных акторов выглядит, пожалуй, наименее очевидной, чем в других городах, где, как правило, наиболее влиятельными акторами были руководители администраций города. Первые три актора — глава города, руководство градообразующего предприятия, районная администрация — обладают примерно равными властными ресурсами, и в оценке их властного потенциала наблюдаются заметные разногласия между экспертами. Бесспорно, что и структура власти, и трудности в выстраивании иерархии наиболее влиятельных акторов во многом обусловлены наличием градообразующего предприятия, а также высоким потенциалом влияния районной администрации, обладающей большим объемом финансовых ресурсов, чем администрация города³.

Таким образом, в данном локальном сообществе имеют место три примерно равных центра силы — руководство города, района и градообразующего предприятия; при этом лидерами города и района оказались не городской сити-менеджер и глава районной администрации (что более естественно для отечественной политической практики), а, как мы увидим далее, другие лица. Поэтому вполне правомерно предположить, что в городе сложился своеобразный «треугольник власти», в котором, по аналогии с объяснением структуры властвующей элиты в США Ч.Р. Миллсом (Mills 2000), лидерство смещается от одной вершины к другой. Другие субъекты локальной политики играют существенную, но менее значимую роль в управлении городом.

На момент исследования наиболее влиятельным актором, по оценкам наших респондентов, считался директор машиностроительного

---

¹ Глава города избирался из числа депутатов и возглавлял местную легислатуру; администрацию возглавлял сити-менеджер.

² Мы не смогли определить, кто из двух данных субъектов публичной власти городского и районного уровней более влиятелен.

³ В других локальных сообществах ресурсы города, как правило, существенно превосходили ресурсы района.

завода. Основные аргументы, используемые экспертами в пользу данной конфигурации, исходили из его доминирующей роли в экономической и социальной сферах жизни города: *«Завод всегда являлся центром жизни в городе... Его сила строится на финансовой основе, и это трудно разрушить. Завод является экономическим базисом города, и от этого никуда не деться»*, — убежден профсоюзный лидер завода.

Ведущая роль завода сохраняется, несмотря на кризис и уменьшение ресурсов. В этих условиях, как полагают наши респонденты, решающими становятся уже не экономические, а человеческие и организационные возможности завода: *«Во время кризиса экономические потери завода тут же отразились на близлежащей инфраструктуре, которая раньше существовала за счет завода. Рейтинг завода в условиях кризиса явно упал. Но все равно влияние завода было и остается очень существенным. Люди от завода, которые входят в Земское собрание, в Думу, все они убеждают в том, что возможности у завода сильные. Персонал завода все равно более общественно активен. Работники завода более организованы»*, — продолжает свои размышления профсоюзный лидер.

Лидирующие позиции завода в неформальной иерархии статусов отмечают и другие респонденты. Глава районной администрации подчеркивает важность не только экономических ресурсов, которыми обладает завод, но и его авторитет в городском сообществе: *«Я не дам однозначного ответа на вопрос, кто самый влиятельный. Почему? Потому что по закону должен быть самым влиятельным район. Все потоки, экономические и политические сверху, с края идут через район. С другой стороны, есть градообразующее предприятие, хотя оно сейчас находится в достаточно тяжелом финансовом положении. Сейчас его влияние несколько упало. Но когда оно было сильным, в докризисное время, то бюджет этого предприятия в месяц, равнялся годовому бюджету района. Влияние завода очень большое. Здесь имеют значение авторитет, вес... у людей, а не только деньги»*.

Авторитет завода и, соответственно, его руководителя, во многом опирается на доверие своих работников и понимание его значимости как главного работодателя в городе. При этом имеют значение и персональные качества директора: *«Директор — главный работодатель в городе. И этим все сказано. Но главное в нем — он не так часто, как другие меняет свою позицию. Он предсказуем. Чего не скажешь о других руководителях в городе»*, — отмечает один из пермских экспертов.

Основными каналами влияния завода на политические процессы в городе являются городская и районная легислатуры. В обеих завод имеет своих представителей, причем в Земском собрании (районная легислатура) их почти половина (10 из 21), что, как мы увидим далее, во многом определяет характер ее взаимоотношений с иными акторами локальной политики. *«Город на те решения, которые мы в районе принимаем, формально не может на них влиять. А вот завод... Вспомните поговорку, которая была в Советском Союзе... Тот прав, у кого больше прав... В кризис завод немного просел... Но все равно он проводит своих депутатов в легислатуры. Если провел — значит, он может влиять на политическую ситуацию. И на принятие решений»,* — убежден глава администрации района.

Представители завода в легислатуре города не обязательно являются непосредственно работниками завода: *«На решения главы города вполне может влиять директор предприятия, у него для этого существует инструмент. Властный инструмент. Это дума городского поселения, в которой в значительной степени занимают депутатские места представители металлургического завода. Даже если они не являются напрямую работниками металлургического завода, то это люди, которые ушли в представительную власть с поддержкой финансовой завода. Организационной поддержкой. Поэтому рычаг воздействия здесь существует очень прямой. Он создан для того, если глава города или глава администрации займут непредсказуемую позицию»,* — полагает местный журналист.

Хотя большинство наших респондентов и называют руководство завода в качестве наиболее влиятельной силы в моногороде, его ресурсы влияния вряд ли (существенно) превосходят ресурсы других акторов «треугольника власти». Тем более, что отношения между ними довольно часто меняются: *«Я бы не отдавал заводу пальму первенства по всем направлениям. Смена власти может произойти мгновенно. Вы знаете, что наша городская власть часто меняет свои позиции. Бывшие враги запросто становятся друзьями и наоборот. Так что завод не безусловно влиятельная фигура. Но все же завод на фоне остальных все равно более влиятелен. В любой конфликт в городе обязательно втягивается завод»,* — замечает один из наших респондентов.

Другие респонденты более склонны говорить о динамическом равновесии основных акторов и относительном равенстве имеющихся у них ресурсов. При этом они подчеркивают, что восприятие своих

ресурсов у них может быть не вполне адекватным, и они часто переоценивают свое влияние на ситуацию в городе: *«Я хорошо знакома с геометрией, в которой говорится, что три точки определяют плоскость. Поэтому важен каждый в этом треугольнике власти. Завод — это экономика. Это основные налоги. Власть муниципальная — это обеспечение жизнедеятельности и среды, в которой обитает население. Именно эта власть определяет отношение населения к территории. Район определяет общий политический фон на уровне восприятия губернатора. Район является внешним уровнем формирования политики. Но что интересно: каждый тянет свое одеяло на себя, заявляя о том, что именно он — главный. Заслуги того или иного руководителя каждым из этой тройки занижаются, причем сознательно. Для выпячивания собственного Я. Сегодня каждый пытается навешать себе орденов на грудь, причем совершенно незаслуженно. Совершенно не понимая того, что в одиночку они погибнут»*, — считает бывший заместитель главы администрации района по социальным вопросам, а ныне специалист по работе с территориями в областной администрации.

По ее мнению, первое известное снижение ресурсов влияния завода, позволившее говорить о приблизительном равенстве трех акторов, произошло в марте 2011 года, когда завод не смог убедить своих работников голосовать так, как этого хотел руководитель завода: *«Мартовские выборы в 2011 году четко показали, что корпоративная дисциплина, на которую так рассчитывал завод, не сработала. Неправильно выстроенная композиция из двух фигур против третьего, как раз на выборах сыграла злую шутку. Я не могу сказать, кто сильнее из этих трех фигур. За каждым из них есть проигрыши и победы»*.

В наличии равновесия между тремя ключевыми фигурами в городе убежден и заместитель главы администрации района. Он также считает, что снижение влияния завода отчасти связано с неправильно выстроенным в ходе избирательной кампании альянсом. Кроме того, сказываются и ухудшившаяся в то время экономическая ситуация, и трудности в модернизации предприятия, которая давно назрела: *«Завод сдал свои позиции. Он проиграл выборы. Завод поддержал главу, который выборы проиграл. Как руководитель завода директор тоже проиграл. Сначала он публично называл воров и мошенником главу города, а потом его поддержал. При таком уровне статуса этого нельзя было делать... Заводу надо делать реконструкцию, без нее завод потихоньку умирает. Осталось только два цеха, которые сегодня более или менее*

функционируют. И неизвестно, что будет дальше. Завод, конечно, работает, но он не развивается. Если он и дальше не будет развиваться, то через некоторое время он просто не сможет конкурировать. Директор должен что-то сделать, если он ничего не сделает, то в дальнейшем заводу будет еще хуже. Так что сегодня они все примерно на одном уровне влияния»¹.

Бывший мэр города (2004-2007 гг.) вообще не считает, что руководство завода является наиболее влиятельным актором в городе: *«Никто из трех фигур не обладает преимущественным влиянием. Из-за этого у нас все разногласия. Ни у кого нет контрольного пакета влияния на территорию. У кого он больше? Если судить по избирательной компании, то по факту получается — у главы администрации района. Но реально это не так. И глава города тоже не обладает должным влиянием. Работодатели его не шибко воспринимают. Сегодня он сумел договориться с железной дорогой, с заводом, но бюджетники из образования и здравоохранения его не поддерживают. Они поддерживают главу администрации района. Я мог бы увидеть в фигуре директора такого влиятельного человека, но глава администрации района... играл против завода и выиграл. Директор не ближе ни к главе администрации района, ни к главе города. Он здравомыслящий человек. Хоть он и не руководит городом, но он за него болеет. Он понимает, что эти две муниципальные власти, которые не могут между собой договориться, требуют перемен. Но пока этого шага не сделано, полноты влияния у завода все равно нет».*

Другие респонденты подчеркнули, что все три наиболее влиятельных актора имеют разные наборы ресурсов и, соответственно, преимущественное влияние в разных сферах городской жизни. В частности, пресс-секретарь районной администрации уверен, что именно это и порождает конфликты между ними: *«Влияние может быть разным. Финансовое влияние, моральное влияние... Однозначно нельзя сказать, что кто-то из трех фигур обладает всем набором влияния. У всех разные ресурсы. Более того, в сложившейся ситуации очень сильно все завязано на личностях. Мне кажется, что это узнаваемая ситуация. Я здесь работаю уже 6 лет, и все 6 лет у меня складывается ощущение, что эти люди просто бодаются».*

---

¹ В настоящее время, как нам стало известно, влияние завода снизилось. Это объясняется и экономическим кризисом, и нежеланием банков давать обещанные деньги на модернизацию предприятия.

В отличие от других городов, как уже отмечалось ранее, мы не смогли определить, какая из двух структур муниципальной власти более влиятельная. По идее район должен быть влиятельнее города, поскольку его бюджет существенно больше. Однако оценки наших респондентов не подтверждают (заметного) лидерства района в этой паре.

Некоторые респонденты отдают пальму первенства району, полагая, что он с каждым месяцем наращивает свои ресурсы, а город их, наоборот теряет: *«У меня стойкое убеждение, что район город переигрывает. Возможно, город это понимает. Глава города пытается сформировать свою команду. Он даже одного специалиста увел из района, и тот сейчас на голову выше всех в городской команде»*, — замечает один из наших респондентов. При этом оценки потенциала влияния двух структур локальной власти имеют в основном экономические и кадровые основания: *«Сейчас идет борьба между городом и районом за право реализации инновационной инвестиционной программы. Я не думаю, что обе фигуры в связи с этим набирают только политические баллы. Я вижу в этой борьбе чистую экономику. Тот факт, что району удалось откусить от города строительство пятнадцатикилометровой дороги, которое должен был делать глава города, говорит о том, что члены команды главы администрации района наращивают свои ресурсы влияния. Город понял, что у него нет кадров, которые смогут это сделать. Подготовить конкурсную документацию, найти подрядчиков, провести конкурс. В результате город все это отдал району. Так у кого ресурсов и возможностей больше?»* — замечает в своем интервью молодой руководитель одной из управляющих компаний.

Безусловное первенство респонденты отдают району в вопросах, касающихся социальной политики: *«На мой взгляд, что касается социальной сферы, наиболее влиятелен район. Больше влияния на социальную сферу никто самостоятельно не оказывает. Директор завода, и глава городского поселения, они здесь живут, поэтому им нужна социальная сфера»*, — замечает в своем интервью нынешний заместитель главы администрации района по социальным вопросам. Здесь его роль более значима, чем даже у завода, который более ориентирован на себя: *«Завод, конечно, обладает наибольшими ресурсами, но он их использует у себя за забором. Понятно, что он помогает городу и району, причем много помогает. Реализует социально-культурные проекты. Это действенный орган. Мы как городская администрация реализуем бюджетные обязательства, которые у нас заложены. Ресурсы у нас исключи-*

тельно городские. Поэтому возможности наши малы. Не сравнить с заводом. Но при желании завод мог бы делать еще больше, если бы прислушивался больше к нашим просьбам», — убежден глава администрации города.

Но в других сферах, несмотря на более серьезный бюджет, район не выглядит лидером, а некоторые респонденты полагают, что с заводом по силе влияния может конкурировать скорее город, а не район. На наш взгляд, это во многом обусловлено субъективным (персональным) фактором: персональный ресурс главы города несколько выше, чем у главы районной администрации.

Описывая политические и личностные ресурсы влияния главы города, представители местной элиты полагают, что он наиболее сильный политик в городе, гибкий, умелый, опытный, умеющий разговаривать с населением: *«Глава города изощреннее любых других политиков в городе. У него больше опыта. Он людей насквозь видит. Он с любым может договориться, и пойдет на любые компромиссы. Без вопросов. У него нет речи, но зато есть чутье и некая харизма. Он неизвестно что болтает, но его народ при этом слушает. Он свойский. Он разговаривает у подъезда с бабушками, и они его принимают. А потом идут за него голосовать. Хотя мысли свои он выражать совсем не умеет. Он абсолютно не подготовленный человек. Из его слов нельзя понять, что он, собственно говоря, имеет в виду. Только наше население его способно принять. У нас город рабочий. Поэтому здесь, такие как нынешний глава востребованы. Но люди в городе при этом все очень добрые. Это не их вина, что у них нет уровня культуры», — так характеризует главу города режиссер местного телевидения. Практически те же выражения использует и другой эксперт: «Несмотря ни на что, у главы города существует до сих пор достаточно большой политический вес. Его поддерживает определенная электоральная часть. Не скажу, чем он берет население. В нем есть харизма... Он душка... Душа компании, может кого-то полить, может кого-то облакать. Никакого другого качества у него нет. Душа компании. Он вырос из 90-х годов, из секретарей горкомов, председателя исполкома, из главы города. Это его профессия, это его жизнь. Он ничего другого не умеет делать».*

Пожалуй, важнейшим качеством, способствующим высокому потенциалу влияния главы города, является его умение выстраивать отношения с субъектами власти вышестоящих уровней: *«Это человек-глыба, как он сам себя называет. Сейчас мы вместе ходим и обиваем*

пороги правительства Пермского края. Он со всеми может договориться, обнимается с многими, и все его знают. И везде ему удастся договориться о том, что ему на данный момент больше всего надо», — так высказывается о нем глава администрации города. В этом убежден и сам глава города, уверенный в своих способностях осуществлять коммуникацию с самыми различными людьми: «Я люблю коллегиальность при принятии решений. Хотя окончательное решение выношу я сам. Еще у меня есть знание людей. Я умею выжать из них то, что мне надо. Я коллективный человек. Стал членом президиума союза малых городов. Вхожу в ассоциацию городских поселений. Возглавлял ассоциацию Союз лет 8 или 9. Потом появилась ассоциация «Согласие» построенная по тому же образу и подобию. Считаю, что я обладаю определенным авторитетом среди городов и районов Пермского края. Можно сказать, что мало кто меня не знает».

Разумеется, не вся местная элита в восторге от главы города. У некоторых респондентов его коммуникативные способности ассоциируются с манипуляцией: *«Он просто прелесть. Врет всем подряд и все подряд. Но при этом обладает своей харизмой. Очень хорош при разговоре с бабушками у подъезда, все его слова очень убедительны. Популист с большой буквы. Огромный опыт», —* отмечает пермский эксперт, бывший житель У. Другие открыто намекают на его связи с криминалом: *«У главы города сложилась такая репутация, что при необходимости он может доставить неприятности. В 90-е годы это было связано с криминалом. Все думают и сейчас, что он вполне может навредить, если захочет».* Но практически все признают, что ему удастся оставаться одним из наиболее влиятельных фигур в городе, даже несмотря на то, что позиция руководителя главы города и руководителя Городского совета формально дает ему меньше ресурсов, чем у сити-менеджера, возглавляющего городскую администрацию.

Иная конфигурация ресурсов у главы районной администрации. Обладая большими по сравнению с городом бюджетными ресурсами, он, по мнению многих респондентов, не смог стать наиболее влиятельным политиком в локальном сообществе. Главные причины этого они видят в его личных качествах и в недостатке профессиональных компетенций. Это привело к тому, что многие его функции перешли к членам его команды, прежде всего к его первому заместителю по финансам, а также к заместителю по юридическим и политическим вопросам: *«Глава администрации района сегодня предстает голым королем, кото-*

рый наделен полномочиями, но при этом принимать какие-то самостоятельные решения, особенно в трудный момент, он не может. Он предпочитает куда-либо уехать, либо отправиться в деревню с какой-либо проверкой. Лишь бы не принимать решения. И всегда это делает исполняющий обязанности», — замечает один из наших экспертов.

«Сегодня как получается? Власть в городе или районе получает не тот, у кого статус, а у кого лучшее знание законов и умение их обойти. Если ты профессионал, ты получаешь власть над главой администрации, потому что обычно глава администрации не разбирается до тонкостей в профессиональных вопросах», — продолжает эту мысль другой наш респондент.

В результате привычка передоверять решения своему окружению привела к утрате власти в команде: *«Глава администрации района из мужиков. Он из завода пришел. У него команда... которая им управляет. Когда я бывал у него, будучи еще главным инженером в водоканале, то он решение с ходу не принимал никогда. Он всегда советовался... и перестал замечать, что власть от него постепенно ушла в другие руки», —* считает глава администрации города. Тем самым потенциал власти главы районной администрации оказался нереализованным, что существенно снизило его реальное влияние на локальный политический процесс и, соответственно, роль районной администрации. В каких-то аспектах это было компенсировано фигурами из его команды, но не в полной мере.

Кроме трех основных акторов — руководства завода, главы города и администрации района в локальном политическом пространстве города других сильных игроков нет. Потенциально им должен был стать сити-менеджер, являющийся главой городской администрации; однако в момент исследования он только вступил в должность и фактически находился под контролем главы города.

Представительные институты в городе — местные легислатуры, партийные и общественные организации уже являются акторами второго уровня влияния. В паре «Городская дума — Земское собрание» более субъектной представляется районная легислатура. Связано это с тем, что в ней сложились две примерно одинаковые по численности и ресурсному потенциалу группы — «заводские» и «районные», отражающие основное политическое размежевание в данном локальном сообществе; поэтому Земское собрание имело больший оппозиционный потенциал, чем Городской совет. *«Если Городская дума вообще никаким*

актором не является, то Земское собрание, все же претендует на эту роль», — так обозначил роли и потенциал влияния местных legislatures заместитель руководителя районной администрации, ее фактический лидер.

Объяснения слабости местных представительных органов у наших респондентов в моногороде, по сути, ничем не отличалось от того, что давали респонденты в других городах: депутаты «подобранны», многие не вполне самостоятельны, используют Думу для защиты своих собственных (корпоративных) интересов. Однако в отличие от других городов, где слабость городских legislatures была во многом обусловлена низким персональным авторитетом его представителей, в том числе руководителей, в моногороде глава города (он же председатель Городского совета) был весьма влиятельной фигурой, контролировавшей не только Совет, но и назначенного сити-менеджера. Тем не менее, вряд ли можно переносить на Думу властный потенциал его руководителя, поскольку именно он определяет деятельность Думы, а не наоборот.

Местный (малый) бизнес занимает невысокое место в локальной властной иерархии и по оценкам наших информантов его потенциал влияния относительно невелик. В некотором смысле он не вполне автономен и зависит от завода, который обеспечивает его работой. Кризис осложнил положение малого бизнеса, поскольку резко снизилась ресурсная база помощи завода малому бизнесу. Своих ассоциаций у бизнеса нет, он разобщен и не способен играть роль самостоятельного актора городской политики: *«Мне неизвестны никакие заметные предпринимательские организации. Кое-где объединения возникают, но они не носят устойчивого характера. Бизнес идет за деньгами. Как и везде. Им незачем объединяться. Скорее они воюют друг с другом, нежели пытаются искать площадки взаимодействия»,* — уверен один из наших экспертов. Общая оценка политического потенциала и роли бизнеса нашими информантами такова: *«На сегодняшний день все попытки объединить бизнес ни к чему не приводят».*

По сути, это означает, что предпринимательский слой в городе занят только своими собственными проблемами, договариваясь с властью об их решении исключительно на неформальной основе. Бизнес не доверяет власти и самому себе. Он не хочет выстраивать с властью формально-оформленных отношений, но одновременно он не заинтересован в координации своих действий с коллегами, наивно полагая, что может выжить в одиночку. Подобные установки представителей

бизнеса не могут способствовать развитию бизнес-организаций, поэтому не случайно, что они не появляются в городском пространстве малых городов, или появляются, чтобы погибнуть через 2–5 лет, так и не оправдав надежд своих создателей.

Партия власти, по оценкам наших респондентов, стремительно теряет свои ресурсы влияния в городе; при этом они весьма скептически относятся и к ее роли на федеральном уровне: *«Я активно занимался выборами четыре года назад в федеральное собрание. И ситуация тогда была совершенно другая. На сегодняшний день я вижу, что, скорее всего, выборы партия ЕР проиграет. По крайней мере, в районе. На предыдущих выборах ЕР набрала порядка 70%. На этот раз так не будет. На сегодняшний день у нас есть политсовет, куда я вхожу, и который контролирует всю ячейку в 360 человек. Если мы не договоримся, то ситуация в городе, по сравнению с другими территориями, будет весьма неоднозначной. Нам сегодня удастся набрать не более 40–45 %.*», — полагает известный предприниматель, прогноз которого относительно потери голосов партии власти на выборах полностью подтвердился.

Объяснение стремительного падения рейтинга ЕР дает глава администрации города: *«Я считаю, что ЕР должна быть другой. По крайней мере, все должно делаться не так, как у нас. Я не знаю, как партия выглядит в других городах. Но у нас работа делается очень формально. Отсюда и результаты, которые мало кого устраивают».*

Каких-то других реальных игроков в пространстве публичной политики в моногороде нет, поскольку институты гражданского общества практически не сформированы. К числу действующих организаций, которые можно считать институтами гражданского общества лишь условно, относятся общественная приемная президента Путина, Совет профсоюзов, действующий на территории района Совет ветеранов, комитеты общественного самоуправления. Но их влияние более чем скромное: *«Сигналов, идущих к власти от населения нет. Реакция населения на власть выражается только в одном — в нежелании голосовать. Вероятнее всего гражданская схема, при которой можно влиять на власть снизу, у нас в городе не работает. Говорить о сформированном гражданском обществе не приходится... Сказать что-то о власти могут, но сделать — нет. Есть четыре гражданские структуры, которые можно назвать таковыми весьма условно. Но и их надо интегрировать, чтобы получалось заметное воздействие на власть. Но я считаю, что это неэффективные и непоследовательно работающие структу-*

ры», — размышляет руководитель профсоюза машиностроительного завода. Его профсоюз пытался выстроить отношения с бизнесом, но тот ведет себя очень осторожно и не спешит к заключению соглашений.

Таким образом, конфигурация наиболее влиятельных акторов в У представляет собой некий триумвират — три группы акторов, обладающих наибольшими и сопоставимыми ресурсами: персоны, руководящие градообразующим предприятием, городом и районной администрацией; влияние других акторов незначительное. Данная конфигурация нам представляется вполне естественной для моногорода, где роль третьей силы — градообразующего предприятия — всегда будет весомой.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ И КОАЛИЦИИ МЕЖДУ ОСНОВНЫМИ АКТОРАМИ В МОНОГОРОДЕ

Взаимоотношения между основными акторами в моногороде обнаружили довольно много сходства с другими городами; но имели место и заметные различия. Также как и в других городах, открытые конфликты, наблюдаемые в публичном пространстве возникали лишь между акторами, представляющими различные структуры муниципальной власти; при этом наиболее острым был конфликт между городской и районной структурами власти.

Наряду с традиционными разногласиями по поводу распределения функций, полномочий и обязанностей, существенную роль сыграл персональный фактор: глава города на выборах главы района претендовал на лидирующие позиции, но так и не смог победить действующего претендента, ставшего главой администрации района. Это, как часто бывает, привело к взаимным обидам и попыткам обеих сторон принизить роль друг друга в локальной политике.

Но главная причина конфликта заключалась в том, что стороны заняли противоположные позиции в вопросе о реформировании самой системы муниципальной власти в городе/районе, которое привело бы в итоге к радикальному изменению состава политико-административной элиты и ее институционального статуса.

Суть конфликта заключалась в том, что глава города предлагал вернуться к идее городского округа и ликвидировать районный уровень власти, в то время как руководство района настаивало на т.н. «ленинградском проекте», при котором ведущим игроком в локальном

политическом пространстве оказывался район, а город как политическая единица значительно терял в своем реальном статусе и фактически исчезал как управляющая единица. В любом случае, реализация того или другого проекта неизбежно привела бы к существенному сокращению должностей у одной из команд и, соответственно, всплеску конфликтных настроений; при этом оба лидера локальной власти порозному оценивали и сложившуюся ситуацию, и свои собственные перспективы.

Проекты институциональных преобразований муниципальной власти раскололи местную элиту и экспертное сообщество. Подавляющее большинство наших респондентов склонялись к тому, что для моногорода модель городского округа предпочтительнее ленинградского проекта. Например, такого мнения придерживается специалист территориального управления краевой администрации, бывшая зам. главы администрации района по социальным вопросам: *«Я считаю, что наиболее реалистичный вариант для города — это городской округ. Уже сложилась определенная практика, есть возможность проанализировать эту ситуацию. Вариант ленинградского проекта на территории нашего края никем не рассматривается, даже в перспективе, как идея изменения границ муниципального образования. Городской округ только в этом году проходит процедуру согласования на пяти территориях».*

Но в итоге ни один из проектов так и не был реализован: вмешалась администрация Края, которая почувствовала опасность дестабилизации управления в городе и угрозу поддержанному на федеральном уровне проекту модернизации завода. Этот исход предсказал бывший мэр города: *«У нас в городе при нынешних руководителях не будет ни городского округа, ни ленинградского проекта. Эти два человека не интересуются делами территории, им нужна власть ради власти. Они ее не отдадут. Край при этом вполне может отказаться от передела власти, потому что выбор новых лидеров труден, а ситуация должна быть стабильной. А они спокойно согласятся, чтобы не рисковать местом во власти. Но все рано это не решение вопроса, а его консервация. Этих двух фигур необходимо менять. Их нахождение во власти опаснее, нежели непредсказуемая смена властных фигур».* С этим согласны и другие наши респонденты, уверенные, что вмешательство региональной власти отразило ее стремление сохранить старую конфигурацию власти из-за нежелания рисковать спокойствием и стабильностью на территории.

Отношения между другими структурами муниципальной власти оказались значительно менее конфликтными, чем между районом и городом. Городская дума обычно не ссорится с администрацией. Это вполне закономерно, учитывая, что депутаты «подобраны», а их руководитель умеет гибко управлять Думой и гораздо влиятельнее сити-менеджера. В Думе есть группа депутатов, представляющих градообразующее предприятие; но поскольку между руководством города и предприятием в момент исследования имели место вполне лояльные (коалиционные) отношения, серьезных трений не возникало.

Несколько иные отношения сложились между районной администрацией и Земским собранием, в которой «заводские» и «районные» составляют две примерно одинаковые группы; поэтому, по оценкам наших респондентов, Земское собрание может занимать более независимую по сравнению с Городским советом позицию по отношению к администрации. Как уже отмечалось ранее, противостояние группировок в Собрании, отчасти открытое, отчасти завуалированное, сохраняется, поскольку сохраняется конфликт интересов внутри сообщества и представляющей его политической страте. В некотором смысле это противостояние отражало трения между районной администрацией и заводом, который в период проведения исследования имел партнерские отношения с руководством города и нередко оппонировал районной власти. Представленность завода в собрании, его высокий авторитет и потенциал влияния в моногороде существенно нивелировали параметры асимметрии и доминирования исполнительной власти в районной легислатуре.

Отношения между исполнительной властью и бизнесом также во многом схожи с тем, что наблюдалось в других городах. Главное отличие заключается в особой роли градообразующего предприятия в локальной политике.

Поскольку других реальных акторов, хоть как-то влияющих на политические процессы в моногороде нет, то, соответственно, нет и сколь-нибудь серьезных конфликтов, вынесенных в публичную сферу. Это отражает слабость гражданского общества, не готового в необходимых случаях выступить оппонентом местной власти в отстаивании интересов отдельных индивидов и социальных групп.

Что касается коалиций и кооперации акторов в городе, то здесь, как и в других городах, были обнаружены самые разные по характеру и составу участники коалиции — как внутри публичных (муниципаль-

ных) структур власти, так и между представителями местной власти и бизнес сообщества.

Наиболее сильная (влиятельная, значимая) коалиция была сформирована между городской властью и руководством градообразующего предприятия (*«Между городом и заводом сложился определенный тандем, заинтересованный друг в друге»*). В большинстве ситуаций коалиция успешно реализует свои интересы. Некоторые респонденты полагают, что она более выгодна городу, поскольку для города завод — главный работодатель, он дает рабочие места, налоговые поступления; в то же время *«городу нечего предложить заводу»*. Но, судя по всему, это не совсем так. Заводу нужна социальная стабильность, и он хочет быть представленным в местной легислатуре, что без кооперации с властями, имеющими административный ресурс, вряд ли возможно. *«Конечно, я вступаю в различные коалиции с властью, — говорит директор завода. У меня для таких коалиций несколько интересов. Во-первых, мне важно социальное спокойствие на заводе. Подорвать это спокойствие можно достаточно легко. Второе — 4 декабря я буду избираться в ЗС Пермского края. Мне нужна железобетонная коалиция с [руководителями города и района]. За ними административный ресурс. Они могут подключить школы, больницы, бюджетников и пр. Если я с ними об этом договорюсь»*. Наконец, бизнес директора завода по уборке городской территории предположительно строится на заказах от городских властей: глава города *«имеет свой бизнес, аффилированный с заводом. И [директор завода] помогает ему его поддерживать. Вот вам мотив для взаимной поддержки»*, — поясняет наш респондент.

Что касается коалиций и кооперации акторов в городе, то здесь, как и в других городах, были обнаружены самые разные по характеру и составу участников коалиции — как внутри публичных (муниципальных) структур власти, так и между представителями местной власти и бизнес сообщества.

Наиболее сильная (влиятельная, значимая) коалиция была сформирована между городской властью и руководством градообразующего предприятия (*«Между городом и заводом сложился определенный тандем, заинтересованный друг в друге»*). В большинстве ситуаций коалиция успешно реализует свои интересы. Трудно однозначно сказать, какой из этих двух факторов оказался более значимым в плане формирования коалиции. Некоторые респонденты особо подчеркивают важность структурного фактора: заводу совсем не обязательно участвовать

в местной политике, поскольку его интересы всегда учитываются. Руководитель районной администрации уверен, что участие завода является, как минимум, избыточным и далеко не эффективным: *«Я не могу понять, зачем [директору завода] вмешиваться в работу Земского собрания и района. Нет причин для того, чтобы думать, будто бы район что-то делает не так для завода... Зачем человеку нужна власть?... Чтобы другой подчинялся и не отбирал кусок мяса. Тем более, что своим участием в политике он не обеспечивает социальной стабильности. Если бы ему действительно была нужна стабильная территория, то ряд шагов он бы просто не делал. Для того, чтобы не дестабилизировать обстановку».*

Но есть и противоположная точка зрения: завод должен активно участвовать в политике, поскольку без этого вряд ли можно обеспечить оптимальные условия для развития предприятия и формирования позитивного имиджа. *«Это правильно, это разумно, когда завод участвует в политике... Предприятие, которое своими налогами и активами добивается возможности территории развиваться, на мой взгляд, должно участвовать в формировании политики в целом на территории. Что такое сегодня политика? Практически политика — это есть деление денег, которые есть на территории. Это формирование того образа жизни, формирование той стратегии, по которой развивается территория, формирует свой имидж. Без денег сегодня имидж не сформировать. Раз деньги зарабатываются предприятием, то естественно, что руководство предприятия ощущает потребность участвовать в формировании такой стратегии»*, — убеждена специалист по работе с территориями в областной администрации, бывший заместитель главы района по социальным вопросам.

Ее поддерживает и профсоюзный лидер завода: *«Я помню все выборные компании 2008 года. И еще более ранние. Почему мы посылаем людей во власть? Чтобы гасить конфликты. Нам проще договориться с заводскими людьми. Сегодня на уровне Земского собрания и Городской думы конфликтов нет. По крайней мере, на этом уровне. Можно спокойно садиться за стол и разговаривать с ребятами».*

Практически все респонденты указывают на то, что оба ключевых участника коалиции реально стремятся к поддержанию хороших отношений. При этом персональная составляющая коалиционного взаимодействия и мотивация первых лиц играют едва ли меньшую роль, чем соображения функциональной пользы для жителей города и ра-

ботников завода. Многие из опрошенных убеждены, что тесное сотрудничество глав города и завода связано с их коммерческими интересами и выгодой, получаемой ими как политическими, и, особенно, экономическими субъектами.

Третья локальная сила — руководство района — часто выступает оппонентом первых двух, что не позволяет рассматривать ее в качестве полноправного члена правящей коалиции; между ней и «режимными акторами», как уже отмечалось ранее, имеют место довольно острые конфликты, возникающие и вследствие личных амбиций, и в силу расхождения интересов, и в связи с попытками изменить конфигурацию властных полномочий в свою пользу. Разумеется, нельзя утверждать, что руководство района постоянно проигрывает руководству города и завода в конфликтных ситуациях. Однако в целом перевес не на ее стороне.

Коалиции власти с другими представителями бизнес-сообщества прослеживаются не столь явно. Однако они есть, особенно в сфере социальных проектов, и они, по мнению наших респондентов, строятся главным образом на технологии откатов: *«Единственное, в чем власть и бизнес взаимодействуют, — это разные конкурсы. Здесь для власти важно, чтобы выиграли свои. Со своими есть договоренность — будет откат. Учитывая, что мы участвуем в программе «Моногород», то деньги на конкурсах разыгрываются немалые»,* — считает известный в городе журналист.

Есть скрытые договоренности главы города со строительным и дорожным бизнесом, которые выгодны и представителям власти, и строительным кампаниям. Об этом говорит бывший мэр города: *«У нас строители построили два дома, которые по сравнению с хрущобами и панельными домами намного лучше. Собственнику, который владеет этим жильем, надо было продать это жилье. И глава города, видимо используя откаты, взял и выкупил у собственника это жилье. Но точно я не знаю. Можем вспомнить также о ремонте дорог. Это всегда место, куда можно закатать много денег. Так что глава города — богатый человек».*

Тесно взаимодействует городская власть с управляющими компаниями в сфере ЖКХ и ремонта. В этих сферах вращаются довольно большие (по меркам малого города) деньги и обе стороны научились их присваивать: *«У нас есть договоренность среди депутатов, что желательна, чтобы работы по ЖКХ предлагались своим. А свои, — это*

глава города. Хотя все знают, что глава города принадлежит к криминальным структурам в городе. Речь идет в первую очередь о системе ЖКХ. Поток неучтенный идет через подряды. Эти люди составляют его близкий круг, и именно с ними глава создает коалицию. Получается, что во многих вопросах при принятии решений, мы депутаты, просто пешки. Это очень коррумпированная структура... все строится на выигрывании конкурса. Это отработанная технология. Существуют комиссии, которые тоже должны в этом участвовать, но это чисто декоративные образования. Это выгодно обеим сторонам», — замечает в своем интервью депутат Городской думы.

Как и в других городах, неформальная составляющая взаимоотношений заметно превалирует над формальной, а сколь-нибудь серьезные формальные организации, призванные защищать интересы бизнеса и способствовать оптимизации его взаимодействия с местными структурами власти, отсутствуют.

Теневые договоренности позволяют ее участникам извлекать выгоды, прежде всего персональные и корпоративные. По-видимому, данная ситуация представляется типичной для малого города, где «все друг друга знают» и потому предпочитают договариваться без институциональных посредников. В большинстве коалиций ведущую роль играют представители муниципальной власти; более равноправные отношения складываются у местной политико-административной элиты с руководством градообразующего предприятия, которые вполне могут претендовать на роль правящей коалиции (режима).

СЛОЖИЛСЯ ЛИ ГОРОДСКОЙ РЕЖИМ В МОНОГОРОДЕ?

Также, как и при анализе взаимоотношений между ключевыми акторами в других городах, мы испытывали известные трудности и сомнения относительно идентификации режима в моногороде¹. Однако

---

¹ Напомним, что в его классической интерпретации, каковой считается интерпретация К. Стоуна (Stone 1989), городской режим представляет собой кросс-секторальную коалицию, т.е. коалицию между акторами, представляющими публичные структуры власти (представители администрации, депутаты, чиновники) и акторами т.н. частного сектора (бизнес, НКО, гражданские организации); в ней нет жесткой субординации/подчинения и она не сводится к электоральной коалиции, а предполагает более широкий спектр формаль-

аргументов в пользу наличия режима в этом городе у нас оказалась больше, чем относительно других городов, ставших предметом нашего исследования.

Главный из них заключается в том, что на момент исследования в городе имела место кросс-секторальная коалиция. Ее главными субъектами были руководство завода и представители политико-административной элиты, объединившиеся вокруг главы города. К ним примыкал местный бизнес, связанный с ними неформальными отношениями и также получавший выгоды из их взаимодействия.

Как уже отмечалось ранее, коалиция города и завода имела безусловные структурные основания: правящая коалиция в моногороде маловероятна без участия градообразующего предприятия. Разумеется, при иных обстоятельствах такая коалиция могла (и может) возникнуть между заводом и руководством района. Но в любом случае наиболее влиятельные муниципальные акторы вынуждены «дружить» с заводом; при этом в период проведения исследования обе стороны стремились поддерживать друг с другом хорошие отношения, подтверждая идею Стоуна о том, что режимы не формируются стихийно, а являются результатом совместных усилий его основных участников.

Кроме того, если в других городах местный бизнес серьезно разобщен и потому не способен стать в полной мере равноправным участником правящей коалиции, то в моногороде эта трудность в некотором смысле снимается, поскольку у завода нет проблемы коллективного действия, и он может мобилизовать ресурсы, сопоставимые с ресурсами любой возможной городской бизнес-коалиции.

Наконец, в отличие от других городов, где асимметрия в отношениях между ключевым актором — руководством городской администрации и остальными акторами очень заметна, что в определенном смысле подрывает саму идею коалиции как союза акторов, в моногороде ядром коалиции выступают два примерно равных по силе влияния актора; поэтому

ных и неформальных взаимодействий; режим относительно стабилен и имеет устойчивую повестку — набор целей и программ, которая символизирует определенное согласие по фундаментальным ценностям членов коалиции и должна быть достаточно устойчивой, чтобы способствовать сохранению режима, несмотря на изменения в лидерстве и конфигурации акторов. В «европейских» версиях число обязательных признаков городского режима существенно меньше; поэтому режимами обозначаются и правящие коалиции, состоящие из акторов публичного сектора (Ледяев 2012: 150-176).

коалиционный характер отношений здесь более очевиден, а респонденты нередко используют термин «тандем» для их обозначения.

Но в моногороде складывание коалиционных отношений осуществлялось в условиях отсутствия организаций, координирующих усилия и активность ключевых акторов, что отличает пермскую практику от многих режимов в американских и европейских городах, где те или иные формальные организации нередко выступали одновременно и площадкой для переговорных процессов, и силой, обеспечивающей реализацию сложившихся договоренностей¹. Можно предположить, что данная ситуация типична и для других российских локальных сообществ: сказывается и общее превалирование неформальных практик, и неразвитость гражданского общества, и слабость локальных партийных структур, и ограниченный кадровый ресурс сравнительно небольших городов, следствием которого становится концентрация людей с высоким персональным ресурсом в публичных и коммерческих структурах.

Поэтому, в моногороде, как и в других городах, имеет место заметный дисбаланс формальных и неформальных связей в отношениях между основными акторами: явное превалирование неформальных отношений над формальными. Это не только фактически блокировало и без того ограниченные возможности локального сообщества контролировать структуры власти, но и усиливало ее ориентацию на достижение личных и корпоративных интересов. В этих условиях «распил» становится в некотором смысле более реальной повесткой, чем приоритеты населения, а отношения между акторами, как уже отмечалось ранее, скорее напоминают отношения между двумя преследующими свои цели группами бизнесменов.

Кроме того, сомнения в «полноценности» городского режима в моногороде возникают и в связи с тем, что имеет место очень сильная персональная составляющая режима, которая определяет не только ее состав, но и другие параметры: местная элита уверена, что при иных руководителях города и района взаимоотношения между ключевыми акторами могут кардинально измениться.

---

¹ Такими, как, например, «Центральная ассоциация Атланты» и «Городская Лига» в стоуновской Атланте, АКРО в Питтсбурге в период исследования Барбары Ферман (Ferman 1996), «Партнерство Портсмута и Юго-Восточного Гемпшира» в Портсмуте, описанное Нэнси Холман (Holman 2007: 435-453) и др.

Таким образом, в моногороде, как и в других изученных нами городах, конфигурации акторов не вполне соответствуют стоуновским критериям режима. По-видимому, это неизбежно и закономерно в нынешнем (авторитарном) российском контексте, сужающим возможности политического действия и выстраивания равноправных коалиций в публичном пространстве; сказывается и общее доминирование политико-административных элит, усилившееся в последние два десятилетия.

Тем не менее, в городе налицо сеть коалиционных отношений, выстроенных как вокруг завода, так и глав города и района, которая обеспечивает относительно стабильную структуру локальной власти. И это дает нам основания рассматривать ее с помощью концепции городского режима.

Формирования подобных режимов («квазирежимов») в других моногородах представляется вполне вероятным, поскольку структурно заданная конфигурация наиболее влиятельных акторов стимулирует установление стабильных связей между структурами публичной власти и руководством градообразующего предприятия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, конфигурация власти и характер взаимоотношений между основными акторами в моногороде имеет заметные отличия от других городов. Роль градообразующих предприятий в локальной политике обуславливается как их непосредственной включенностью в политический процесс, так и структурными факторами, способствующими поддержанию и воспроизводству их потенциала влияния и власти. Поэтому их лидирующие позиции в моногородах представляются вполне естественными; руководство градообразующих предприятий обречено участвовать в формировании правящих городских коалиций или быть их основным оппонентом, а вопросы, касающиеся ситуации на предприятиях неизбежно оказываются в числе центральных в городской повестке.

Все это не только во многом определяют специфику политики в моногороде, но и оказывают существенное влияние на качество и эффективность управления. Поэтому изучение власти в локальных сообществах разного типа остается актуальным направлением исследования в политической науке и социологии.

Литература и источники

Бычкова О., Гельман В. Экономические акторы и локальные режимы в крупных городах России // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. С. 73–82.

Витковская Т.Б., Рябова О.А. Моногорода Среднего Урала: локальные элиты и политические процессы. Екатеринбург: УРО РАН, 2011.

Ледяев В.Г. Изучение власти в городских сообществах: основные этапы и модели исследования // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. С. 23–52.

Ледяев В.Г. Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.

Чирикова А.Е., Ледяев В.Г., Сельцер Д.Г. Власть в малом российском городе: конфигурация и взаимодействие основных акторов // Полис. 2014. № 2. С. 88–105.

Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. Власть в малых российских городах: взаимодействие исполнительной и законодательной ветвей власти // Мир России. 2015. № 3. С. 6–32.

Bychkova O. *What Do Things Do in Policy? Describing the Heating Sector Reform in Post-Soviet Russia*. Ph.D. dissertation. . Ohio: Ohio State University, 2007.

Crenson M.A. *The Un-Politics of Air Pollution: A Study of Non-Decision-Making in the Cities*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1971.

Ferman B. *Challenging the Growth Machine. Neighbourhood Politics in Chicago and Pittsburg*. Lawrence: University Press of Kansas, 1996.

Friedrich C. *Constitutional Government and Politics*. NY: Harper and Brothers, 1937.

Holman N. Following the signs: applying urban regime analysis to a UK case study, *Journal of Urban Affairs*, 2007, 29 (5), pp. 435–453.

Mills C.W. *The Power Elite. With a New Afterword by Alan Wolfe*. New York: Oxford University Press, 2000.

Stone C.N. *Regime Politics: Governing Atlanta, 1946-1988*. Lawrence: University Press of Kansas, 1989.

POWER IN THE CITY

POWER IN THE MONO-INDUSTRIAL COMPANY TOWN

A. Chirikova, V. Ledyayev

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2016.3.7>

Abstract. *The article is based on the outcomes of empirical research conducted in 2011-2015 in five small Russian towns including mono-industrial company town in the Perm region. The main corpus of empirical data was obtained by in-depth face to face interviews with local politicians, public officials, businessmen, local and regional experts.*

Configuration of the most influential actors in the town substantially differs from what we discovered in other local communities where actors representing the local executives dominate. The most influential actors in the mono-industrial company town are: the head of the town, the leadership of the city-forming enterprise, and the leadership of the district administration; there are significant differences between the experts in the evaluation of their powerful potential. Other actors — municipal and regional legislatures, small business, civic organizations — are the actors of the second level of influence, while the head of the executive branch in the town whose position in other local communities usually guarantee the leadership of its incumbent, did not have sufficient personal resources and was in fact dependent on the head of the town.

As in other towns, open conflicts occur only between actors representing different branches of the local government. The most significant conflict was between the town and district municipal structures caused not only by traditional disagreements over the distribution of functions, but also by opposite positions taken by the parties on the question of reforming the system of local government. Relationships between the local governments and legislatures were less conflictual, although the presence of solid “plant” fractions in the town and, especially, in the district legislatures largely determine the urban agenda and the specifics of the local political process.

The most significant coalition was formed between the town authorities and the leadership of the main enterprise; in most situations the coalition successfully implements its own interests and with certain reservations can be considered as the basis of urban regime in terms of C. Stone. However, the informal component substantially prevails over the formal. The local community does not have any serious formal organizations, designed to protect the interests of business and contribute to the optimization of its interaction with the municipal power structures. It seems natural in the current (authoritarian) Russian context,

narrowing the possibility of political action and building coalitions between equal and autonomous actors in the public space.

Keywords: Power, mono-industrial company town, city-forming enterprise, urban politics.

References

Bychkova O. *What Do Things Do in Policy? Describing the Heating Sector Reform in Post-Soviet Russia*. Ph.D. dissertation. Ohio: Ohio State University, 2007.

Bychkova O., Gel'man V. *Ekonomicheskiye aktory i lokal'nyye rezhimy v krupnykh gorodakh Rossii [Economic actors and local regimes in large Russian cities]*, *Neprikosnovennyy zapas*, 2010, 2, pp. 73–82. (In Russian)

Chirikova A. Ye., Ledyayev V.G. *Vlast' v malykh rossiyskiykh gorodakh: Vzaimodeystviye ispolnitelnoy i zakonodatelnoy vetvey vlasti [Power in small Russian towns: the interaction of the executive and legislative branches of government]*, *Mir Rossii*, 2015, 3, pp. 6–32. (In Russian)

Chirikova A. Ye., Ledyayev V.G., Sel'tster D.G. *Vlast' v malom rossiyskom gorode: konfiguratsiya i vzaimodeystviye osnovnykh aktorov [Power in small Russian town: the configuration and interaction of the main actors]*, *Polis*, 2014, 2, pp. 88–105. (In Russian)

Crenson M.A. *The Un-Politics of Air Pollution: A Study of Non-Decision-Making in the Cities*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1971.

Ferman B. *Challenging the Growth Machine. Neighbourhood Politics in Chicago and Pittsburg*. Lawrence: University Press of Kansas, 1996.

Friedrich C. *Constitutional Government and Politics*. NY: Harper and Brothers, 1937.

Holman N. Following the signs: applying urban regime analysis to a UK case study, *Journal of Urban Affairs*, 2007, 29 (5), pp. 435–453.

Ledyayev V.G. *Izucheniye vlasti v gorodskiykh soobshchestvakh: osnovnyye etapy i modeli issledovaniya [The study of power in urban communities: milestones and research models]*, *Neprikosnovennyy zapas*, 2010, 2, pp. 23–52. (In Russian)

Ledyayev V.G. *Sotsyologiya vlasti. Teoriya i opyt empiricheskogo izucheniya vlasti [Sociology of power. Theory and empirical research of power]*. Moscow: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2012. (In Russian)

Mills C.W. *The Power Elite. With a New Afterword by Alan Wolfe*. New York: Oxford University Press, 2000.

Stone C.N. *Regime Politics: Governing Atlanta, 1946–1988*. Lawrence: University Press of Kansas, 1989.

Vitkovskaya T.B., Ryabova O.A. *Monogoroda Srednego Urala: lokal'nyye elity i politicheskiye protsessy [Company towns of the Middle Urals: local elites and political processes]*. Yekaterinburg: URO RAN, 2011. (In Russian)

«КТО ХОЗЯИН?»: ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ МОДЕЛЕЙ ВЛАСТИ В РАЙОНАХ СИБИРСКОГО МЕГАПОЛИСА¹

Ю.А. Пустовойт

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2016.3.8>

Аннотация. *Исследование направлено на изучение властных групп в городском сообществе, рассматриваемых в рамках концепции городских политических режимов. Почему и при каких условиях в одном случае формируются режимы, ориентированные на доминирование одного актора, способного менять «правила игры», а в другом возможности политических субъектов ограничены? Методом проверки гипотезы выступает сопоставление и анализ противоположных случаев в двух городах: крупном индустриальном центре Сибири, где был сформирован режим «контроля», и сибирского мегаполиса, где, предположительно, формируется «режим координации»; в двух районах одного города с противоположными социально-экономическими характеристиками и российских городах, близких по структуре промышленности. Полученные данные позволяют предположить, что причина формирования отношений «контроля» опирается как на монопольную добывающую экономику региона, так и на стратегии ведущих акторов.*

Ключевые слова: *Городской политический режим, элитизм, плюрализм, политическая элита, район, мегаполис, капитал*

Быть «хозяином» (в основе этого, предположительно тюркского слова, лежат такие коннотации как «учитель, господин» и «злой дух, домовой») значит иметь возможность самостоятельно выдвигать политические, экономические и социальные проекты, добиваться их реализации и контролировать их последствия. Смысл этого понятия несколько отличается от привычного поиска ответа на вопрос Р. Даля «Who Governs?» и означает не определение круга тех, кто обладает наибольшим влиянием на принятие политических решений, а тех, кто контролирует экономическую, политическую и социальную жизнь на опреде-

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и Правительством Новосибирской области научного проекта «Кто хозяин? формирование и развитие моделей власти в районах сибирского мегаполиса» №16-13-54003

ленной территории, имеет возможность распоряжаться свободой и имуществом ее жителей, обязуясь взамен добиваться экономического благополучия, осуществлять опеку и попечительство. В русской культуре слово «хозяин» несет преимущественно комплементарное значение (от николаевского «Хозяин земли русской» к сталинскому прозвищу и характеристикам постсоветских градоначальников («крепкий хозяйственник») и, обычно, означает высшую степень экономической и политической самостоятельности. Заметим, что даже в условиях сложившейся западной демократии на городском уровне возможны близкие феномены господства «политических машин» и «боссов» (тут, конечно, показателен семейный случай «долгого правления» легендарного мэра Чикаго Ричарда Дели и его сына). Тем не менее, если усиление патримониальной локальной авторитарной власти, происходившее во многих странах явление скорее временное (так называемый, «субнациональный авторитаризм»¹), подразумевающее наличие конфликта местных и национальных элит, то в России запрос на «хозяина», судя по предвыборным баталиям на всех уровнях власти, представляет достаточно долгосрочную тенденцию. Причем, если в дореволюционной империи сложившаяся модель неразделяемой власти, контролирующей в своих границах все проявления социальной активности (самодержавие), опирается, прежде всего, на ту модель власти которая сложилась в крестьянской семье и общине (Миронов 2003: 264–269), то в современных условиях преимущественно городского образа жизни выявление причин формирования современных неопатримоний представляет собой несомненный интерес, что можно подтвердить серьезным объемом публикаций, посвящённых как раскрытию механизмов функционирования властных групп (Власть и элиты 2014; 2015), так и отдельным аспектам жизни городского сообщества (Ледяев, Чирикова, Сельцер 2014).

Наиболее перспективным направлением в изучении власти на городском уровне выступает «теория городских политических режимов» (предложена К. Стоуном на основании изучения политической истории г. Атланты), сосредотачивающая свое внимание на действиях политических акторов, их объединениях и коалициях, а также на формальных и неформальных нормах, регулирующих их взаимодействие. В отличие от «элитистов», в концепции политических режимов нет

---

¹ О субнациональном авторитаризме подробнее см.: (Гельман 2010).

«детерминизма» социальной структуры, и предполагается большее значение собственно политических (субъективных) факторов. В отличие от «плюралистов», теория режимов объясняет происходящее в городских сообществах, как результат деятельности правящих коалиций и соглашений, а не свободной игры политических сил, оказывающих влияния на относительно нейтральные институты (Ледяев 2012: 171–172).

На какой основе может происходить это объединение? Что определяет интересы участников, заставляет их считаться друг с другом и выработать совместные стратегии поведения? На наш взгляд, в основе долгосрочных объединений политических акторов и, соответственно, типологизации политических режимов лежат их представления о феномене власти: либо как о самодостаточной ценности, либо как о средстве достижения иных целей. Эти две модели власти традиционно задают и рамки исследования. Как показал в своей работе В. Ледяев, обычно исследователи ориентируются на одну из перспектив представлений о власти: как об асимметричном отношении, включающем в себя актуальный или потенциальный конфликт (Т. Гоббс, М. Вебер, Р. Даль, С. Льюкс и др.), или как коллективный ресурс, позволяющий добиваться общего блага и всеобщей выгоды (Аристотель, Платон, Т. Парсонс, Х. Арендт). И именно второй подход был в основе работы К. Стоуна, сместившего фокус анализа политических проблем от проблем установления власти («власти над») к проблеме способности властвующих добиваться реализации поставленных целей («власти для») (Ледяев 2012: 118–119). При этом подходе политика рассматривается больше, чем борьба, и ее конечной целью выступает обеспечение необходимого уровня кооперации для решения актуальных задач, вне всеобщей властной структуры и общей идеологии.

Так как любой режим описывается как совокупность политических акторов и политических институтов, то его ключевыми характеристиками могут быть два измерения: «монополия — полиархия» (есть или нет альтернативы доминирующему актору (оценивается через распределение голосов на выборах между лидером и оппозицией)) и «персонализм — безличность» (есть или нет единые и универсальные правила, действующие для всех участников политического процесса (оценивается как высокий или низкий контроль доминирующими акторами избирательного процесса и итогов голосования)). Совпадение показателей «монополии» и «персонализма» дает нам идеальный тип —

«режим контроля», совпадение «полиархии» и «безличности» — шанс (режим может не состояться) на реализацию «режима координации».

При таком подходе режим «контроля» имеет много общего с неопатримониальным режимом. Концепция неопатримониализма разрабатывалась на материале стран «третьего мира» и постсоветских политических трансформаций. Особенностью неопатримониализма выступает частное присвоение политической власти группой, использующей ее для реализации собственных интересов. Характерными признаками здесь выступают отделение центра принятия решений от периферии, отношения личной зависимости между обладателями высоких и низких политических статусов, асимметричный обмен услугами, слияние власти и собственности, монополизация правящей группой политических, экономических и символических ресурсов, ограничение доступа иных политических групп к ресурсному обеспечению и контроль над ними. (Фисун 2006: 164-165). Неопатримониализм не тождествен авторитаризму. Его критерием выступает персонализация отношений в противовес безличности, означающей уровень бюрократизации, приоритет формальной нормы над личными лидерскими ценностями — «закона над понятиями». В неопатримониальных системах действует принцип «друзьям — все, врагам — закон», что означает предельную бюрократизацию жизни для одних групп населения (например, хорошо знакомый работникам Высшей школы «менеджмент качества») и предельное доверие для других (например, при распределении ресурсов) (Розов 2016).

Итак, в центре нашего внимания процесс борьбы за власть, создания тактических и стратегических союзов политических и экономических акторов, реализующих свои цели на территории крупного индустриального центра (Кемеровская область, город Новокузнецк) на протяжении последних двадцати лет. Кейс интересен тем, что, во-первых, город находится в регионе, в котором совокупная ресурсная рента производится в таких объемах, которые обеспечивают ему такое же место среди российских регионов, какое и Россия занимает в международном масштабе (Олейник 2011: 242). Во-вторых, большая часть промышленности региона сконцентрирована именно в Новокузнецке, что ставит его на 6-е место среди городов России по объему промышленного производства на душу населения и 10-е среди крупнейших промышленных центров страны (см подробнее: Промышленный каркас России 2012). На наш взгляд, политическая история города-донора

представляет собой особый интерес как история становления режима «контроля» в крупном индустриальном центре, где помимо серьезных экономических ресурсов, в 80-90-е гг. отмечалась высокая политическая активность населения.

В качестве эмпирической базы были использованы газетные публикации с 1988 по 2014 гг., материалы всех избирательных кампаний в городские органы власти (1990, 1997, 2001, 2006, 2010, 2013 гг.), архивные материалы, беседы и интервью с непосредственными участниками происходивших событий.

До 1991 г. — коалиция, основанная на идеологическом контроле и номенклатурном назначении (политико-административная элита — союз идеологов и промышленников). Высокий уровень авторитаризма, низкий уровень персонализма. Стратегия городского развития задавалась экономическими субъектами, руководство предприятий рассматривало город как особый социальный цех. Практически все административные и партийные посты занимали люди, начинавшие активную управленческую деятельность на металлургических и горнодобывающих предприятиях города и региона, но их назначение и карьера должны были быть согласованы с территориальными партийными органами.

С 1991–1997 гг. — период активного формирования конкурентных коалиций (в ходе конкурентной борьбы побеждает неидеологизированная коалиция администраторов, силовиков и бизнесменов).

Рост уровня демократии, снижение уровня бюрократизма. Идеологические линии противостояния до 1993 г., далее объединения вокруг персон, претендующих на занятие ключевых позиций. С 1-го августа 1991 г. идеологические баталии были перенесены на уровень горсовета, подчинившего себе исполнительную власть. Коммунисты и демократы находились в ситуации непримиримой борьбы по поводу тех или иных стратегических планов, «вызывали на ковёр» Администрацию города и, практически не занимаясь хозяйствованием, уделяли особое внимание процессу приватизации. С 1993 г. после известных событий идеологические баталии утихли, и перед назначенной администрацией встал комплекс проблем, сводимых к простой формуле — «нет денег».

Выборы 1997 г. вскрыли основные властные группы, их экономические ресурсы и социальную базу. Наиболее сильным кандидатом считался В. Медиков, начинавший свою политическую карьеру ещё народным депутатом СССР, за которым стояли крупные политические

фигуры (А. Чубайс, А. Лебедь), действующее руководство КМК, Запсиба и ряда крупных городских организаций. Не меньшей популярностью пользовался полковник милиции В. Медянцев, поддерживаемый компанией «МИКОМ», О. Сосковцом и В. Жириновским. Победитель — С. Мартин, набравший в ходе выборов 27 % голосов, на начальном этапе не рассматривался как серьёзная кандидатура.

С 1997–2002 гг. — период становления режима «контроля». Становление коалиции — ведущую роль играют политико-административные структуры, центр принятия решений постепенно смещается к региональным властям. Городские власти сформулировали «повестку дня»: «создание города, привлекательного для инвесторов». Как и во многих городах, в Новокузнецке стало активно развиваться строительство элитного жилья, торгово-развлекательных центров, реконструкция исторических памятников. Заголовки газет того времени начинались со слов: «Мэр работает, контролирует, одобряет» и т.д. В регионе и городе стала активно развиваться практика договоров о социально-экономическом партнёрстве, направленная на обязательство владельцев и менеджмента предприятий поддерживать все властные инициативы. Те, кто с этим не соглашался, были вынуждены покинуть регион. Предприятия получали конкурентные преимущества, а власть — свободные денежные средства.

С 2002–2010 гг. — период закрепления «режима контроля». Происходит встраивание политико-административных структур в «вертикаль власти». Возможность муниципальных властей определять местную конфигурацию управленческого аппарата, соучаствовать в выполнении социальных государственных программ, контролировать мелкий и средний бизнес на территории при условии лояльности к региональному и федеральному центру. Происходит смена части игроков, коалиция — уже не столько люди, выбранные первым лицом города, сколько неформальное сообщество носителей бюрократического ранга. Основную роль начинают играть собственники крупных предприятий, ориентированные на администрацию области.

К 2005–2006 гг. политическая борьба практически прекратилась, чему немало способствовало новое законодательство, особенно федеральный закон 2003 г. о местном самоуправлении и закон 2006 г. о выборах.

2010–2014 гг. — период внешнего разрушения локального режима «контроля» и формирования нового режима «контроля».

В апреле 2010 г. Совет народных депутатов в отсутствие мэра города принял решение об его отставке. За несколько месяцев до этого в городе, в том числе и на страницах печати, активно обсуждались финансовые злоупотребления в Новокузнецкой управляющей и Новокузнецкой энергетической компаниях. Дальнейшее развитие политических событий не представляет особого интереса, так как в городе было введено практически внешнее управление. В сентябре 2013 г. мэром города был выбран С. Кузнецов, имеющий в своём послужном списке работу в «ЕвразХолдинге» и самостоятельном бизнесе. С одной стороны, мэр постоянно подчёркивает необходимость работы на основании чётких регламентов, осуществления отбора в команду по принципу профессиональной компетенции, независимости принимаемых решений от финансово-промышленных групп; с другой, регулярно упоминает серьёзное влияние губернатора на формирование его политической карьеры, отсутствие собственной команды и необходимость лично принимать участие в решении множества разноуровневых проблем (от ремонта канализации в одном из домов города до финансирования хоккейной команды).

Общий вывод исследования: в городе сформирован авторитарный персонализированный режим. Его организационное ядро (коалиция политических, экономических и силовых акторов) находится в основном вне городской территории и представляет собой систему сложившихся персональных иерархичных неконкурентных отношений между управляющими. Целью коалиции является регулярное извлечение и распределение ренты и контроль над политической и социальной активностью населения, осуществляемый через пропаганду региональной уникальности. Основным элементом здесь выступает вера в то, что стабильность и порядок в регионе и городе невозможно осуществлять вне рамок просвещенного авторитаризма и харизматического лидера — губернатора, носителя всех христианских добродетелей и единственного защитника социальной справедливости.

Истоки и причины формирования режима «контроля» можно рассматривать, как и неопатримониального, как «наследие прошлого» (Р. Пайпс, Т. Рот), «модернизационную травму» (Ш. Эйзенштат), сознательного и выборочного «отравления» институтов для регулярного извлечения максимальной ренты (В. Гельман) (Гельман 2014). Все три популярные гипотезы имеют под собой рациональные основания и находят свое подтверждение. Действующие властные коалиции во многом воспроизводят советские и силовые практики управления, что не удиви-

тельно, если учесть период профессиональной социализации их действующих лидеров. Неформальные нормы сформировались за очень короткое время в условиях «войны всех против всех», игр с «нулевой суммой», и первый период их деятельности был связан не столько с открытой личной рентой и ростом персонального потребления, сколько с поиском контролируемых средств для выполнения социальных обязательств.

Наша гипотеза состоит в том, что основной причиной формирования «режима контроля» отношений выступает монопольная добывающая экономика региона, подчиняющая своим интересам другие отрасли хозяйства и не требующая большого количества рабочих рук на фоне высоких социальных обязательств и немобильного населения. В этих условиях политико-административные группы при помощи силовых ресурсов обеспечивают вход на региональный рынок только тем экономическим структурам, в лояльности которых они уверены.

Для проверки гипотезы мы собрали аналогичный комплекс данных по становлению и развитию властных групп по «противоположному» по исходным социально-экономическим факторам случаю — сибирскому мегаполису (г. Новосибирск), выделили в нем два района («промышленный» и «научный») в которых гипотетически должны сформироваться режимы «контроля» и «координации» и далее проверили свои выводы на других сибирских городах. Еще раз подчеркнем, что работа носит пилотажный характер и наша цель на этом этапе определить продуктивность и обоснованность предлагаемых нами идей.

Начнем с общих характеристик. Новосибирск — город, расположенный на территории 502,7 кв. километров, третий по численности населения в Российской Федерации (1584,1 тыс. человек), самое крупное муниципальное образование и самый быстрорастущий город мира. Основу экономики составляют промышленность (220 крупных и средних предприятий, в основном обрабатывающие и наукоемкие производства), торговля, сфера услуг (один из крупнейших в России региональных центров оптовой торговли), строительство (один из лидеров России по вводу жилья), транспорт (крупнейший узел Западной Сибири), наука и научное производство (центр академической и отраслевой науки азиатской части России). Город успешно развивается при отсутствии в регионе крупных ресурсодобывающих предприятий, в чем и состоит его отличие от большинства сибирских городов¹.

---

¹ Подробнее см.: (О Новосибирске 2016).

Постсоветская политическая история — образец стабильности. В отличие от г. Новокузнецка, история складывания властных отношений в г. Новосибирске, это скорее история о том, как город подчинял себе область, через перемещение людей, занимавших ключевые позиции в системе городского управления на областной уровень. С 1992 г. (Индик Иван — первый мэр Новосибирска, а будущие мэр и губернатор — сотрудники его аппарата) и до 2014 г., когда мэром становится кандидат от коммунистической оппозиции А. Локоть (у него 43,96 % голосов, а за кандидата от «Единой России» Владимира Знаткова — 39,46 %), мы видим в течение довольно длительного периода череду побед с серьезным перевесом на городских и областных выборах коалиции, объединенной вокруг Виктора Толоконского. В 1996 г. он побеждает на выборах мэра с 79,74 % голосов и становится впоследствии губернатором Новосибирской области и далее Красноярского края. В городе его сменяет на этом посту его заместитель Виктор Городецкий (2000 г. — 73,22 %; 2004 г. — 58,91 %; 2009 — 73,22 %), он же с 2014 г. губернатор Новосибирской области.

Если мы рассмотрим итоги голосования на общероссийских выборах (принято считать, что на общероссийских выборах избиратель голосует за идеологию, на местных за ресурсы), то здесь мы увидим результаты значительно отличные от областного и от общероссийского волеизъявления электората. Так в 1993 г. при лидерстве ЛДПР второе место занимает «Яблоко» (в области — шестое). В 1996 г. при том, что в целом Новосибирская область голосует за Зюганова (22,5 % — по городу, 34,96 % по области в первом туре), город голосует за Ельцина (32,71 % против 25,61 %), во втором туре сохраняется та же тенденция. В 2011 г. на выборах в Государственную Думу «Единая Россия» получает 27,59 % (33,84% в области), КППРФ — 30,25 % (30,25 % в области). И, наконец, как уже было сказано, в 2014 г. мэром города становится представитель КППРФ, до этого победивший на праймериз между кандидатами от оппозиции (в силу чего остальные претенденты сняли свои кандидатуры). Таким образом, если ориентироваться на критерий А. Пшеворского: «Демократия, это такое политическое устройство, в котором правящая партия может проиграть выборы» (Пшеворский 1999), городской режим можно характеризовать, как демократический.

С признаками неопатримониализма здесь ситуация сложнее. Город время от времени сотрясают криминально-политические события:

от убийств вице-мэров до мелких коррупционных скандалов с последующими возбуждениями и судами, что может интерпретироваться и как слияние власти и собственности, так, как и их принудительное разделение. На городском уровне нет явных признаков персонализации власти, слияния власти и собственности и использования силовых ресурсов. Мнения экспертов здесь тоже существенно различаются: от характеристик городской системы и отдельных ее элементов как безличных, функционально–бюрократических, так и описания ее как «патронажно-клиентельной»: «если у нас из администрации выгнать родственников, друзей, любовников, любовниц и собутыльников, то работать будет некому». С большей уверенностью можно говорить о неопатримониальной системе в 90-е гг. (впрочем, формирование близких, по сути, субнациональных режимов в переходной экономике — это общероссийская тенденция), с меньшей — в настоящее время.

Сделаем попытку разобраться в этом вопросе, спустившись еще на один уровень управления ниже, уровень районных администраций. Сопоставим политическую жизнь в двух районах г. Новосибирска: Советском и Калининском. На этом этапе исследования в фокусе нашего внимания находятся только ландшафтные и социально-экономические характеристики районов и электоральное поведение. Районы (при всей условности такого сопоставления, автор считает его вполне допустимым) выбраны, с одной стороны, как некоторые аналоги американских городов: г. Атланты, где были проведены классические исследования Ф. Хантера, К. Стоуна, и г. Нью-Хейвена, где работал Р. Даль, с другой, как диаметрально противоположные по многим характеристикам (северный — южный; выделен как часть городского района — образован из деревень; промышленный — научный). Для того, чтобы получить представления о ландшафтных, социальных и культурных характеристиках выбранных районов, воспользуемся официальными данными и полевыми алгоритмами, предлагаемыми в рамках новой урбанистики (оформление въезда, наличие общественных пространств, мусор, музеи и выставки, архитектура и связь районов, событийность, характеристики местных СМИ), и опытом описания городского районного ландшафта¹.

---

¹ Здесь за основу взяты подходы, обозначенные в видеолекциях и материалах: (Мурунов 2016; Осипова 2016).

Калининский район, образован в 1980 г. за счет выделения из Дзержинского района предприятий министерства среднего машиностроения и, соответственно, подконтрольных Министерству Обороны. Население 194 тыс. человек, из которых 49 % — пенсионеры. Наибольший удельный вес предприятий в торговле, недвижимости, промышленности и строительстве. 20 крупных, среди которых обычно выделяют ОАО «Новосибирский завод химконцентратов», ОАО ПМСП «Электрон», ФГУП «Север» и строительный «Энергомонтаж»¹. Центр района — проспект Богдана Хмельницкого (по легендам до 1953 г. Л. Берии), одна из красивейших улиц города, симметрично окруженная разноцветными трех-четырёхэтажными домами. В районе пять избирательных округов, каждый из которых обладает своей архитектурной спецификой, большая часть района построена в благополучный «брежневский» период, два образцовых микрорайона в 80–90 гг., есть частный сектор и район рабочих бараков. Хорошо связан с другими районами города, чистый и, судя по отзывам, достаточно комфортный. В музее района представлены пять оборонных предприятий города (портреты руководителей, графики выпуска и награды), военная экспозиция от Великой Отечественной войны до современных конфликтов, и, отдельно, пианино и альбом дореволюционной барышни, что, судя по всему, должно символизировать непрерывность традиций с началом века. Ежемесячная газета «Калининские новости» представлена на сайте администрации района и выполнена в формате советского производственного издания.

Советский район образован в 1958 г. из нескольких деревень по обеим сторонам Оби, в связи с созданием СО АН РАН и Новосибирского научного центра. Население 139400 жителей. Из 6913 организаций, расположенных на территории, 25 крупных и средних с основным видом деятельности «промышленность» (ОАО «15 Центральный автомобильный завод», ОАО НЭМЭ «Тайра», ОАО «РусГидро» — «Новосибирская ГЭС»). Главная особенность Советского района — высокая концентрация научно-исследовательского потенциала: 44 научно-исследовательских института, организации и учреждения, Новосибирский государственный университет, а также «Технопарк Новосибирского Академгородка»². Необходимо учитывать, что весь научный

---

¹ Подробнее см.: (Калининский район 2016).

² Подробнее см.: (Советский район 2016).

комплекс — это один из четырех избирательных округов, расположенных на территории Советского района. Район смело называет себя научным и подчёркивает это на въездных вывесках, Общественные пространства лучше всего представлены лесом и приморским пляжем, в районе несколько музеев. Сам музей Советского района в основном сосредоточен вокруг трех тем: «повседневность деревни», «строительство ГЭС» и «детство». Архитектура самая разная: центр Академгородка — «хрущевки», фешенебельные дома «сталинского типа» и небольшое количество современного элитного жилья по самым дорогим в городе ценам, левый берег — советские панельные здания, окруженные частным сектором. Удаленность от города и пробки на основной магистрали значительно осложняют перемещения в центр Новосибирска и обратно. Здесь достаточно много разнообразных печатных и электронных СМИ.

Интересен ход и итоги избирательных кампаний на территории районов¹. На общегосударственных выборах существенных различий мы не обнаружили, хотя в 2011 г. Советский район оказался значительно более «коммунистическим» и «прояблочным» (39,16 за КПРФ и 8,93 % за «Яблоко»). Итоги выборов в местные органы власти позволяют предположить, что в Калининском районе мы имеем дело скорее с доминированием одной коалиции, в Советском районе — с полиархией. Формирование и состав этих групп власти еще предстоит выяснить. Судя по итогам выборов 2000 г., районы по уровню конкуренции (количество претендентов и разница голосов между победителем и ведущим оппонентом) мало отличались друг от друга, но уже с выборов 2005 г. в округах, расположенных на территории Калининского района, процент голосов между избранным в депутатский корпус и вторым кандидатом различается в два, а иногда и в четыре раза. Так, например, трижды избранный по 15 округу (рабочий поселок Пашино) самовыдвиженец, кандидат в депутаты В. Илюхин, ставший впоследствии руководителем фракции «Единой России» (на последних выборах вышедшей из нее со скандалом и возглавивший сейчас «Родину») получает 49,6 % голосов, его ближайший соперник коммунист Микерин В. — 12,7 %. В округах Советского района в это самое время кандидатов на посты больше, набранных голосов у них меньше и разрывы обычно укладываются в 10–15 %. Эта тенденция сохранялась в течении последних десяти лет и была

---

¹ Подробнее см.: (Прошедшие избирательные кампании 2016).

подтверждена на выборах 2015 г. Идеологически депутаты Калининского района представляют партии и движения национально-патриотического плана. Отметим, что еще в 1996 г. одним из самых серьезных конкурентов В. Толоконского был П. Лапков из этого района, поддерживаемый КРО, Русским национальным собором и КПРФ. Политическая панорама Советского района более сложная. Судя по результатам последних выборов, на территории округа, где расположен научный центр, имеет некоторую поддержку демократическая оппозиция, в других, — хотя и проигравшая с небольшим отрывом партии власти, коммунистическая.

Далее мы рассмотрели ситуацию по выделенным параметрам режима в городах, близких по характеристикам к Новосибирску и Новокузнецку. Цифра перед знаком — место в рейтинге промышленных городов. Наличие политической альтернативы на выборах с 2000 г. обозначим «+», ее отсутствие «-»; попадание в список честных городов «+», не попадание «-». Если по имеющимся данным по городу ситуация остается неясной, то ставим «?». Москву, Санкт-Петербург и нефтедобывающие города здесь мы не рассматриваем.

Города «близкие» к Новокузнецку. Часть из них входят в первую двадцатку городов с наибольшим промышленным потенциалом, специализируются на добыче, первичной обработке природных ресурсов и черной металлургии, а также они лидируют по объему промышленного производства на душу населения: Норильск «8 место, + ?», Челябинск «9 место, + ?», Череповец «11 место, + ?», Новокузнецк «10 место, —», Липецк «14 место, ++», Магнитогорск «15 место, —».

Новосибирская группа (только крупные города). Здесь в отличие от центров сырьевой экономики основу промышленности составляют машиностроение, наукоемкие области и пищевая промышленность: Екатеринбург «24 место, ++», Самара «27 место, +», Нижний Новгород (32 место, +), Новосибирск «34 место, ++», Ростов на Дону «38 место, —».

Таким образом, наши предположения отчасти подтвердились: численность населения, политический статус, тип и масштаб расположенного на территории бизнеса имеют значение. Авторитарные персонализированные режимы контроля формируются в средних (полумиллионных) городах, не административных центрах регионов, с преобладанием крупных предприятий сырьевого сектора и металлургии. Далее необходим анализ стратегий корпораций, так как в каких-то

случаях они подчиняют себе регион, переводя выходцев из предприятий в мэры городов и далее на ключевые региональные позиции (Магнитогорск, Череповец), или становятся лояльным союзником областной администрации (Новокузнецк). В целом, здесь нет какой-то российской уникальности, многие процессы формирования властных отношений вполне объясняются и сопоставимы с результатами сравнительных исследований в американских городах. Общий итог исследования представим следующим образом:

Городской политический режим, основанный на одной из моделей власти («контроль» или «координация») выступает как следствие экономических, социальных, культурно-исторических условий, за которыми просматриваются индивидуальные и групповые стратегии, направленные на увеличение объемов подконтрольных ресурсов. Если считать, что «хозяин» — тот, кто единолично устанавливает и меняет «правила игры» на территории, то такого «хозяина» в крупном мегаполисе при режиме «координации» нет.

Политическая, социальная и экономическая история двух районов крупного мегаполиса в поздний советский и постсоветский периоды (с 1989 по 2015 гг.) показывает, что с уменьшением разнообразия экономических и идеологических субъектов формируется модель «контроля», с увеличением — модель «координации».

Основными факторами становления модели власти «координации» выступают: производственная (не сырьевая) экономика, мобильное население, возможности экономического роста. В ситуации, когда на городской территории есть несколько независимых экономических, административных, силовых и идеологических центров с сопоставимыми ресурсами, наиболее рациональная стратегия политических акторов заключается в том, чтобы считаться с интересами друг друга и вырабатывать общие и безличные «правила игры».

Ориентация на экономический рост будет со временем (как это уже происходило и происходит в американских городах) сталкиваться с ростом гражданской активности, направленной на стабилизацию территориального пространства и выдвигающей требования к снижению экономической активности крупных экономических субъектов.

Литература

- Власть и элиты / Гл. ред. А.В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2014. Т. 1.
Власть и элиты / Гл. ред. А.В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2015. Т. 2.

Гельман В.Я. Модернизация, институты и «порочный круг» постсоветского неопатримониализма. Препринт М-41/15 СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2014. 44 с.

Гельман В.Я. Субнациональный авторитаризм в современной России // Сайт «Полит.ру». Публичные лекции Полит.ру. 23 сентября 2010 г. URL: <http://polit.ru/article/2010/11/17/avtoritarism/> (дата доступа: 14.07.2016).

Ледяев В.Г. Социология власти: теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М.: ИД НИУ ВШЭ. 2012. 472 с.

Мионов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): В 2 т. 3-е изд., испр., доп. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003.

Мурунов С. Урбанистика [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=X1BVexLnED0> (дата доступа: 14.07.2016).

О Новосибирске // Официальный сайт города Новосибирск. URL: <http://novo-sibirsk.ru/about/numbers/> (дата обращения 10.10.2016).

Овчинников Б. Сто восемьдесят честных городов России // Сайт Троицкий вариант 2012. [URL: <http://trv-science.ru/2012/02/28/sto-vosemdesyat-chestnykh-gorodov/> (дата обращения 1.08.2016)]

Олейник, А.Н. Власть и рынок: система социально-экономического господства в России «нулевых» годов [Текст] / А.Н. Олейник. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. — 441 с.

Осипова О. Ландшафты районов Нижнего Новгорода в исторической перспективе: архитектурные и социальные // Сигма [Электронный ресурс]. 2016. URL: <http://syg.ma/arsenal-nlo/landshafty-raionov-nizhniegho-novghoroda-v-istorichieskoi-pierspektivie-arkhitiekturnyie-i-sotsialnyie> (дата доступа: 14.07.2016).

Калининский район // Официальный сайт города Новосибирск. URL: <http://novo-sibirsk.ru/about/districts/kalin/> (дата обращения 10.10.2016).

Промышленный каркас России. 250 промышленных центров страны // Сайт Урбаника. 2012. [URL: http://urbanica.spb.ru/wp-content/uploads/2012/02/Statya_Promkarkas-Rossii_250-promcentrov-strany.pdf (дата обращения 1.08.2016)]

Прошедшие избирательные кампании // Официальный сайт Новосибирской городской муниципальной избирательная комиссии. URL: http://izbirkom.novo-sibirsk.ru/vibory_archive/ (дата обращения 15.12.2016).

Пиеворский А. Демократия и рынок: Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке / Пер. с англ. под ред. В.А. Бажанова. М.: РОССПЭН. 1999.

Розов Н. С. Неопатримониальные режимы: разнообразие, динамика и перспективы демократизации // Полис. Политические исследования. 2016. №1. С. 139–156. (DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.01.10>)

Советский район // Официальный сайт города Новосибирск. URL: <http://novo-sibirsk.ru/about/districts/sovetskiy/> (дата обращения 10.10.2016).

Чирикова А. Е., Ледяев В. Г., Сельцер Д. Г. Власть в малом российском городе: конфигурация и взаимодействие основных акторов // Полис. Политические исследования. 2014. № 2. С. 88-105. (DOI: 10.17976/jpps/2014.02.07)

Фисун А.А. Демократия, неопатримониализм и глобальные трансформации. Харьков: Константа. 2006.

“WHO IS THE MASTER?”: GENESIS AND DEVELOPMENT OF POWER MODELS IN VARIOUS DISTRICTS OF SIBERIAN MEGALOPOLIS

Y. Pustovoyt

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2016.3.8>

Abstract. *The study aimed at studying the power groups in the urban community, considered in the framework of the concept of urban political regimes. Why and under what conditions in one case are formed modes focused on the dominance of one actor, able to change the «rules of the game», and in another the possibility of political actors is limited? Method of testing hypothesis is the comparison and analysis of the opposite cases in two cities: a major industrial center of Siberia, which consisted of a regime of «control», and the Siberian metropolis, where, presumably, formed the «coordination mode»; in two districts of the same city on the opposite socio-economic characteristics and Russian cities close to the structure of the industry. The obtained data allow to assume that the reason the formation of relations of «control» based as a monopoly mining the region's economy and strategies of the leading actors.*

Keywords: *urban political regime, elitism, pluralism, the political elite, district, megalopolis, capital.*

References

- Chirikova A.Ye., Ledyayev V.G., Sel'tster D.G. Vlast' v malom rossiyskom gorode: konfiguratsiya i vzaimodeystviye osnovnykh aktorov [Chirikova A.Ye., Ledyayev V.G., Sel'tster D.G. Power in small Russian town: the configuration and interaction of the main actors], *Polis*, 2014, 2, pp. 88–105. (In Russian)
- Fisun A.A. Demokratiya, neopatrimonializm i globalnye transformatsii [Fisun A.A. *Democracy, neopatrimonialism and global transformations*]. Kharkov: Konstanta, 2006. (In Russian)
- Gelman V.Ya. Modernizatsiya, instituty i “porochnyy krug” postsovetского neopatrimonializma [Gelman V.Ya. *Modernization, institutions and the “vicious circle” of post-Soviet neopatrimonialism*]. Preprint M-41/15. SPb: Izdatelstvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2014. 44 pp. (In Russian)
- Gelman V.Ya. Subnatsional'ny avtoritarizm v sovremennoy Rossii [Gelman V.Ya. *Subnational authoritarianism in contemporary Russia*], Website “*Polit.ru*”. Public lecture, September 23, 2010. URL: <http://polit.ru/article/2010/11/17/avtoritarizm/> (available: 14.07.2016). (In Russian)

Kalininsky rayon [Kalininsky district], *The Official website of the city of Novosibirsk*, URL: <http://novo-sibirsk.ru/about/districts/kalin/> (available: 10.10.2016). (In Russian)

Ledyaev V.G. Sotsyologiya vlasti. Teoriya i opyt empiricheskogo izucheniya vlasti [Ledyaev V.G. *Sociology of power. Theory and empirical research of power*]. Moscow: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2012. (In Russian)

Mironov B.N. Sotsialnaya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII — nachalo XX v.): V 2 t. 3-e izd., ispr., dop. [Mironov B.N. *Social history of the Russian Empire (XVIII — beginning of XX century)*: In 2 vols. 3rd rev. and ext. ed.] St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2003. (In Russian)

Murunov S. Urbanistika [Murunov S. Urbanism], Website "Yuotube", URL: <https://www.youtube.com/watch?v=X1BVexLnED0> (available: 14.07.2016). (In Russian)

O Novosibirske [About Novosibirsk], *The Official website of the city of Novosibirsk*, URL: <http://novo-sibirsk.ru/about/numbers/> (available: 10.10.2016). (In Russian)

Oleynik, A.N. Vlast i rynok: sistema sotsialno-ekonomicheskogo gospodstva v Rossii "nulevykh" godov [Oleynik, A.N. *Power and market: an economic and social system of domination in Russia in 2000s*]. M.: Rossyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2011. (In Russian)

Osipova O. Landshafty rayonov Nizhnego Novgoroda v istoricheskoy perspective: arhitekturnye i sotsial'nye [Osipova O. Landscapes of the Nizhny Novgorod districts in historical perspective: an architectural and social ones], Website *Sigma*, 2016. URL: <http://syg.ma/arsenal-nlo/landshafty-raionov-nizhniegho-novghoroda-v-istorichieskoi-pierspektivie-arkhitiekturnye-i-sotsialnyie> (available: 14.07.2016). (In Russian)

Ovchinnikov B. Sto vosemdesyat chestnykh gorodov Rossii [Ovchinnikov B. One hundred eighty honest cities of Russia], Website *Troitsky variant* 2012. [URL: <http://trv-science.ru/2012/02/28/sto-vosemdesyat-chestnykh-gorodov/> (available: 1.08.2016)] (In Russian)

Promyshlenny karkas Rossii. 250 promyshlennykh tsentrov strany [Industrial framework of Russia. 250 industrial centers of the country], Website *Urbanika*, 2012. [URL: http://urbanika.spb.ru/wp-content/uploads/2012/02/Statya_Promkarkas-Rossii_250-promcentrov-strany.pdf (available: 1.08.2016)] (In Russian)

Proshedshiye izbiratel'nye kampanii [The last election campaigns], *The Official website of Novosibirsk city municipal election Commission*, URL: http://izbirkom.novo-sibirsk.ru/vibory_archive/ (дата обращения 15.12.2016).

Przeworski A. Demokraciya i rynok: Politicheskiye i ekonomicheskiye reformy v Vostochnoy Yevrope i Latinskoy Amerike / Per. s angl. pod red. V.A. Bazhanova [Przeworski A. *Democracy and market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America*]. Moscow: ROSSPEN, 1999. (In Russian)

Rozov N.S. Neopatrimonialnye rezhimy: raznoobraziye, dinamika i perspektivy demokratizatsii [Neopatrimonial regimes: diversity, dynamics and prospects of

democratization], *Polis. Politicheskiye issledovaniya*, 2016, 1, pp. 139–156. (In Russian)

Sovetsky rayon [Soviet district], *The Official website of the city of Novosibirsk*, URL: <http://novo-sibirsk.ru/about/districts/sovet/> (available: 10.10.2016). (In Russian)

Vlast i elity [*Power and elites*], gl. red. A.V. Duka. SPb.: Intersotsis. 2014. t. 1. (In Russian)

Vlast i elity [*Power and elites*], gl. red. A.V. Duka. SPb.: Intersotsis. 2015. t. 2. (In Russian)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Быстрова Алла Сергеевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН (abc_46@mail.ru).

Гольбрайх Владимир Беньяминович, научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН (vgolbraih@mail.ru).

Даугавет Александра Борисовна, научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН (a.daugavet@socinst.ru).

Дука Александр Владимирович, кандидат политических наук, заведующий сектором социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН, доцент кафедры теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (alexander-duka@yandex.ru).

Лапина Наталья Юрьевна, доктор политических наук, главный научный сотрудник Отдела глобальных проблем Института научной информации по общественным наукам РАН (lapina_n@mail.ru).

Ледяев Валерий Георгиевич, Ph.D. (Manchester, Government), доктор философских наук, профессор кафедры анализа социальных институтов Государственного университета — Высшей школы экономики (valeri_ledyaev@mail.ru).

Магомедов Арбахан Курбанович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой «Связи с общественностью» Ульяновского государственного университета (armagomedov@gmail.com).

Пустовойт Юрий Александрович, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и технологий Сибирского института управления — филиала РАНХиГС, Новосибирск (pustovoit1963@gmail.com)

Соловьев Александр Иванович, доктор политических наук, профессор кафедры политической теории факультета Политологии МГИМО (У) МИД России; заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления МГУ им. Ломоносова (alesol@mail.ru).

Тев Денис Борисович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН (denis_tev@mail.ru).

Чирикова Алла Евгеньевна, доктор социологических наук, главный научный сотрудник Сектора исследований личности Института социологии РАН (chirikova_a@mail.ru).

CONTRIBUTORS

Bystrova, Alla, Candidate of Sc. (Economics), senior researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Sociological Institute, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (abc_46@mail.ru).

Chirikova, Alla, Dr. of Sc. (Sociology), main researcher Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow) (chirikova_a@mail.ru).

Daugavet, Aleksandra, researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Sociological Institute, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (a.daugavet@socinst.ru).

Duka, Aleksandr, Candidate of Sc. (Political Sc.), Head of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Sociological Institute, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg). Assistant Professor of the Department of Theory and Philosophy of Politics, St. Petersburg State University, Faculty of Political science (alexander-duka@yandex.ru).

Golbraih, Vladimir, researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Sociological Institute, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (vgolbraih@mail.ru).

Lapina, Natalia, Dr. of Sc. (Political Sc.), main researcher of the Global Problems department, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow) (lapina_n@mail.ru).

Ledyayev, Valeriy, PhD, Dr. of Sc. (Political Sc.), Professor of the Department of the Analysis of Social Institutions (Moscow) (valeri_ledyayev@mail.ru).

Magomedov, Arbahan, Dr. of Sc. (Political Sc.), Prof., Public relations department, Ulyanovsk state university (armagomedov@gmail.com).

Pustovoyt, Yury, Candidate of Sc. (Political Sc.), Assoc. Prof., Department of Political Science and technology, Siberian Institute of Management — the branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk) (pustovoyt1963@gmail.com)

Solovyev, Aleksandr, Dr. of Sc. (Political Sc.), Prof., Head of the Political Analysis department, Moscow State University, Faculty of Public administration (alesol@mail.ru).

Tev, Denis, Candidate of Sc. (Sociology), senior researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Sociological Institute, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (denis_tev@mail.ru).

Научное издание

ВЛАСТЬ И ЭЛИТЫ

ТОМ 3

Под редакцией А.В. Дуки

Редактор *Д.В. Ткачук*
Компьютерный макет *Н.И. Паишковской*

Подписано в печать 18.12.2016.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 14,7. Уч.-изд. л. 15,2.
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ № .

Издательство «Интерсоцис».
190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14.

Отпечатано в типографии «Реноме».
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40